НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015 № 3

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 3
2015

- ТЕОРИЯ
- ПОЛИТИКА
- ИСТОРИЯ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- РЕЦЕНЗИИ

НАУКА • КУЛЬТУРА • ОБЩЕСТВО

ISSN 2308-829X

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№3’ 2015

Москва ♦ ИСПИ РАН

2015

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук ***С.В. Рогачев.***

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертны**х, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзуцев**, член-корреспондент РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, *(заместитель председателя редакционного совета)*, доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь,** политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (заместитель главного редактора), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев,** доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (первый заместитель главного редактора), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (ответственный секретарь), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
  — для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
  — для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
  — для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
  поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегль 12);
- рисунки, схемы и таблы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:
— аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
— список ключевых слов;
— пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Галкина Т.В., Журавлев А.Л.
Роль теории Я.А. Пономарева в развитии гуманитарных наук (к 95-летию со дня рождения ученого) 5

Грачев А.А.
Психологические основания макросоциального проектирования: жизненные ориентации человека 20

Замараева Е.И.
Философские проблемы русской литературы в свете евразийской концепции Н.С. Трубецкого 31

Соснин В.А.
Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: космополитизм и будущее России 42

ПОЛИТИКА

Алисова Л.Н.
Экстремизм как особая форма политического процесса 57

Плиев С.М.
Новая государственность на постсоветском пространстве 65

Сычев П.И.
Миграция и политика толерантности (на примере Воронежской области) 75

Гунибский М.Ш.
«Цветные революции» и безопасность России: уроки и вызовы 82

Сафонов В.А.
Формирование политического имиджа посредством спорта 93

Соколова Т.Д.
Общественный контроль в Российской Федерации: нормативно-правовая основа, вызовы и перспективы 98

ИСТОРИЯ

Сухарев А.В.
Сравнительный этнофункциональный анализ ментальности русской элиты в начале петровских реформ XVIII в. и в начале XXI в. 103

Сорокин С.А.
Патриотическое сознание и его проявление в годы Великой Отечественной войны 121

Ксенофонтов В.В.
Культура как духовный фактор великой победы 129

ИССЛЕДОВАНИЯ

Воловикова М.И.
Психологический портрет современной российской интеллигенции 138

Кочегарова Т.М.
Психологический портрет творцов экономической модели постсоветской России 149

Захарова Е.А.
Внедрение современных кадровых технологий в управление профессионализацией кадрового состава муниципальной службы 163

Ковалева Ю.В.
Согласованный и несогласованный типы семейной среды на этапе сепарации взрослых детей 171

РЕЦЕНЗИИ

Бахтин М.
О словаре 183

Галкина Т.В.,
Журавлев А.Л.

РОЛЬ ТЕОРИИ Я.А. ПОНОМАРЕВА В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)[1]

THE ROLE OF Y.A. PONOMAREV'S THEORY IN THE DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN SCIENCES (TO THE 95-TH ANNIVERSARY SINCE THE BIRTH OF THE SCIENTIST)

Журавлев Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор ФГБУН Института психологии РАН
Zhuravlev Anatolii Laktionovich — Doctor of psychology, Professor, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of psychology RAS. E-mail: adm3@psychol.ras.ru
Галкина Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН Института психологии РАН, доцент кафедры общей психологии Московского гуманитарного университета. Эл. адрес: galkina@list.ru
Galkina Tatiana Viktorovna — Candidate of Psychology, Senior research associate, Laboratory of Psychology of the Personality, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, associate professor of the General Psychology, Moscow University for the Humanities. E-mail: galkina@list.ru

Аннотация: В этом году отмечается 95-летие со дня рождения талантливого человека и выдающегося ученого — психолога, философа и методолога, блестящего экспериментатора и теоретика — Якова Александровича Пономарева. В статье показано, что Пономарев является не только основоположником отечественной психологии творчества, но и крупнейшим методологом науки. Рассмотрены основные положения его теории, имеющие общепсихологическое и общенаучное значение. Показаны некоторые возможности экстраполяции научных взглядов Я.А. Пономарева на гуманитарные науки.
Abstract: The 95-th anniversary since the birth of a talented person and an outstanding scientist — psychologist, philosopher and methodologist, a brilliant experimentalist and theorist-teacher — Yakov Alexandrovich Ponomarev — is marked in this year. The article shows that Ponomarev is not only the founder of the psychology of creativity, but also the largest methodologist of science. The main elements of his theory having general-psychological and general-scientific importance are considered. Some of the possible extrapolation of J.A. Ponomarev's scientific views is shown in the article.

[1] Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0002

Ключевые слова: психология творчества, методология, взаимодействие, этапы, уровни и ступени развития, способность действовать «в уме», типы знания.
Keywords: psychology of creativity, methodology, interaction, stages and levels of development, functional steps of solving problems, the ability to act “in mind”, the types of knowledge.

Введение

Созданная Яковом Александровичем Пономаревым философско-психологическая теория является одним из крупных достижений отечественной гуманитарной науки 20-го столетия. В этом году отмечается 95-летие со дня рождения выдающегося ученого и талантливого человека, который был не только известным теоретиком, методологом и философом, но и блестящим экспериментатором. Пономарев занимает особое место в отечественной психологии. Являясь на протяжении многих лет, начиная фактически с 50-х годов прошлого столетия [22, 24, 26] и до настоящего времени, безусловным лидером в области психологии творчества, Пономарев внес неоценимый вклад в развитие различных сфер психологической науки, ее истории, методологии, при этом его работы имеют не только общепсихологическое значение, но и общенаучное. Значимость его работ для психологической науки в частности и гуманитарных наук в целом трудно переоценить, но до сих пор многие его идеи остаются не до конца понятыми и недостаточно разработанными. Многогранная научно-творческая деятельность Пономарева требует к себе пристального внимания современных ученых и серьезного анализа, что позволит не только поднять на новый уровень методологического обобщения его разработки, но и будет способствовать их реализации на практике.

Анализ творческого наследия Пономарева позволяет констатировать, что он был выдающимся *психологом* — создателем общепсихологической концепции мышления [22, 24, 26, 28], интуиции [27, 35], творчества [29, 32, 33]; *философом* и *методологом* — автором оригинальной онтологии психического и гносеологии психологического познания, теории о типах (этапах) научного знания [1, 8, 23, 25, 27, 31, 32, 34, 35, 44 и др.]; *теоретиком-педагогом*, предложившим оригинальную концепцию умственного развития, в основе которого лежит формирование внутреннего плана действий или иначе — способности действовать «в уме», являющейся центральным звеном психологического механизма творческого мышления, творчества и поведения в целом [5, 6, 7, 28, 29, 30, 37 и др.]. Своими работами Пономарев

показал значение исследования творческой деятельности человека для развития педагогической теории и практики управления педагогическим процессом, направленным, в частности, на развитие как общих, так и специальных способностей и одаренности [6, 30, 37 и др.], Совместно с коллегами он разработал психолого-педагогические технологии развития изобретательского творчества, психотехники принятия решений [3, 6, 36, 38 и др.], тем самым заложив основы новых отраслей психологического знания — *психологии рефлексии и социальной психологии креативности*, имеющих прикладное значение и связанных с различными областями общественной практики [12, 17, 18, 39, 40, 42, 43 и др.].

Основные вехи нелегкого жизненного пути Пономарева и этапы его научного творчества подробно отражены авторами в развернутой вводной статье [8] в книге «Психика и интуиция», специально подготовленной к 90-летию со дня рождения выдающегося ученого [35]. Ограниченность объема данной статьи не позволяет подробно рассмотреть все положения теории Пономарева и показать тот огромный вклад, который внес ученый в развитие не только психологической науки, но и смежных с ней областей научного знания. В этой работе мы попытаемся изложить самые основные положения теории Пономарева, показать некоторые возможности их экстраполяции и ту роль, которую они играют и могут играть в развитии современных гуманитарных наук.

Основные положения теории Я.А. Пономарева

Изучение научного наследия Пономарева позволяет выделить «краеугольные камни» его теории:

1) открытие факта неоднородности результата действия человека: выделение в нем прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продуктов деятельности, выявление психологического механизма интуиции [22, 24, 26, 27, 35];

2) учение о психологическом механизме творчества (и поведения) и его центральном звене — внутреннем плане действий — ВПД (иначе — способности действовать «в уме» — СДУ) [28, 30, 32];

3) открытие сначала принципа [29], а затем универсального общепсихологического закона ЭУС («этапы — уровни — ступени») [31, 32] — закона преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий (это наиболее позднее и полное название закона) [34, С. 279];

4) теория этапов (типов) развития психологического (научного) знания [31, 34].

Пономарев, разрабатывая свою теорию на протяжении многих лет, неоднократно указывал на ее общепсихологический и общенаучный характер. Это особенно касается его представлений о психологическом механизме творчества и его центральном звене, сформулированного им закона ЭУС, созданной теории об этапах развития научного знания и введенной в психологию категории (принципа) взаимодействия. Разработки ученого в процессе его научного творчества претерпели серьезную эволюцию [5, 6, 8, 44 и др.]. Анализ трудов Пономарева позволяет говорить о широких возможностях экстраполяции его научных взглядов не только на различные области психологии, но и на смежные с ней науки, что обоснованно вызывает большой интерес к его трудам у ученых и специалистов разного профиля. Будучи многосторонне одаренным человеком, Пономарев сфокусировал свое основное внимание на проблемах психологии творчества, сделав эту область психологического знания своеобразным «экспериментальным полигоном» для создания, апробации и развития своих оригинальных концепций, носящих, как показало время, универсальный характер.

Пономарев, еще будучи студентом, в своей дипломной работе сделал первое открытие — изучив влияние подсказки на решение задач («Четыре точки»), он вскрыл феномен *неоднородности результата действия* человека, выделив в нем прямой (осознаваемый) и побочный (неосознаваемый) продукты деятельности [22]. Это исследование Пономарева стало классикой отечественной психологии мышления. Кратко суть этого сводится к следующему: определенный пласт человеческого опыта (по Пономареву — это интуитивный опыт) недоступен произвольному запросу со стороны субъекта, но он реально существует, в чем можно убедиться, если подобрать к нему подходящий ключ, находящийся на уровне действия человека [24]. Это значит, что человек может проявить свою *интуицию*, проделав определенное действие, и тогда интуитивный опыт даст о себе знать и поведет за собой субъекта, направляя его дальнейшие действия по решению задачи. Факт *неоднородности результата действия* человека, т. е. наличие в нем *осознаваемого* (связанного с работой *логики* и относящегося к цели действия) и *неосознаваемого* (связанного с работой *интуиции* и формирующегося помимо сознательной цели) продуктов деятельности укрепил веру ученого в роль *взаимодействия* (в данном случае — взаимодействия логического и интуитивного опыта в едином процессе творческого мышления) [26, 27]. Этот же факт натолкнул Понома-

рева и на разработку представлений о логическом механизме взаимоотношения *взаимодействия и развития*, что уже имело прямое отношение к дальнейшей разработке ученым системного подхода, как в отношении психологии творчества, так и методологии психологической науки в целом [29, 31].

В силу сложившихся обстоятельств на следующем этапе творческого пути Пономарев занялся исследованием умственного развития детей [8, С. 26–28]. В основу разработанной им теории умственного развития была положена идея, согласно которой сущность мышления заключается в создании умственных моделей и действий с ними. Успешность выполнения таких действий по Пономареву зависит от уровня развития внутреннего плана действий — ВПД [28]. Позже он счел целесообразным заменить термин ВПД на более адекватный, с его точки зрения, термин — способность действовать «в уме» — СДУ [5, 29]. Согласно теории Пономарева, эта способность является не только общей и базовой для развития других познавательных способностей, но и выступает центральным звеном психологического механизма творчества и поведения человека в целом [6, 34].

Проведение цикла экспериментальных исследований творческого мышления взрослого человека [26] и умственного развития ребенка [28] и сопоставление полученных результатов привело ученого к открытию сначала принципа, а затем и универсального *закона ЭУС* (*«этапы — уровни — ступени»*) [29]. Согласно этому закону *этапы* онтогенетического развития психологического механизма мышления (шире — этапы всего психического развития человека и его деятельности) превращаются в структурные *уровни* организации этого механизма и выступают затем в виде функциональных *ступеней* решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) для человека ситуациях. В общем виде эти функциональные ступени решения творческих задач являются функциональными ступенями дальнейших развивающих взаимодействий [31, 32, 34]. На основе закона ЭУС Пономаревым выстраивается целостная общепсихологическая концепция, имеющая свой особый научный язык, который можно обозначить, как *структурно-уровневый.* Введение Пономаревым в свою теорию такого языка выводит ее на новый уровень, превращая из общепсихологической в общенаучную. Психика понимается ученым как один из уровней во всеобщей взаимосвязи явлений природы. Уровни — это понятие, относящееся не только к функционированию системы, но и к ее развитию. Разработанная Пономаревым структурно-уровневая концепция позволяет сравнивать внутрен-

нее строение явлений, объектов и их эволюционный прогресс. Последовательное развитие им принципа ЭУС способствовало глубокой эволюции всего мировоззренческого содержания его концепции: акцент со структурно-уровневого строения переместился к двухполюсной организации взаимодействующих систем. Принцип ЭУС, относящийся первоначально к творческому мышлению и творчеству, превратился в универсальный закон ЭУС, означающий «двухполюсность» мира и организации всего Мироздания, единство и борьбу противоположностей, постоянное их взаимопроникновение, взаимовлияние и борьбу за доминирование. Такие психологические феномены, как логика и интуиция, рациональное и эмоциональное, осознанная цель и неосознаваемый побочный продукт, внешний и внутренний планы деятельности оказываются закономерно и логично вписанными в эту двухполюсную систему.

Можно предположить, что такая эволюция научного мировоззрения ученого во многом предопределилась его изначальным пониманием творчества в самом широком смысле, как механизма развития, и позже — как *развивающего взаимодействия*, т. е. взаимодействия, ведущего к последующему развитию и т. д. [29, 31, 34]. В последней своей работе Пономарев пишет: «…единство взаимодействия и развития представляют творчество — механизм движения» [34, С. 259]. Ученый всегда подчеркивал, что понимание природы творчества связано с привлечением широких представлений о законах, управляющих Вселенной, а творчество природы и творчество человека — это всего лишь разные сферы творчества, имеющие общие генетические корни. Творчество, по мнению Пономарева, полиформно и многоаспектно. Именно поэтому существует такое большое количество различных его определений, которые должны быть научно классифицированы, что будет способствовать переходу психологии творчества от второго — эмпирического — типа знания к третьему (гипотетически выведенному ученым) — действенно-преобразующему [34, С. 258].

Теория Пономарева об *этапах развития психологического* (в целом — научного*) знания* явилась результатом постоянного осмысления ученым полученных им ранее результатов, их методологического обобщения и стала логическим продолжением построенной им общепсихологической системы, кратко выраженной в законе ЭУС [29; 31; 34, С. 279]. Согласно представлениям Пономарева о гносеологическом механизме общественного познания, существуют определенные этапы (типы), как психологического, так и любого другого научного знания, развитие которых происходит путем перехода от созерцательно-объяснительно-

го типа знания к эмпирическому, и далее — к действенно-преобразующему [31, С. 38–43]. Не останавливаясь на характеристике этих типов знания, отметим только наиболее интересующий нас аспект — стратегию исследований, характерную для действенно-преобразующего типа знания. Так, Пономарев пишет, что основной стратегией здесь становится *комплексный, системный подход* (он хорошо знал, ценил и учитывал разработки Б.Ф. Ломова [14, 15]), опирающийся на структурно-уровневую теорию, в основе которой лежит *принцип взаимодействия*, при этом отличительной особенностью научных исследований в рамках этого типа знания является их междисциплинарный характер [34, С. 216–221, С. 242]. Остается только удивляться тому, как Пономарев мог гипотетически в середине 80-х годов XX века предположить, что наука (в частности, академическая) в XXI веке в своих исследованиях обратится к разработке тем, связанных именно с действенно-преобразующим типом знания и ученые будут обосновывать необходимость проведения таких исследований [9, 13 и др.].

Особый интерес вызывает предложенная Я.А. Пономаревым, так называемая, *экспериментальная методология*, характерная для действенно-преобразующего типа знания. Главным признаком экспериментальной методологии является использование психологического эксперимента как средства решения методологических задач [1, 34]. Он пишет, что путь к экспериментальной методологии проложило открытие *подобия форм* поведения на этапах онтогенеза ребенка и ступенях решения творческих задач [34, С. 278]). На основе открытия «*факта подобия*» вслед за выделением психологического механизма решения творческих задач у Пономарева появилось представление о психологическом механизме индивидуального познания, затем всего поведения и, более того, представления о гносеологическом механизме общественного познания в целом [34, С. 227].

Эволюция основных положений теории Пономарева, носящих общепсихологический и общенаучный характер, свидетельствует о широких возможностях ее экстраполяции на различные области психологии и смежных с ней наук.

О некоторых возможностях экстраполяции теории Я.А. Пономарева

Пономарев писал, что переход науки к действенно-преобразующему типу знания, развитие экспериментальной методологии, опора в исследованиях на принцип взаимодействия помогает фор-

мулировать четкие взаимоотношения между общей психологией и смежными с ней областями знания, в том числе и прикладными отраслями психологии, функция которых состоит в содействии реализации психологических законов в комплексных исследованиях конкретных проблем [31, С. 148]. Данное теоретическое положение реализуется и развивается в современных исследованиях [16, 45].

Одним из ключевых элементов в теории Пономарева является введенная им *категория взаимодействия*, превратившаяся затем в методологический принцип. В своих работах ученый последовательно и настойчиво объясняет различие в понимании категорий взаимодействия и деятельности: в понятии взаимодействия подчеркивается не только активность субъекта по отношению к объекту, но и возможное обратное влияние объекта на субъект [27, 29, 31, 34, 35]. Подобное понимание взаимодействия было положено в основу при разработке целого ряда других научных направлений исследования, в частности, психологии управленческого взаимодействия [10] и психологии совместной деятельности [11]. Принципиально важно то, что и в управлении людьми, и в совместной деятельности «объектом» воздействия выступает другой субъект. Трудно переоценить значение для всей психологической науки введения в нее Пономаревым категории взаимодействия, в противовес господствовавшей в 50–70-е годы прошлого столетия категории деятельности. Это сейчас, с позиций сегодняшнего этапа развития психологического знания, кажется абсолютно естественным и логичным использование в самых различных исследованиях *методологического принципа взаимодействия*. А в то время, когда ученый впервые предложил ввести в психологию категорию взаимодействия [22, 24, 25, 26, 27 и др.], это было действительно смелым новаторским шагом, вызвавшим сначала несогласие, а затем острую полемику среди ученых, придерживавшихся официально доминировавшего тогда в науке принципа деятельности.

В настоящее время *принцип взаимодействия* является методологической основой целого ряда психофизиологических исследований [1и др.]. Так, например, показано соответствие принципа взаимодействия/развития синтетической теории эволюции: взаимодействие объектов приводит к их видоизменению; происшедшие взаимодействия фиксируются в структурах взаимодействующих объектов [1, С. 24]. Системно — эволюционный подход, в рамках которого проводятся эти исследования, эксплицитно вводит понятие *структуры*, как фиксированного этапа развития, что согласуется с законом ЭУС Пономарева. По мнению И.О. Александрова и Н.Е. Максимовой, введение в науку *экспериментальной*

методологии (характерной для действенно-преобразующего типа знания), дает совершенно новые возможности для теоретико-методологических обобщений [2]. Это означает, что, используя открытый Пономаревым «факт подобия форм», эмпирически изучая объекты исследования, ученые могут делать выводы относительно предмета исследования, который в отличие от объекта не поддается прямому эмпирическому исследованию с использованием конкретных методик. По их мнению, развивая экспериментальную методологию, как новый метод построения психологического (или любого другого) знания, можно подойти к формулированию принципа реконструкции, который позволит на основе эмпирических измерений свойств объекта реконструировать свойства предмета исследования [2, С. 330].

Как указывалось выше, одно из центральных мест в теории Пономарева занимают его идеи, связанные с разработкой *концепции о центральном звене психологического механизма творчества и поведения человека — способности действовать «в уме» (СДУ)* [28, 29, 30]. Можно сказать, что экстраполяция взглядов ученого, связанных с данной концепцией, началась с работы, выполненной под научным руководством Пономарева и посвященной изучению взаимосвязи уровня развития способности действовать «в уме» и успешности решения различных задач на оценку и самооценку [4]. В этом и позже проведенных исследованиях (уже под научным руководством Т.В. Галкиной) было показано, что *уровень развития этой способности*, влияя на процесс решения различных задач на самооценку, определяет особенности формирования и функционирования механизма саморегуляции личности, тесно связан с особенностями развития речи и двигательных навыков, играет определенную роль в развитии креативности, а также специальных способностей (в частности, музыкальных) [4, 5, 6, 7, 35, 37 и др.]. Было доказано также, что СДУ, являясь системообразующим фактором, объединяющим в себе, как когнитивные, так и личностные характеристики в их неразрывном единстве, лежит в основе функционирования *механизма произвольной регуляции поведения личности* человека [21]. Таким образом, эмпирически было подтверждено гипотетическое предположение Я.А. Пономарева о том, что СДУ — это не только важнейшая характеристика интеллектуального развития, но и центральное звено психологического механизма поведения человека в целом [6].

Учение Я.А. Пономарева о способности действовать «в уме» открывает широкие возможности в области практической психологии образования и педагогики в плане развития не только общей

способности (отвечающей за возможности формирования всех специфически человеческих знаний, умений и навыков), но и специальных способностей (в частности, музыкальных), креативности и одаренности [6, 35, 37].

Основываясь на идее Пономарева о периодизации становления психологии творчества, а также целого ряда идей, касающихся структурно-уровневой организации творческого процесса, психологам удалось реконструировать характер взаимодействия методологических ориентаций в исследованиях креативных процессов и разработать новую отрасль психологического знания — *психологию рефлексии* [17, 39, 40, 42, 43 и др.]. Эти научные инновации стали базой для развертывания целого комплекса работ по реализации идей психологии творчества и рефлексии в различных *социальных практиках*: управлении, экономике, государственной службе, образовании, социальной работе, рекламе, политическом и организационном консалтинге и т. п.

В исследованиях Ч.М. Гаджиева, выполненных под руководством Пономарева и основанных на понимании центрального психологического механизма группового решения творческой задачи как преобразования побочного продукта, показана возможность распределения функций между участниками творческого процесса и выявлена ролевая структура коллектива изобретателей, включающая, так называемых, «активаторов», «генераторов», «резонаторов» и «критиков» идей. Распределение и согласование ролей повышает эффективность группового творчества, при этом сама ролевая структура является динамичной и мера структурирования различна на разных этапах творчества [3, 36].

Продолжением работы в этом направлении является исследование А.В. Растяникова, С.Ю. Степанова и Д.В. Ушакова, где была выявлена ролевая универсализация, когда лидерские функции в интеллектуальной сфере (функция генерирования идей) и в сфере взаимодействия (функция кооперации) распределялись между всеми представителями группы [40]. Ролевая универсализация связывается авторами с активизацией рефлексии участников в ходе рефлексивного практикума (как экспериментального воздействия) и повышением компетентности в совместном творчестве.

На основе изученных рефлексивных и интуитивно-рефлексивных механизмов группового творчества были разработаны различные методы стимулирования эффективной совместной творческой деятельности и модели организации со-творческого проектирования [17, 42, 43]. Эти методы и формы организации получили свое развитие и в более поздних работах [12, 19].

Таким образом, исследования, связанные с изучением механизмов группового творчества, помимо вклада в общую теорию психологии, безусловно, имеют выраженное значение для социальной практики.

Еще одним новым направлением, возникшим, в первую очередь, под влиянием работ Пономарева и Гаджиева [3, 36] и определенным образом связанных с вышеупомянутой психологией рефлексии, является, так называемая *социальная психология творчества*, как междисциплинарная отрасль психологической науки, которая интенсивно развивается в настоящее время. Фактически, именно работы Пономарева и Гаджиева явились первыми конкретными исследованиями в отечественной психологии, выполненными на примере таких форм совместного творчества, как *коллективное изобретательство* и *групповое решение творческих задач*, сдвигающими внимание исследователей и практиков с индивидуальной креативности на креативность коллективную, как групповой феномен. Справедливо отмечается, что если в 1950–1980-е годы основное внимание уделялось способам повышения *индивидуальной* креативности, то в последние двадцать-тридцать лет основные усилия направлены на повышение *групповой* креативности, т. е. креативности малых групп и организаций в целом [12, 18]. В рамках *социальной психологии творчества* понятие креативности стало сближаться с понятием инновации (создание новых товаров, услуг и обеспечение их поддержки и внедрения в деятельность организации) [20]. Исследования в области социальной психологии творчества подтвердили универсальность методологического принципа взаимодействия, выдвинутого Пономаревым. Так, достаточно очевидно, что проявление креативности практически невозможно вне *социального взаимодействия*, т. е. креативность является не только индивидуально-психологической (как традиционно считалось в общей психологии), но и *социально-психологической* характеристикой. Творчество стало рассматриваться как совместная деятельность, т. к. индивидуальное творчество всегда является продуктом взаимодействия индивида с широкой социальной, а не только предметной средой. Исходя из концепции творчества Пономарева, принципа взаимодействия и гипотетически выделенного им третьего типа знания — действенно-преобразующего, мы можем предположить, что ученый был бы рад увидеть непосредственное подтверждение своим взглядам в виде активно развивающихся сегодня научно-практических направлений, таких как психология образования одаренных [41], социальная психология творчества [12, 18]. Можно также утверждать,

что эти новые междисциплинарные области психологической науки, безусловно, относятся к третьему — действенно-преобразующему типу знания.

Заключение

Работы Якова Александровича Пономарева, став классикой отечественной психологической науки, не потеряли своего значения и в настоящее время. Наоборот, они привлекают к себе все большее внимание не только психологов, но и специалистов из смежных с психологией наук. Значение его трудов (особенно, философско-методологических работ) еще предстоит осмыслить и определить достойное место его теории в системе гуманитарного знания XXI века. Его новаторские и оригинальные идеи, касающиеся принципа взаимодействия, структурно-уровневой концепции развития психики, универсального закона ЭУС, «двухполюсности» организации Мироздания, этапов развития научного знания, перспектив развития психологической науки, вполне заслуживают внимательного анализа и обсуждения, переосмысления и использования учеными социо-гуманитарных наук и специалистами из разных областей общественной практики.

Можно с полным основанием утверждать, что Пономарев на собственном примере неосознанно доказал одно из основных положений своей теории о том, что высокий уровень развития способности действовать «в уме» (а ученый имел наивысший уровень ее развития) оказывает значительное влияние на различные стороны жизнедеятельности человека, стимулируя его к творческому решению самых разнообразных задач, встающих на его жизненном пути. Всю свою жизнь Яков Александрович находился в постоянном поиске новых возможностей продвигаться по «функциональным ступеням решения творческих задач», используя при этом взаимодействие интуиции и логики, которые были у него развиты одинаково хорошо. Огромная работоспособность и открытость всему новому, творческая разнонаправленность и остроумие, аккуратность и педантичность в доведении начатого дела до логического конца, порядочность и умение радоваться жизни несмотря ни на что — вот отличительные черты Якова Александровича Пономарева — талантливого человека, выдающегося ученого, глубокого мыслителя и методолога, блестящего экспериментатора и мудрого наставника.

Литература

1. *Александров И.О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
2. *Александров И.О., Максимова Н.Е.* Экспериментальная методология Я.А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 329–351.
3. *Гаджиев Ч.М.* Исследование психологического аспекта комплексной проблемы коллективного изобретательства: Дис ... канд. психол. наук. М.: ИП АН СССР, 1977.
4. *Галкина Т.*В. Психологический механизм решения задач на самооценку: Дис ... канд. психол. наук. М.: ИП АН СССР, 1986.
5. *Галкина Т.В.* Исследование центрального звена психологического механизма поведения // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 531–548.
6. *Галкина Т.В.* Развитие концепции Я.А. Пономарева о центральном звене психологического механизма поведения // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–34.
7. *Галкина Т.В.* Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
8. *Галкина Т.В., Журавлев А.Л.* Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я.А. Пономарева // Я.А. Пономарев. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М.: ООО «ТИД «Арис»», 2010. С. 6–54.
9. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–86.
10. *Журавлев А.Л.* Психология управленческого взаимодействия (Теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
11. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
12. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
13. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
14. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды. М. — Воронеж, 1996.
15. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
16. Методология комплексного человекознания и современная психология /Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
17. *Найденов М.И.* От первичной модели группового субъекта творчества — к «побочному продукту» групп-рефлексивной услуги // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 455–481.
18. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Совместное творчество: состояние и перспективы исследований // Психология интеллекта и творчества: Тра-

диции и инновации: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 309–320.
19. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196.
20. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология совместного творчества и инновации в современной организации // Вестник практической психологии образования. 2010. Вып. 4. С. 17.
21. *Пастернак Н.А.* Способность действовать «в уме» как механизм произвольной регуляции поведения личности: Дис ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2001.
22. *Пономарев Я.А.* Исследование ориентировки в условиях задачи: Дипломная работа. М.: кафедра психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 1951.
23. *Пономарев Я.А.* К вопросу о психологических механизмах взаимоотношения чувственного и логического познания // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 4. С 67–73.
24. *Пономарев Я.А.* Исследование психологических механизмов творческого (продуктивного) мышления: Автореф. дис ... канд. педагогич. наук (по психологии). М., 1958.
25. *Пономарев Я.А.* О взаимодействии и развитии (в связи с исследованием взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом) // Доклады АПН РСФСР. 1959. № 1. С. 73–78.
26. *Пономарев Я.А.* Психология творческого мышления. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
27. *Пономарев Я.А.* Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967.
28. *Пономарев Я.А.* Знание, мышление и умственное развитие. М.: Педагогика, 1967.
29. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
30. *Пономарев Я.А.* Психология творчества и педагогика. М.: Педагогика, 1976.
31. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
32. *Пономарев Я.А.* К теории психологического механизма творчества // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Под ред. Я.А. Пономарева. М.: Наука, 1990. С. 13–37.
33. *Пономарев Я.А.* Психология творения. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999.
34. *Пономарев Я.А.* Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.
35. *Пономарев Я.А.* Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Редакторы-составители А.Л. Журавлев, Т.В. Галкина. М.: ООО «ТИД «Арис»», 2010.
36. *Пономарев Я.А., Гаджиев Ч.М.* Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества / Отв. ред. Я.А. Пономарев. М.: Наука, 1983. С. 279–295.
37. Пономарев Я.А., Галкина Т.В., Кононенко М.А. Музыкальная одаренность: исследование общих компонентов // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 95–114.

38. *Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Развитие современных исследований творчества // Психологический журнал. 1988. Т. 9. №4. С. 151–152.
39. Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / Под ред. Я.А. Пономарева, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова. М.: ИФ АН СССР, 1988.
40. *Растяников А.В., Степанов С.Ю., Ушаков Д.В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. М.: Пер Сэ, 2002.
41. *Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В.* Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. №4. С. 5–14.
42. *Семенов И.Н.* Взаимодействие интуитивистики и рефлексики в философии и общей психологии творчества Я.А. Пономарева // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 438–452.
43. *Степанов С.Ю.* Психология творчества и рефлексии в современных социальных практиках // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 482–511.
44. *Ушаков Д.В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–142.
45. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. №3. С. 5–16.

А.А. Грачев

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАКРОСОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА[1]

THE PSYCHOLOGICAL BASES OF MACROSOCIAL DESIGN: LIFE ORIENTATION OF A PERSON

Грачев Александр Алексеевич, доктор психологических наук, профессор: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН
agrat50@mail.ru
Grachev Alexandr Alexeevich, Doctor of Science (psychology), professor: Moscow University for the Humanities, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

Аннотация: В статье обосновано понимание макропсихологического проектирования как компонента прикладной макропсихологии, представляющего собой психологическое проектирование макросреды, общественного сознания и социального поведения, ориентированное на воздействие на каждый из этих элементов в интересах человека. Показано, что основой такого проектирования может выступать трехкомпонентная модель жизненных ориентаций человека, включающая в себя ориентации дефицитарную, на самореализацию и духовную. Эта модель дает основу для взаимодействия психолога с социологами и другими специалистами.
Abstract: The article substantiates the understanding of macropsychology design as a component of the applied macropsychology representing the psychological design of the macro environment, social consciousness and social behavior, focused on the impact on each of these elements in the interests of the person. It is shown that the basis of this design can appear a three-component model of life orientations of the person, including deficiental, self-actualization and spiritual orientations. This model provides a basis for the interaction of a psychologist with sociologists and other experts.

Ключевые слова: макропсихологическое проектирование, психологические модели человека, экономические модели человека, управленческие модели человека, дефицитарная ориентация, ориентация на самореализацию, духовная ориентация
Key words: macropsychology design, psychological model of the person, economic person, the management model of the person, deficiental orientation, orientation to self-realization, spiritual orientation

[1] Исследование выполнено по государственному заданию ФАНО РФ 94.1. № 1/2015

Практическая реализация научного знания выступает необходимым компонентом любой науки. Это относится и к психологии. Принято считать, что основной задачей практикоориентированной психологии выступает **непосредственная** помощь человеку. Однако все больше приобретает свою значимость та точка зрения, согласно которой психология может оказывать и опосредованное влияние — на основе организации среды жизнедеятельности человека. При таком подходе объектом прикладной психологии становится не человек, а **человек в среде его жизнедеятельности** (Грачев, 2013). Соответственно задачей психологии, наряду с непосредственной помощью, становится *участие в проектировании и организации среды жизнедеятельности*. Специфика этой задачи для психологии состоит в том, что психолог, решая эту задачу, осуществляет *социальное проектирование* и взаимодействует при этом со специалистами разных областей знания (прежде всего, — с социологами и другими специалистами по человеку).

Участие психолога в проектировании среды предполагает, что он, начиная с проектирования *социальной микросреды* (семейное взаимодействие, общение с друзьями, деловое взаимодействие и т. п.), переходит к *организационному проектированию* и далее — к *макросоциальному проектированию*. Опыт включения психолога в такое проектирование пока выражен слабо. В этом отношении психология находится на начальном этапе развития этого направления в форме *макропсихологии,* занимающейся изучением социальных процессов, соразмерных обществу в целом (Журавлев, Юревич, 2009; Юревич, 2014).

В соответствии с общей логикой науки в макропсихологии можно выделить ее составляющую — **прикладную макропсихологию**, объектом которой является *человек (малая группа) в макросреде*.

В основе прикладной макропсихологии может лежать объяснительная схема «социальная макросреда ↔ общественное сознание ↔ социальное поведение». Эта схема показывает, что изменение макросреды повлечет за собой изменения в общественном сознании и социальном поведении (справедлива и обратная динамика). Кроме того, ясно, что в реализации такого подхода психолог необходимым образом должен взаимодействовать с другими специалистами социальной сферы, прежде всего, — с социологами. В этом отношении показательна концепция социологии жизни Ж.Т. Тощенко, который считает, что изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы (Тощенко, 2015).

Таким образом, важной становится проблема разработки *психологических основ проектирования макросреды, общественного сознания и социального поведения*. Специфика психологического проектирования этих компонентов состоит в том, что в его основе должны лежать две модели — *модель человека* и *модель среды*. При этом модель человека будет определять требования и, соответственно, *критерии эффективности* социального управления, компонентом которого является социальное проектирование, а модель среды представит собой *управляемые параметры*, на которые должно быть направлено управляющее воздействие.

Очевидно, что макропроектирование производится в форме *социального проектирования*, которое чаще всего понимают как составляющую социального управления, реализуемого на разных уровнях — как отдельной организации, так и общества в целом. Главное при этом то, что в центре проектирования стоит человек с его жизненными интересами. Это понимается не только в психологии, но и в социологии. Так, Ж.Т. Тощенко, считает, что в социальном проекте происходит учет всех социальных факторов, определяющих жизнедеятельность человека и стимулирующих его самореализацию (Тощенко, 2001). А С.С. Фролов, осуществляя анализ признаков основных институтов общества, наряду с другими, выделяет такой признак, как установки и образцы поведения: по отношению к семье — привязанность, ответственность и уважение; к государству — послушание, лояльность, субординация; к бизнесу — производительность, экономичность, производство прибыли; к образованию — любовь к знаниям и посещаемость; к религии — почтительность, лояльность, поклонение (Фролов, 1996).

Таким образом, социальное проектирование будет перспективным при взаимодействии психологов и социологов, результатом чего будет построение серии социальных проектов, относящихся к разным уровням общества. При таком понимании социального проектирования ясно, что оно требует особой прикладной отрасли знания — *социальной инженерии*, актуальность которой отмечается многими исследователями.

Специфика социального проектирования состоит в том, что часто социальный проект существует в виде **образа** в социально-психологическом пространстве (Журавлев, Купрейченко, 2012) субъекта проектирования. Этот образ может быть предметно и не реализован в виде проекта, но будет выполнять его функции, регулируя социальное поведение субъекта социального управления.

Таким образом, необходима некоторая рабочая модель человека, которая могла бы служить основанием макропсихологического

проектирования. В этой связи имеет смысл провести анализ *прикладных концепций* человека, используемых в психологии, экономике, управлении. (Следует заметить, что в социологии, несмотря на существование особой предметной области «социология личности» и имеющей специфичный характер статусно-ролевой концепции, исследователи, определяя прикладные и концептуальные основы этой предметной области, в основном, обращаются к психологическим концепциям).

Анализ прикладных концепций человека показывает, что *в их основе лежит представление об общей направленности человеческой жизни, определяющей его жизненные интересы, смысл жизни.*

Представление о детерминантах, определяющих общую направленность поведения, можно встретить во многих психологических работах методологического характера. К примеру, Б.Г. Ананьев говорит о *жизненной направленности*, определяющей содержание устремлений и образа действий человека (Ананьев, 1968), а Е.П. Ильин понимает направленность как устойчиво доминирующую *общую мотивационную установку*, которая определяет стержневую линию жизни (Ильин, 2000).

Наряду с понятием направленности, при обсуждении общих детерминант человеческой жизни используются понятия **жизненных и смысложизненных ориентаций** (см., напр., Грачев, 1999; Коржова, 2006; Леонтьев, 2003).

Понятие жизненной ориентации используется и в социальной психологии. Так, с точки зрения авторов, представляющих концептуальные основы социальной психологии, жизненные ориентации представляют собой систему предпочтений, проявляющихся в осознанном или бессознательном избирательном поведении, в выборе мотивации в альтернативных условиях (Социальная психология, 2002).

Именно понятие жизненных ориентаций можно считать более перспективным для обоснования прикладной модели человека, служащей основанием для макропсихологического проектирования.

В операциональном плане можно выделить три жизненные ориентации — **дефицитарную** (ориентацию на удовольствие), на **самореализацию** и **духовную.** Каждая ориентация имеет свои особенности и может быть использована при макропсихологическом проектировании. Явно эти ориентации обосновываются в трех концепциях — З. Фрейда, Э. Фромма и В. Франкла, — имеющих выраженный прикладной характер.

Основные ориентации человека в психологических концепциях

Ориентация на удовольствие (дефицитарная): З. Фрейд

Эта ориентация обоснована в работах З. Фрейда, который считает, что человек в своей жизни постоянно стремится к получению *удовольствия* и избеганию неудовольствия, для чего он проходит некоторый путь, связанный с преодолением препятствий и, соответственно, с переживанием временного неудовольствия (Фрейд, 1989). Базовое переживание при этом — максимальное удовольствие при максимальном покое.

Модель Фрейда близка к бихевиористской, в которой основной ориентацией человека считалась ориентация на получение наград и избежание наказаний. В связи с этим эффективным считалось такое поведение, которое позволяло получить максимум наград и минимум наказаний.

А. Маслоу, обосновывая свою модель потребностей, использует понятия дефицитарных потребностей, мотивации и соответствующих ценностей (Маслоу, 1997). Он считает дефицитарными первые четыре потребности в его классификации, так как их объединяет одно — стремление восполнить дефицит, которое исчезает при ликвидации этого дефицита. Потребность же в самоактуализации (и соответствующую мотивацию и ценности) Маслоу считает бытийной — связанной с сущностной природой человека и практически ненасыщаемой. Таким образом, содержание ориентации на удовольствие (дефицитарной) составляют потребности *физиологические, в безопасности, принятии, признании* и еще одна потребность — потребность во *влиянии*, которой в модели Маслоу нет, но она имеет явный дефицитарный смысл и в значительной степени обоснована в работах Д. Макклеланда (потребность во власти) и В. Шутца (потребность в контроле, влиянии).

Ориентация на самореализацию: Э. Фромм

Э. Фромм, в противоположность Фрейду, считает основной человеческой ориентацией ориентацию на *самореализацию*, а не стремление к удовольствию, которое, с его точки зрения, привело к краху надежд современного общества, поскольку ведет к эгоизму, себялюбию и алчности (Фромм, 1986). Ориентацию на самореализацию Фромм связывает с полным использованием человеком своих способностей и считает основным состояние продуктивной активности.

Обсуждая переживание, характерное для самореализации, Фромм дифференцирует два переживания — удовольствия и радо-

сти: удовольствие не связано с усилиями; радость же предполагает активность в процессе приближения к цели стать самим собой.

Таким образом, в процессе самореализации человек ориентирован не на какой-то полезный результат, описываемый на языке наград и наказаний и отставленный во времени, а на сам процесс реализации потенциала. Причем, чем полнее идет реализация потенциала, тем больше реализуется соответствующая ориентация. В этом случае действует не принцип минимизации затрат, как в случае ориентации на удовольствие, а стремление производить затраты, обеспечивающие реализацию потенциала.

Духовная ориентация: В. Франкл

В. Франкл, признавая и ориентацию на удовольствие, и ориентацию на самореализацию, считает базовым стремление человека потребность в смысле, которую он противопоставляет стремлению к наслаждению, а ориентацию на самореализацию понимает как следствие осуществления смысла (Франкл, 1990).

Решая вопрос о том, что может выступать для человека целью, имеющей смысл, Франкл указывает на духовные ценности, имеющие общечеловеческую значимость. Другими словами, Франкл считает основной человеческой ориентацией духовную ориентацию.

Вообще-то духовная ориентация человека, до недавнего времени не привлекавшая внимания психологов, становится в их исследованиях если не ведущей, то значимой. Именно в изучении духовности видит П.Н. Шихирев перспективы развития социальной психологии и считает духовность и соответствующие ей трансцендентные переживания системообразующими факторами (Шихирев, 1999). А А.Л. Журавлев и А.В. Юревич даже свою главу в книге называют «Коллективные смыслы как основа индивидуального счастья» и ищут источник коллективных смыслов в национальной идее (Юревич, 2014). А М. Селигман считает, что «счастливая жизнь не связана со стремлением к пику удовольствий. Она наполнена успешной реализацией индивидуальных достоинств и высшим духовным удовлетворением. Но жизнь, исполненная смысла, требует еще одного условия: наши достоинства должны служить чему-то значительно большему, чем наша собственная личность» (Селигман, 2006, с. 322).

Итак, согласно представлениям В. Франкла, а) основной ориентацией человека выступает ориентация на поиск смысла своего существования в области духовных ценностей, б) побочными результатами этой ориентации являются ориентации на удовольствие и самореализацию, в) основной способ отношения к миру — транс-

цендентный, при котором человек как бы выходит за пределы своей личности и «входит» в другую, внеличностную систему координат.

Таким образом, можно утверждать, что ядром рабочей модели человека, предназначенной для макропсихологического проектирования, выступают общие детерминанты жизнедеятельности человека — его жизненные ориентации. Эти ориентации определяют общую направленность человеческой жизни, реализуются в каждой ситуации жизнедеятельности и определяют общие требования человека к среде жизнедеятельности.

Жизненные ориентации человека в плане построения операциональной модели могут быть сведены к трем основным — ориентации на *удовольствие* (*дефицитарной*), ориентации на *самореализацию* и *духовной* ориентации. Все три ориентации представлены в каждом человеке. Доминирование определенной ориентации определяет основной жизненный смысл человека. А полнота всех трех жизненных ориентаций в жизни человека определяет его переживание счастья.

Ориентации человека в экономических моделях

В экономике практикоориентированные модели человека появились в связи с необходимостью учесть особенности человека при организации экономики, процессов управления на промышленных предприятиях, маркетинговой политики. П. Стил и К. Ониг, обсуждая перспективы развития теории мотивации, приходят к выводу о том, что эти перспективы связаны с взаимодействием психологических и экономических концепций (Steel, Onig, 2006). В этой связи анализ экономических моделей человека (Автономов, 1993) может быть полезен для обоснования психологической практикоориентированной модели человека.

Основные детерминанты, представленные в экономических моделях, так же, как и в психологических, можно разделить на три группы — а) удовольствие-неудовольствие, б) самореализация и в) общественный долг.

Удовольствие-неудовольствие

Эта детерминанта явно представлена в концепции Д. Бентама, согласно которой человек стремится к благосостоянию как равнодействующей двух векторов — страдания и наслаждения. При этом показательно название одного из трудов Бентама — «Теория наказаний и наград». Здесь мы встречаемся как с принципом удовольствия З. Фрейда, так и с бихевиористской ориентацией на

награды и наказания, которые те сформулировали значительно позже. Так что с точки зрения определения основной жизненной ориентации человека Бентам, с одной стороны, и Фрейд и бихевиористы, — с другой, едины.

Конечно же, Бентам видел и ориентации более высокого порядка (к примеру, альтруизм), но считал, что они — лишь проявления эгоизма человека и, следовательно, имеют в своей основе стремление к личному удовольствию (Бентам, 1998).

Сходные представления содержатся в работах Д.С. Милля. Он так же, как и Бентам, считает, что в основе поведения человека лежит стремление к удовольствию. При этом удовольствия высшие предпочтительнее низших. В стремлении к удовольствию человек проявляет себя как эгоист, однако при этом он вынужден учитывать желания других людей, что ограничивает его эгоизм (Милль, 1980).

Такие представления были характерны и для более поздних экономических моделей.

Самореализация и общественный долг

Эти детерминанты в экономических моделях появляются наряду с удовольствием и неудовольствием. К примеру, Т. Веблен считает, что в основе природы человека лежат инстинкты мастерства, праздного любопытства, родительский, склонность к приобретательству, некоторый набор эгоистических инстинктов и инстинкт привычки (Веблен, 1984). По крайней мере, первые два инстинкта можно отнести к ориентации на самореализацию. А вот родительский инстинкт, о котором говорит Веблен, логично связать с «общественным чувством», чувством долга.

В этой связи, конечно же, заслуживают внимания работы Маркса, который связывал основные ориентации человека с ориентацией на общее благо; он при этом считал, что такая ориентация не отвечает интересам общества, но и интересам самого человека и тем самым выступает условием его самореализации, саморазвития. Поэтому идеальное состояние с точки зрения соотношения интересов — это гармония интересов человека и общества (Маркс, 1968).

Конечно же, у Маркса такая точка зрения на основные ориентации человека представлена, пожалуй, наиболее ярко. Однако и другие экономисты отмечали в ориентациях человека относительно труда не только утилитарные стремления. Так, А. Маршалл считал, что когда человек здоров, его работа, даже выполняемая по найму, доставляет ему больше удовольствия, чем страдания (Маршалл, 1983).

Наиболее ярко ориентации человека на самореализацию и общественное благо выражены, с точки зрения В.С. Автономова, в современных экономических моделях (П. Эрл, Ш. Доу, Б. Лоусби). В этих моделях представлены как традиционные ориентации (благосостояние, полезность), так и ориентации на самореализацию, стремление к совершенству, радость творчества, стремление самому строить свою жизнь. Важно при этом, что эти ориентации (целевые функции) понимаются здесь как критерии эффективности, определяющие процесс выбора.

Показательна в этом отношении модель человека, представленная Д. Фостером (Foster, 1987). Его концепция — это концепция творческого человека, согласно которой основная особенность человека состоит в его способности к творческому преобразованию внешнего мира. В этом преобразовании человек реализует проекты, созданные его воображением, и испытывает при этом радость от реализации своих замыслов.

Таким образом, подытоживая обзор содержательного аспекта экономических моделей человека, можно сделать **вывод**: обсуждая проблему основных жизненных ориентаций человека, экономисты считают, что он ориентирован а) на получение удовольствия, б) на самореализацию (творчество, стремление полностью реализовать свой потенциал), в) на общественные идеалы (общественное благо, стремление принести бескорыстную пользу другим).

Модели человека в теории и практике управления

В теории и практике управления наиболее часто используются модели X и Y Д. Макгрегора (McGregor, 1960) и Z У. Оучи (Оучи, 1984).

Д. Макгрегор считает, что руководители в своей практике используют две модели подчиненных — X (ориентация на награды и наказания) и Y (ориентация на самореализацию). Использование этих моделей зависит от личностных особенностей подчиненного, особенностей руководителя и организационных условий.

Спустя некоторое время, в связи с анализом японского опыта управления появилась и третья модель — Z (У. Оучи). Ее специфика состоит в том, что «рядовой» член организации сам, сознательно подчиняет свою жизнь интересам организации, которая, в свою очередь, работает во благо общества. В связи с этим руководитель уделяет большое внимание формированию положительного отношения к компании, преданности ей, ответственности и чувства долга, моральной устойчивости и др.

Итак, если определять специфику каждой из трех моделей на языке жизненных ориентаций человека, то получится, что в модели X человек предстает существом, ориентированным на получение наград и избежание наказаний, в модели Y — на реализацию своих способностей и склонностей, в модели Z — на определенные социальные идеалы.

Таким образом, обсуждая проблему основных жизненных ориентаций при построении моделей человека, как экономисты, так и управленцы считают, что он ориентирован а) на получение удовольствия, б) на самореализацию (творчество, стремление полностью реализовать свой потенциал), в) на общественные идеалы (общественное благо, стремление принести бескорыстную пользу другим). И в этом отношении практикоориентированные модели, используемые в экономике и управлении, близки к психологическим.

Выводы

Макропсихологическое проектирование представляет собой психологическое проектирование макросреды, общественного сознания и социального поведения, ориентированное на воздействие на каждый из этих элементов в интересах человека.

Макропсихологическое проектирование выступает компонентом макросоциального проектирования, в результате чего психологи, осуществляющие такое проектирование, взаимодействуют со специалистами других областей знания, прежде всего, — с социологами.

Анализ прикладных социально ориентированных моделей человека показывает, что в разных прикладных областях используются сходные модели, основу которых составляет представление об общих детерминантах человеческой жизни, определяющих основные требования человека к общим социальным условиям своего существования (в конечном счете — к обществу в целом).

Общие детерминанты человеческой жизни в прикладных моделях сводятся к трем жизненным ориентациям — на удовольствие (дефицитарной), на самореализацию и духовной, что определяет основные направления социального и, в частности, — макросоциального проектирования.

Следующий шаг в разработке прикладной модели жизненных ориентаций заключается в определении общих мотивационных характеристик человека, представляющих собой конкретные проявления жизненных ориентаций и, соответственно, — требования человека к социальной среде.

Литература

1. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории зап. экон. мысли). М.: Наука, 1993.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984
5. Грачев А.А. Жизненные ориентации как детерминанты жизнедеятельности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999
6. Грачев А.А. Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013, № 1. С. 15–24.
7. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. (редакторы). Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009
9. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
10. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГУ, 2006.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1858–59 гг. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. М.: Политиздат, 1968
13. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983. Т. 1
14. Маслоу А. Психология бытия. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997
15. Милль Д.С. Основы политической экономии. Т. 1. М.: Прогресс, 1980
16. Оучи У.Г. Методы организации производства: японский и американский подходы. М.: Экономика, 1984.
17. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / Перев. с англ. М.: Изд-во «София», 2006.
18. Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Per Se, 2002.
19. Тощенко Ж.Т. Социология. М.: Прометей; Юрайт-М, 2001.
20. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования, 2015, № 1. С. 106–116
21. Фролов С.С. Социология. М.: Логос, 1996
22. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989
23. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
24. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
25. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+; Академический Проект, 1999.
26. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014
27. Foster J. Evolutionary macroeconomics. L.: Allen and Urwin, 1987
28. McGregor D. The Human Side of Enterprise. N. Y.: McGrow — Hill,1960.
29. Steel P. & Onig C. Integrating theories of motivation // Academy of Management Review, 2006, Vol. 31, No. 4, p.p. 889–913

Замараева Е.И.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.С. ТРУБЕЦКОГО

Замараева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: zamaraeva_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые философские аспекты русской литературы в трудах известного филолога и мыслителя Н.С. Трубецкого, организатора и идеолога евразийской доктрины. Анализируется этические, идеологические, религиозные проблемы литературы в свете евразийской концепции.
Abstract: This article discusses some of the philosophical aspects of Russian literature in the works of well-known scholar and thinker N.S. Trubetskoy, who was the organizer and ideologist of the Eurasian doctrine. Analyzes the ethical, ideological, religious problems of Russian literature in the light of the Eurasian concept.

Ключевые слова: евразийская концепция; древнерусская литература; самобытность; Достоевский; этические проблемы.
Keywords: Eurasian concept; Old Russian literature; identity; Dostoevsky; ethical issues.

Пересмотр основных идеологических и ценностных ориентиров и поиск новых парадигм развития, происходящий последние годы в России, обращает нас к философскому наследию мыслителей начала XX века, и прежде всего к учению евразийства — одного из наиболее значимых течений русской общественной и политико-философской мысли этого периода.

Главным идеологом и организатором евразийского движения был Н.С. Трубецкой, блестящий филолог, культуролог и оригинальный мыслитель. Еще в 1920 году в книге «Европа и человечество» он подвергает резкой критике романо-германский культурный шовинизм, который прячется под маской понятия «общечеловеческая цивилизация», призывает избавиться от иллюзий понятия «общечеловеческая цивилизация» и выдвигает идею самоценности каждой национальной культуры как живого и развивающегося явления, ибо подлинная культура всегда уникальна и самобытна.

В русле евразийской концепции Н.С. Трубецкой анализирует и философские проблемы русской литературы, которые были рас-

смотрены мыслителем в цикле его литературоведческих работ. В 1923 году Н.С. Трубецкой становится профессором славянской филологии Венского университета и читает курс истории русской литературы. И хотя взгляды на русскую литературу с тех пор значительно изменились, работы Н.С. Трубецкого до сих пор сохраняют свою актуальность, так как общая философская установка автора напрямую связывает литературный процесс с тем, что евразийцы называли «месторазвитием» и со спецификой русского цивилизационного самосознания.

По Н.С. Трубецкому, все значительные цивилизации были устроены таким образом, что представляли собой единую гармоничную систему, компоненты которой находятся в тесной взаимосвязи. Такой же синкретизм наблюдался и в Византии: философия, наука и религия были связаны неразрывно. «Все области знания, как естественного, так и гуманитарного, рассматривались как средство не только расширения духовного кругозора, но и моралистического поучения в духе веры и связанной с ней религиозной философии» [2, с. 546]. Определяя сущность византийской цивилизации, Н.С. Трубецкой отмечает две ее онтологические особенности, которые отличают восточное и западное христианство. На Востоке большую значимость имело Воскресение Христово, поэтому восточное христианство проникнуто радостным настроением. Но это не жизнерадостная беззаботность язычества, а сверхчувственная уверенность в преображении самой жизни, надежда на обещанное Воскресение и восхождение к нему. Другая особенность восточного христианства — отказ Церкви от светской власти и единение верующих только религиозным путём благодаря литургии, которая стала важнейшим средством достижения внутрицерковной дисциплины, что стало стержнем Православия. Поэтому в высших и низших слоях населения не возникало разногласий по религиозным вопросам. Следствием этого стала особая связь Православия с народом, что отразилось в языке богослужения, это был особый язык, не повседневный, но в то же время всем понятный. Эта отличительная черта особенно проявилась в России. «Православная Церковь стала в России Церковью национальной, и её связь с национальной структурой была настолько тесной, что во мнении народа понятия «русский» и «православный» совпали» [2, с. 550].

Искусство, отмечает учёный, было тесно связано с богослужением, и именно церковное искусство определяло философскую суть эстетической культуры. Христианизация Руси, по мысли Н.С. Трубецкого, положила начало тому, что события начали запи-

сываться год за годом, так создавались «летописные своды». Летопись Сильвестра, игумена Выдубецкого монастыря, созданная примерно в 1116 году, стала отправной точкой. Отличительная особенность древнерусских летописей — это чередование заметок и повествований, которую ученый сравнивает с «медальонной живописью» и считает её удивительно удачной и целесообразной, так как она вытекает из сущности материала: ведь история не имеет ни начала, ни конца, и вступление к летописи (рассказ о Ное и его сыновьях) лишь связывает русскую историю с бесконечным прошлым. У летописи также нет конца: ведь любой составитель понимал, что его труд будет продолжен кем-то в будущем. Идеологическая составляющая летописей достаточно проста — это поучение в духе христианского наставления: преступления и несправедливости порицаются, добродетели восхваляются. Несчастливые события трактуются как кара Божия за грехи, а Единая Русь, свободная от княжеских распрей, представляется летописцу идеалом.

Анализируя выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», Н.С. Трубецкой отмечает не только обилие ярких выразительных средств, но и философско-идеологическую основу произведения. Природа, вписанная как действующее лицо в события, — излюбленный метафизический приём повествователя. Особую роль играют вопросы и восклицания: ими или вводятся, или заканчиваются фрагменты, и это придаёт произведению «мелодическую подвижность» и «ярко выраженный патетический характер» [2, с. 576]. Перед нами, по мнению учёного, произведение княжеской придворной поэзии, которому свойственны особая философская утончённость, риторичность, полная намёков и эффектной неоднозначности, фрагментарность построения.

Особое внимание Н.С. Трубецкой уделяет «Описанию путешествий», которые он делит на «Паломничества» и «Светские путевые заметки». Паломничество для христианина — это один из способов отойти от мирской жизни, ощутить особые интенсивные религиозно-экстатические переживания, так как во время длительного путешествия человек в онтологическом смысле пребывает вне времени и пространства, находясь в непривычной обстановке. Он острее замечает в реальной действительности «сверхчувственное-небесное», так как находится в особом душевном состоянии, и то нравственное просветление, которое он переживает во время путешествия, и есть цель паломничества.

Первое и самое знаменитое из описаний такого рода — это «Хождение игумена Даниила», во многом определившее философскую направленность других таких же паломничеств. В преди-

словии Даниил так определяет цель своего труда: описать всё, что он видел, и главное — дать возможность людям, которые не могут предпринять такое путешествие, пережить все те чувства, которые он пережил на Святой земле. Этими целями определяются многие особенности «Хождения», в частности отсутствие каких-либо сведений, связанных с личностью автора. В произведении всё перемешано: личные впечатления, измерительные данные, библейские легенды, справки, пояснения. Этот выбор формы повествования вытекает из самой цели — погрузить читателя в особый мир, где повсюду святыни. Н.С. Трубецкой отмечает две особенности: полное отсутствие данных о политической ситуации в Палестине и описания обычной жизни и постоянные мысли о Руси, что определено целью повествования: Палестина интересна для паломника только тем, что она — Святая земля, всё остальное несущественно. Мысли же и молитвы о Родине создают особую духовную связь между автором и его русскими читателями.

К паломничествам примыкают и простые описания путешествий, чаще всего служебного характера. Особый интерес представляет «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, памятник XV века, в котором внутренний мир православного человека приходит в противоречие с миром внешним, враждебным христианину, и это усиливает религиозные чувства героя. Анализ лексики произведения приводит Трубецкого к выводу, что оно написано на разговорном языке Москвы XV века с незначительными вкраплениями церковнославянского языка. Отличительной же чертой являются многочисленные фразы на арабском, персидском и татарском языках, данные в русской фонетической транскрипции. Причём в некоторых местах автор сознательно не даёт перевода, то есть не хочет быть понятым читателями. Н.С. Трубецкой предполагает, что причин для этого две: первая — внешняя, стилистическая, придающая некий восточный колорит и таинственность всему произведению; вторая — внутренняя, то есть потребность высказаться, но сохранить в тайне некоторые данные. Это и коммерческие тайны, и сведения автобиографического характера, позорные для автора, и молитвы. Что особенно интересно, некоторые молитвы даны на арабском или татарском языках, что позволяет предположить особое религиозное целомудрие автора, который хотел содержать их втайне от читателя.

Анализируя этико-философские аспекты произведения, учёный пишет об особом религиозном чувстве, переживаемом героем, который чувствует себя одиноким в нехристианском окружении, при этом достаточно хорошо знает и понимает окружаю-

щий его мир, чтобы презирать или ненавидеть его. Это чужой мир, но это религиозный мир, который тоже достоин уважения. Принять его герой не может, но ни презрения, ни насмешки над другой культурой и верой мы не ощущаем, наоборот, подчеркивается формальный параллелизм религиозных миров, постов и праздников. Твёрдость того, как люди чтут законы и веру, вызывает уважение, но не вызывает желания принять чужую веру и культуру.

Особое место в древнерусской литературе занимает агиографическая литература, перед автором которой, как известно, стоят три задачи: биографическая, дидактическая и панегирическая. Древнейшее из дошедших до нас — житие Феодосия Печерского, составленное печерским монахом Нестором (конец XI века), которое является подлинным шедевром. Произведение очень пластично; многие персонажи выступают как конкретные живые люди, наделённые человеческими чертами; дидактический и биографический элементы тесно переплетаются между собой. Особый интерес представляет житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изображённый в нем святой — это не конкретный, живой человек, сын своего времени и своего народа, а метафизический образ христианского подвижника, лишенный черт реального человека. В житии совершенно исключён эмоционально-личностный элемент, автор маскирует себя условной формой произведения и традиционной техникой изображения, в которой всё «нереалистично и орнаментально».

Особняком в литературе своей эпохи стоит уникальный и поистине самобытный памятник XVII века «Житие протопопа Аввакума», автобиография одного из руководителей церковного раскола. Как и в традиционном житии, рассказ о биографических событиях прерывается описанием чудес и видений, лирическими отступлениями и дидактическими рассуждениями, и кажется, что автор ставил перед собой задачу написать поучительное чтение. Но если традиционное житие должно укрепить дух и веру религиозного читателя в борьбе с собственными грехами, то «Житие» Аввакума должно настроить читателя на борьбу с врагами внешними, с гонителями веры истинной. Поэтому автор даёт не безликий и бесплотный идеальный образ святого, а рисует самого обычного человека, грешного, земного, который преодолевает все искушения и муки, проявляя необыкновенную стойкость и преданность вере и призывая своих читателей поступать так же.

Различием философских задач объясняется и различие форм повествования. Традиционное житие стилизует действительность, убирая всё конкретное и реальное, получается своего рода «сло-

весная икона»; в «Житии» Аввакума, напротив, всё материальное и земное приобретает особое иконописное значение. Особый онтологический реализм жизнеописанию придаёт повествование от первого лица и его лексика: удивительная смесь церковнославянского и живого русского языка той эпохи, порой грубоватого, даже непристойного, который сам Аввакум называет «подлым мужицким». Стилистическое разделение очевидно: всё, что касается церкви, Священного Писания, чудес и видений — на церковнославянском; а само повествование, все жизненные детали — на русском. Яркая особенность этого уникального памятника — ярко выраженный национальный характер. Если в традиционной агиографической литературе герои находятся в условной действительности, где стёрты географические и исторические реалии, то «Житие протопопа Аввакума» изображает конкретную Россию XVII века. «Её и её народ Аввакум любит горячей любовью, но не потому, что это его страна и его народ, а потому, что он рассматривает Россию и русских как носителей истинной веры» [2, с. 615].

С евразийских позиций оценивает Н.С. Трубецкой и философию творчества Ф.М. Достоевского, заявляя, что философия великого писателя тесно связана и с историей европейской мысли, и с историей русской философии. При этом исследователь четко разграничивает Достоевского-философа, публициста и Достоевского-писателя, художника. Очевидно, по мысли Трубецкого, что нельзя исследовать мировоззрение Достоевского по его литературным произведениям, так как взгляды его литературных героев не являются его собственными. «В философско-публицистических статьях и идеологических письмах центр тяжести лежит в поучении и пропаганде. В них мировоззрение является самоцелью — это система взглядов, которых Достоевский твердо придерживается, которые составляют его глубокое убеждение и которые он хочет передать своему читателю. В литературных же произведениях мировоззрение служит только для характеристики действующих лиц» [5, с. 624].

По мнению Трубецкого, Достоевский — «не тенденциозный писатель», он не стремился в своих литературных произведениях пропагандировать свои философские взгляды, доказывать и поучать. Его задача — ярче раскрыть внутренний мир своих героев, углубить в них человеческое. Именно этим объясняется эпистолярная форма первого известного произведения Достоевского «Бедные люди». Писатель смотрит на мир глазами своего героя, Макара Девушкина. «Из объекта изображения Достоевский превращает его в субъект, т.е. делает его мыслителем и автором»

[6, с. 638]. Писателю удалось совершенно скрыть свое собственное «я» и нарисовать жизнь маленького человека не издали, а в непосредственной близости. Этот прием изображения героя «не снаружи, а изнутри» — отличительная особенность метода Достоевского, которая делает его героев такими психологически убедительными, потому что внутренняя жизнь человека — это сложный комплекс разнообразных и противоречивых мыслей и чувств, это философия страдающей личности. Огромный успех романа объясняется не только соединением сентиментальной и натуралистической традиций, но и проникновением в философию сознания бедного человека, его душевную жизнь.

Философия сознания и подсознания — одна из важнейших в творчестве Достоевского. Бесспорным достижением, по мнению Трубецкого, является изображение двойственной жизни героев: в одном герое соединяется философия страдающей, ущербной личности и философия дерзающей личности, способной на бунт. Впервые мы видим эту особенность в его раннем произведении «Двойник», герой которого ведет постоянную внутреннюю борьбу с самим собой, со своим комплексом неполноценности. С одной стороны, это застенчивый, скромный человек, а с другой, ему очень хочется быть самоуверенным, независимым и смелым. Внутренняя раздвоенность получает внешнее выражение, когда герою кажется, что встречает своего двойника. «Техника описания в непосредственной близости» достигает здесь совершенства. «Внутреннее раздвоение, борьба против собственного комплекса неполноценности, воплощение одной из сторон душевной жизни в виде искаженного изображения своей личности» [6, с. 646].

Философская проблема соотношения формы и содержания определила еще одну особенность творческого метода Достоевского: пренебрежение изображением внешности героев и перенос внимания с внешнего на внутреннее. Писатель практически никогда не рисует внешность своих героев, но тщательнейшим образом выписывает все нюансы внутренних переживаний. Метод наблюдения в непосредственной близости, проникновение внутрь изображаемого лица логически ведет к полному исключению и авторской точки зрения.

Философия сознания преступника, аксиологические и религиозные проблемы исследует Достоевский в «Записках из Мертвого дома», подробно изображая внутреннюю жизнь каторжников. Писатель стремится доказать, что и самый низкий, всеми презираемый, порочный человек может иметь благородные чувства и достоин сожаления. «Подлости и низости, совершаемые человеком,

большей частью лишь последствия социальных условий,…подлец лишь жертва своей социальной среды» [7, с. 650].

В «Записках из подполья» (1864 г.) Достоевский, по мнению Трубецкого, впервые «пользуется идеологией как средством для характеристики действующего лица» [4, С. 695]. В публицистических работах того времени Достоевский часто писал о том, что русские интеллигенты, стремящиеся жить по принципам рационализма, только «мечтают и болтают», они желчны, озлоблены и безмерно самолюбивы, но не способны действовать. Сам Достоевский не раз подчеркивал, что не разум, а лишь полное самопожертвование могут сделать человека счастливым, а основа всякой морали и здорового социального устройства — это чувство жалости. Герой «Записок из подполья» и представляет собой подобного рационалиста, идеи которого доведены до предела. «Записки из подполья» — это автохарактеристика главного героя, у которого нет даже имени, при этом философия его весьма оригинальна: в каждом человеке, как он считает, существует врожденное стремление к хаосу и разрушению, поэтому мыслящий человек, желающий жить независимо, должен отгородиться от внешнего мира, презирать и ненавидеть все и при этом наслаждаться своим страданием. Личность главного героя — это удивительное сочетание безмерного самолюбия и чудовищного комплекса неполноценности. Он презирает людей, но в то же время страстно желает признания и оценки. Вся философия и идеология произведения тесно переплетаются с психологией главного героя и создают впечатление «чего-то отталкивающего, безнадежного, безобразного и унылого» [4, с. 690].

Отчасти идеологическим, по мнению Н.С. Трубецкого, можно считать и «Игрока», т. к. одна из задач произведения — иллюстрировать некоторые взгляды самого Достоевского на европоцентристские позиции образованного русского общества. Трубецкой отмечает, что впервые критика европейской цивилизации ярко отражена в «Зимних заметках о летних впечатлениях», в которых Достоевский призывает к пробуждению русского самосознания, уходу от рабского подражания и безоговорочного восхищения Европой.

Главный герой «Игрока» также говорит о том, как недостойно и подобострастно ведут себя перед европейцами русские из высшего общества, и генерал является ярким представителем подобного типа, несмотря на свои реакционные взгляды. Полной противоположностью ему является старая тетка генерала, которой ни Европа, ни европейцы не импонируют, она ведет себя достойно, не стремясь выглядеть по-европейски, гордо демонстрируя свою «русскость».

В полной мере философским, или идеологическим, как считает Трубецкой, можно назвать роман «Преступление и наказание», в котором представлены два центральных мировоззрения. Воплощением одного является, как известно, Родион Раскольников, который делит людей на два неравных класса: «властители», «вожди», свободные от всяких нравственных предписаний, норм морали, которым разрешено даже преступление, и обыкновенных людей, исторический материал. Философская проблема свободы воли и восстание человека — метафизическое, моральное, социальное — вот ключевые аспекты философии Раскольникова, оригинальность которой для 60-х годов, когда еще не было Ницше, невозможно отрицать. Этой философии противопоставлено христианское учение, носителем которого в романе является Соня Мармеладова. Все люди для нее имеют одинаковую ценность, грех остается грехом, а личное счастье нельзя ставить целью. Нужно думать не о себе, а о других, не властвовать над людьми, а жертвенно служить им. «Утешение в земных страданиях и силу нести их человек находит только в вере в Бога, в уповании на Него, в любви к Богу и людям» [3, с. 706].

Отмечая особенности философии творчества Достоевского, Трубецкой отмечает, что авторские идеологические установки абсолютно скрыты в романе, мировоззрение главного героя совершенно не совпадает с авторским. Собственные мысли Достоевского о социализме и рационализме высказываются Разумихиным, а религиозные и моральные — Соней, героями, которые стоят гораздо ниже Раскольникова интеллектуально, что «очень характерно для Достоевского и лишает его романы всякой тенденциозности. Так как в них идеология является лишь одной из органических составных частей индивидуальности действующего лица» [3, с. 709]. По мнению Трубецкого, «Преступление и наказание» Достоевского ставит серьезные философские и этические проблемы, не давая при этом ответов, но пробуждая мысль читателя, что в соединении с захватывающей фабулой оказывает необычайно сильное и глубокое впечатление.

Отсутствие тенденциозности, полное равноправие выведенных идеологий, по мнению Трубецкого, мы видим и в романе «Бесы», который сам Достоевский рассматривал как памфлет против философии нигилизма и либерализма с «поверхностным скептицизмом в религиозно-нравственных вопросах, презрением ко всему исконно русскому и народному, просвещенным космополитизмом, сентиментальным восхищением перед европейской культурой» [3, с. 722]. Кармазинов и Степан Трофимович Верховенский

отражают два типа подобных либералов. Одни совершенно далеки от реальной жизни и гибнут от нигилистов, которых сами же и породили. И в этом, по Достоевскому, весь трагизм конфликта «отцов и детей». Другие же, как Кармазинов, трусливы и пытаются приспособиться к нигилистам.

По мнению Трубецкого, дальнейшим развитием либерализма является философия нигилизма. Анализируя философию сознания нарождающегося в России нового поколения людей, Достоевский выводит в своем романе подобные типажи, и символом революционера-нигилиста с философией вождя, доведенной до предела, выступает Петр Верховенский, зловещая комбинация Нечаева и Петрашевского. Революционное мышление Верховенского — это сочетание стремления к разрушению всех моральных, религиозных, социальных основ жизни, мечта о всемирном господстве, преклонение перед сверхчеловеком и полное презрение к людям, которые используются лишь как орудие для достижения своих целей. При этом даже каторжник Федька, обыкновенный преступник, выступает антиподом Петру Верховенскому, так как вполне осознает свою греховность и не дает обратить себя в атеизм. Трубецкой с евразийских позиций подчеркивает важнейший этико-философский тезис Достоевского: пока из совести народа не исчезнут мораль и религия, революция в России будет невозможна. Парадоксальные позиции представлены в этом смысле двумя героями: Шатовым и Кирилловым. Шатов отошел от нигилизма, стал славянофилом и признает «существование особого русского национально-религиозного идеала». Но трагедия его заключается в неспособности верить в Бога и страстной потребности в этом: он приходит к вере разумом, но не сердцем.

Кириллов же идет путем отрицания Бога. Уничтожить Бога — значит уничтожить страх смерти, следовательно, абсолютно свободен тот, кому все равно — жить или умереть. Поэтому сознательное самоубийство — это абсолютная свобода, равенство с Богом. При этом внутренняя глубокая религиозность Кириллова, его любовь к людям вступают в противоречие с его мрачной философией, и в этом метафизический трагизм этого героя: в сердце Бог и любовь к людям, но разум это отвергает.

Философия сознания, философия творчества, этические и религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского, рассмотренные Н.С. Трубецким, подчеркивают не только всемирную значимость произведений великого писателя, но и безусловную актуальность его гениальных провидческих романов для России XX–XXI веков.

Таким образом, философские проблемы русской литературы, анализируемые Н.С. Трубецким в свете евразийской концепции, подчеркивают самобытность нашей культуры, что особенно важно для формирования национального самопознания и самосознания. Как отмечает известный исследователь евразийства С. Ключников, евразийцы «наметили пути, открывающие в известном предмете новые, доселе неизвестные грани, и позволяющие подойти к евразийскому измерению русской литературы» [1, с. 58]. Евразийские идеи сегодня активно используются современными историкам, культурологами, философами, так как в них заложено стремление России сохранить свою идентичность, свою систему ценностей, уберечь себя и своих детей от гуманитарной интервенции, отстоять право самостоятельно определять собственную судьбу и строить будущее.

Литература

1. Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. — М.: Беловодье, 1997. 525 с.
2. Трубецкой Н.С. Лекции по древнерусской литературе // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
3. Трубецкой Н.С. О двух романах Достоевского // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
4. Трубецкой Н.С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
5. Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
6. Трубецкой Н.С. Ранний Достоевский // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
7. Трубецкой Н.С. Творчество Достоевского перед каторгой // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.

Соснин В.А.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОСМОПОЛИТИЗМ И БУДУЩЕЕ РОССИИ[1]

SOCIAL-POLITICAL AND SPIRITUAL-MORAL CONSOLIDATION OF RUSSIA: PROBLEM OF COSMOPOLITISM AND SECURITY OF RUSSIA IN CONTEMPORAL WORLD

Соснин В.А., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Института психологии РАН, Москва; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, Москва; e-mail: sosninrus@rambler.ru
V.A. Sosnin, PhD, assistant professor, leading research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow.

Аннотация: Рассмотрена проблема социально-политической и духовно-нравственной консолидации России в контексте стратегической безопасности и геополитических тенденций, в том числе космополитизма. Проанализирован концептуально-понятийный язык описания проблемы, показана связь феномена консолидации общества с формированием исторического сознания и патриотизма. Показано влияние СМИ и системы образования на консолидацию общества. Утверждается, что для формирования адекватного исторического сознания необходимо поддерживать позитивный образ прошлого страны, преемственность идеалов и ценностей, знание крупных достижений прошлых поколений.
Annotation: In the work there is considered the problem of social-political and spiritual-moral consolidation of Russia with the development of its geopolitical tendencies and security in contemporal world in connection with cosmopolitism. It is analyzed a conceptual language of the problem, its connection with historical consciousness and patriotism. It is analyzed the influence of mass communications and education in forming of consolidation of Russian society. There are offered some recommendations for resolving the problem.

Ключевые слова: геополитика, безопасность, глобализация, космополитизм, консолидация, историческое сознание, нравственность, патриотизм, ценности.
Key words: geopolitics, security, globalization, cosmopolitism, consolidation, historical consciousness, morality, patriotism, values.

[1] Государственное задание ФАНО РФ 0159-2015-0001

Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества в условиях современного кризиса цивилизации — это одновременно проблема безопасности России и ее будущего. Необходимо рассматривать эту проблему с позиции глобальных тенденций мирового развития, обращая особое внимание на *феномен космополитизма* [1]. В современной литературе космополитизм как социально-психологическое явление в развитии цивилизации практически не рассматривается.

Цель данной работы — проанализировать феномен космополитизма как идейную парадигму цивилизационного развития и обозначить его связь с духовно-нравственными и социально-психологическими компонентами функционирования российского общества в современных условиях.

Космополитизм: анализ идеи и ее развития

Концепция космополитизма подробно анализируется в работе А. Вдовина [1].

Идеи космополитизма еще до начала Второй Мировой войны высказывали разные мыслители, в том числе писатель Г. Уэллс, который в 1930-е годы выступал по всему миру с докладом «Яд, именуемый историей» [2]. Его суть заключалась в том, чтобы всем странам необходимо было отказаться от подчеркивания национальных и культурных различий, а сосредоточиться на универсальности и космополитизме.

Вторая мировая война вдохнула в эту концепцию новую энергию. Так, А. Эйншейн утверждал, что необходимо создать мировое правительство для спасения цивилизации [3, С. 451]. Б. Рассел был солидарен с ним, более того — предлагал создать такое правительство под председательством США (цит. по: [4, С. 182]). Л. Ларуш в связи с этим отмечал, что Холодная война имела своей целью именно реализацию «плана Рассела» [5]. Идеи создания конфедерации пытались реализовать, в частности, на конгрессе Союза европейских федералистов в 1947 г. [6, С. 151]. Эти идеи активно поддерживались СМИ западных стран с подчеркиванием неизбежности организации такого «мирового правительства», и если нужно — то с применением силы [7].

Идеи космополитизма стали возрождаться в диссидентском движении 1960-х годов вместе с пропагандой так называемых общечеловеческих ценностей как условия мирного сосуществования культур и возвышением американской демократии как ее образца

во всем мире. В условиях распада СССР рождались новые, в том числе и достаточно фантастические идеи по отказу от «империи».

Ю.С. Пивоваров в 2002 г. допускал колонизацию Сибири и Дальнего Востока, аргументируя это так: «...Мне важно, чтобы люди жили по-человечески, и если мировое правительство будет этому способствовать, то — пожалуйста» [8]. Подробное описание нового мирового порядка представил К. Кох, особенно подчеркивая то, что те, кто откажется от участия во всемирной конфедерации, не будут иметь права на существование (цит. по: [9, С. 49]).

Навязчивые попытки втянуть Россию в космополитические структуры требовали от патриотов не только четкой позиции по этому вопросу, но и понимания возможных вариантов развития глобализационных процессов. Против этих тенденций выступал А.А. Зиновьев, утверждая, что идеи объединения во благо человечества — это идеологическая ложь [1]. И.Я. Фроянов обратил внимание на то, что глобализация возможна только путем принудительного, насильственного слияния, сопровождающегося уничтожением национальных особенностей государств [10]. А.С. Ципко, в свою очередь, отмечает, что космополитизм по сути является отрицанием всего русского и прославлением всего чужого, в частности, западного, и является «своеобразной клятвой в верности интересам США» [11, С. 37].

Историко-социологический экскурс в проблему космополитизма может показаться не характерным интересам социальных психологов. Но это описание служит основанием для постановки вопроса о том, в чем же заключается смысл концепции космополитизма в контексте анализа социально-политической и духовно-нравственной консолидации России. Социально-психологические же аспекты данной проблемы сохраняются в рамках такого научного направления исследований как *психология современного российского общества* [12–16 и др.]

Роль национально-культурной самобытности России в консолидации общества

В кризисные периоды развития общества большое значение приобретает национальная культура как один из детерминант его развития. Кризис национально-культурной идентичности является одной из наиболее значимых характеристик современной России.

Геополитическая история России обычно анализируется с позиции отношений «Запад — Восток» и с постулированием российской самобытности [17]. Отечественные мыслители (Н.Я. Да-

нилевский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский и др.) рассматривали Россию как особый культурно-исторический тип, а отрыв ее развития от национальных истоков называли главной опасностью для России [там же].

Учет особенностей российского общества, а также его консолидация имеют прямое отношение к проблеме его *безопасности* [18, 19]. Переход к новой социально-экономической формации трудно дается российскому обществу, так как этому процессу противодействуют не только ценностные ориентации и идеалы, социально-психологические установки и стереотипы коллективистических отношений [20–24], но и прежняя общинно-солидарная культура России в целом, не принимающая отдельные принципы и нормы рационально-прагматического индивидуалистического общества и хозяйствования [25]. Тем более бессмысленными (и даже опасными!) представляются некоторые предложения «переделать» российское общество по чисто западным моделям государственного устройства, ориентированного на культуру и идеологию прагматизма и индивидуализма. Кроме того, игнорирование культурно-национальных особенностей России как самостоятельной и уникальной цивилизации: коллективизма, солидарности, высокой социальной комфортности и большого значения духовных (в том числе религиозных) ценностей — может привести к глобальным катастрофическим последствиям, поскольку таким образом происходит разрушение *ценностного ядра* социокультурного архетипа любой цивилизации.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ *исторического сознания и исторической памяти народа*, включающих знание, понимание и отношение субъектов к историческому прошлому в его взаимосвязи с социальной реальностью сегодняшнего дня. Формирование исторического сознания, исторической памяти у населения страны, особенно у подрастающего поколения, оказывает огромное влияние на формирование личности современного человека. Роль исторической памяти наиболее актуальна в формировании *патриотического отношения* граждан страны к своему Отечеству в настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация социальных институтов и нравственных регуляторов поведения, когда формируется новая политическая система общества и преобразуются отношения между гражданами и государством. А одной из основных функций патриотизма, как известно, является *функция объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического) и др. [26, 27].

Важно восстановить связь духовного развития современного общества с историческим прошлым страны. Разрыв между разными историческими эпохами в развитии страны: царской, советской, современной, — созданный в сознании людей искусственно, прежде всего, усилиями соответствующих идеологов, обусловливает самоидентификацию граждан лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным сегментом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению конфликта в сознании людей, формирует стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности в восприятии своей истории, обедняет их историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания и т. д. Невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная других.

В настоящее время многие граждане России дезориентированы в духовно-ценностном аспекте: размытость и неопределенность национального самосознания и национальной самоидентификации; распространенные настроения и мнения о «нецивилизованности» и «некультурности» России, необходимости повсеместно «учиться у Запада». Внушается идея связи исторических перспектив развития России только с ее вступлением в т. н. «цивилизованный западный мир». Поэтому важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность и развитие культурных традиций, их безусловную ценность для развития современного общественно-государственного устройства и других сторон жизни страны.

Кроме того, сейчас в России осуществляется неадекватная экспансия религиозных ритуалов и культов, не свойственных многовековой православной традиции России (подробнее см. в: [28, С. 247–265]). Такое положение объясняется в том числе нечеткой культурной политикой, или недопониманием духовной опасности этой тенденции для развития государства, или, что еще хуже — организованной политикой, направленной на отрыв страны от своей исторической традиции. Ни одно государство западного мира, к которым сейчас многие апеллируют (и уж тем более государства с традиционно-коллективистским типом культуры), не позволяет в своей социально-культурной политике такой «духовной свободы», которая присутствует в нашей стране и которая по существу является реализацией *принципа духовной вседозволенности* в социальном поведении.

Этим определяется значимость анализа духовно-нравственной консолидации и исторического сознания России в современ-

ных условиях и адекватного понимания концепции космополитизма как одной систем представлений о цивилизационном развитии.

Консолидация общества, историческое сознание и историческая память: понятийно-категориальный анализ

Термин «*консолидация*» определяется как «*упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп и организаций для усиления борьбы за общие цели*» [29]. В нашем случае феномен консолидации будет пониматься как *степень общности ценностных ориентаций (духовно-нравственных и социально-политических) у различных социокультурных и профессиональных групп государства,* необходимой и достаточной для обеспечения его суверенитета, надежной безопасности функционирования как субъекта исторического процесса.

Одной из основных составляющих процесса консолидации общества является формирование представлений об исторической памяти и патриотизме в общественном сознании народа в качестве базовых свойств личности и социума как единого целого (см., например: [26]). Имеются социально-политические, собственно психологические и другие аспекты ее изучения. Содержательные стороны (или компоненты) консолидации являются в том числе социально-психологическими, а способы ее формирования зависят от функционирования и целевой направленности многих институтов общества и государства, в том числе — и от политической воли руководства страны.

Феномен исторического сознания привлек внимание обществоведов, прежде всего социологов и философов, в 80-е годы XX в. К настоящему времени сложился концептуально-понятийный язык его описания [30–32 и др.].

Историческое сознание и историческая память являются «… весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей, которые во многом определяли их намерения и настроения, опосредованно оказывая мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем» [32, С. 1].

Историческое сознание — это одна из основ осознания человеком своего Я в семейной родословной и в истории своего народа, понимания коллективного Мы в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации. Оно определяется как сложное, многофункциональное образование в духовной жизни коллективного и индивидуального субъектов. Это составная часть общественного сознания, ха-

рактеризующаяся направленностью на отражение исторического прошлого в целях удовлетворения актуальных общественных потребностей. Это воспроизведение в сознании людей исторических событий и логики исторического процесса, выступающее в качестве компонента их самопознания и играющее роль регулятора социальных отношений.

Традиционно в исследованиях дифференцируются понятия «историческое сознание» и близкие ему семантически, но отличающиеся по объему понятия «историческая память», «историческая культура» и «историческое мышление».

Историческая память — это способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях и деятелях ушедших эпох, о национальных героях и вероотступниках, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, которые прошел тот или иной этнос, нация, народ в своём развитии. Историческая память тесно связана с эмоциональной стороной жизнедеятельности людей. Ее неотъемлемыми элементами являются чувства, переживания, оценки, возникающие у общественных субъектов в процессе эмоционально-чувственного освоения социального и природного мира. Она является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в актуальной социальной практике.

Историческая культура — это комплекс знаний, представлений и оценок, включающий в себя: концепции времени, модели его восприятия, способы образной репрезентации и фиксации событий на временной шкале в различных культурах. Она включает модели темпоральной картины мира как универсального способа построения идентичности и ориентации индивидов в практической жизни. Она включает комплекс контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, содержит мифы об этнической/национальной исключительности, традиционное для каждой цивилизации понимание истории, представления об историческом процессе и своем месте в нем. Она включает представления о предмете исторического знания как совокупности идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего, существующие у конкретного общественного субъекта.

Историческое мышление — это процесс познавательной деятельности общественных субъектов в историческом процессе, в ходе которого для выявления сути происходящих или уже произо-

шедших событий используются обобщенные исторические понятия (категории).

Систематизация данных показывает, что уровень исторического сознания людей определяется: а) целями и задачами, которые социально-экономическая система ставит перед собой; б) степенью подобия данного общества той социально-экономической системе, которая существовала в недалеком прошлом; в) социальными установками, сформулированными в сфере идеологии; г) уровнем образования в средней и высшей школе; д) наличием или отсутствием нигилистического отношения к истории и исторической науке в целом; е) деятельностью СМИ и другими факторами. В России специфика формирования исторического сознания определяется многонациональным составом населения, каждая этническая общность которого имеет не только общие, но и свои ценности, традиции, религиозные предпочтения и культуру, сложившиеся на основе личного опыта и изучения прошлого.

Историческое сознание выполняет ряд важных функций: получения знания о природе, обществе и человеке; отражательную; творческую и оценочную. Главными среди них являются *функция обретения национальной идентичности и функция консолидации* представителей различных социальных слоев, групп в единую социально-историческую общность, обладающую сходным типом восприятия и оценки своего исторического прошлого. Историческое сознание может существовать *в двух основных формах*: научно-теоретическое и обыденное сознание.

Роль сми и системы образования в консолидации общества и формировании представлений об истории страны

Основными каналами формирования консолидации и исторического сознания народа в настоящее время являются СМИ и система образования. Значительные возможности СМИ в воздействии на массовую аудиторию обусловливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психологического воздействия: от информирования, обучения, убеждения — до манипулирования [28]. Молодое поколение, мировосприятие которого складывается в изменившейся информационной среде, часто оказывается неспособным найти верные ориентиры в потоке нередко искаженной информации, передаваемой разными каналами СМИ. При существующем идеологическом вакууме необъективность и противоречивость информационных потоков приводит к тому, что мировоззрение простых людей становится все менее

цельным, подверженным манипуляции, воздействию пропаганды ложных идеалов и ценностей жизни [33, 34].

С одной стороны, молодой человек в современной России находится в более или менее нравственной обстановке семьи, школы, вуза, с другой — на улице, в транспорте, в сфере развлечений и досуга он может оказываться в совершенно другой атмосфере. Его окружает навязчивая, двусмысленная реклама, зачастую переходящая границы элементарной этики [35]. Пропагандируется потребительско-безнравственный образ жизни, связанный с потреблением алкоголя, сигарет и т. д. [36, 37].

В настоящее время СМИ, наряду с семьей и системой образования [38, 39], выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности. Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации и познания окружающей действительности. По данным ряда специалистов, в среднестатистической семье телевизор работает до 7 часов в сутки [40]. Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную и даже вредную. Проводимые исследования фиксируют, что значение и влияние книг и особенно школьных учителей упало именно в последние годы. Книгу все чаще заменяет компьютер и телевизор. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей, 59% из них считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качеств гражданина и патриота. По их мнению, СМИ в первую очередь пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) — в последнюю очередь [37, С. 56]).

Таким образом, о СМИ можно говорить как об институте, занимающим главенствующее место в системе формирования ценностной структуры и исторического сознания. Давать интегральную оценку роли информационных технологий в процессах социализации личности, формирования исторического сознания, ценностных ориентаций и идеалов достаточно трудно. Но то, что деятельность средств массовой коммуникации требует коренного изменения (в том числе подкрепленного на законодательном уровне), не вызывает сомнения.

В связи с этим представляет интерес оценка влияния *системы образования* на формирование консолидации и исторического сознания в стране. Специалисты, опираясь на данные исследований, утверждают, что на современном этапе система образования

не справляется с функцией формирования исторического сознания, и, соответственно, не решает задачу консолидации [31].

Основные проблемы, угрожающие успешному развитию российского общества в мире, — это, по нашему мнению, процессы глобализации в совокупности с созданием монополярного мира, в том числе, в идеологической сфере, то есть через внедрение чуждых ценностей и идеалов, стремление к нивелированию самобытности разных культур и всего национального. Решить эти проблемы возможно только путем консолидации общества с помощью соответствующей идеологической и национальной политики государства.

Чтобы оценить значение идей консолидации и патриотизма в общественном историческом сознании и потенциальные следствия их распространения, эти идеи необходимо рассматривать *в конкретном историческом контексте*. Следует, прежде всего, прояснить, *какие социальные силы формируют содержание патриотизма и национализма*. Опыт показывает, что право определять их содержание оспаривается различными социальными группами [41].

На постсоветском пространстве разные республики реализуют разную этническую политику: так, некоторые воспитывают патриотизм, конструируя позитивный образ титульной нации (в ущерб национальным меньшинствам). В России, скорее, формируется *образ фрагментированной нации* под лозунгами защиты прав народов. Из политического лексикона уходят такие важные понятия, как «титульная нация», «государственнообразующий этнос», «базовая культура» и др. Более того, энтоним «русские» тоже редко используется. Всё это является следствием, в том числе, насаждения идеологии космополитизма.

О том, к каким последствиям это приводит, красноречиво высказывается И.А. Орлова: «В России контроль над символом «нация» и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей «дрейф» страны к Западу во власть глобальных управленцев… Изъять национальные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, сознающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, — сложно. Совсем другое дело, если надэтнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государственнообразующего народа — русских — ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда; если ему внушается, что именно он ответственен за якобы «мрачное» прошлое страны. … Нарушается преемственность как социально-историческая основа целостности культуры и прочности государства» [41, С. 176].

Ответственное отношение к решению проблем консолидации и патриотического воспитания на современном этапе предполагает серьезный анализ идейно-политических и социально-психологических сторон жизни социума как необходимое условие перспективного планирования и организации работы в указанном направлении.

Выводы

1. Выполненный анализ позволил *концептуализировать* проблему понятия «консолидация общества» и «историческое сознание». Историческое сознание рассматривается в качестве основы консолидации и определяется как способность человека осознавать себя субъектом, сопричастным к истории своего народа и мировой истории в целом, адекватно оценивать прошлое своего народа и страны, извлекать из него позитивный опыт с целью его использования в решении проблем современной жизни. Такое сознание может противостоять идеологии космополитизма.

2. Историческое сознание включает в свою структуру ряд компонентов: *познание прошлого своего Отечества*, накопление и осмысление исторического опыта; *историческое знание* как результат исторического познания; *исторические чувства*, отражающие отношения к разным сторонам истории своей страны, ее оценку и место в системе ценностей; *проявление исторического сознания в поведении людей* (использование исторического опыта в решении проблем современности и сохранения исторической памяти).

3. Роль консолидации общества и исторического сознания возрастает из-за насаждаемой *глобализации мира* по западному образцу, одним из следствий которой является унификация культур и как результат — нивелирование их специфики, самобытности, снижение уровня национального самосознания и т. д. В этих условиях апелляция к истории народа, его традициям позволяет нейтрализовать негативные следствия этого процесса.

4. Формирование консолидации и исторического сознания определяется как *внешними факторами* (системой социализирующего воздействия на личность на всех уровнях ее развития и с использованием разных средств), так и *внутренними психологическими предпосылками* (социальной позицией человека, опытом его взаимодействия с прошлым и активностью в его освоении, познавательным интересом к истории и т. д.) [28, 42].

5. На формирование представлений об историческом прошлом влияют традиции, доминирующие идеологические установ-

ки, культивируемые формы и способы сохранения исторических культурных достижений. *Историческое сознание* — важнейшее условие самоидентификации личности, интеграции и консолидации социума, обеспечения преемственности в развитии культуры и сохранения национальных традиций.

6. В переломные периоды истории, когда осуществляются *радикальные изменения* в социально-экономической, политической и идеологической сферах общества, системы ценностей и идеалов, социальных установок и представлений [20, 24, 25, 43, 44], возрастает *роль исторического сознания* как фактора интеграции макросоциума, сохранения духовного единства народа. В этих условиях формирование исторического сознания приобретает характер общегосударственной задачи, что предполагает осуществление целенаправленной работы в этой области и максимальное использование и координирование всех ее источников и средств, в том числе — противодействие идеологии космополитизма.

7. В современной России основным вектором в воспитательной работе должно стать формирование у людей, в первую очередь у молодежи, *чувства исторического единства* со своим народом, уважения к истории и культуре своей страны. Целесообразно осуществить переход от преимущественной критики истории страны к выделению ее позитивных сторон. Необходимо ориентировать *систему образования и воспитания*, средства массовой информации на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, о самоотверженной борьбе народа за сохранение суверенитета и целостности страны, о подвигах наших патриотов-соотечественников как в прошлом, так и в настоящее время. На законодательном уровне целесообразно закрепить право государства действенно влиять на обучение и воспитание учащихся, на качество учебников и другой литературы по истории России. Государство должно вернуть себе утраченные в ходе социально-экономических реформ 1990-х годов позиции в формировании исторического сознания молодёжи.

8. Консолидация общества и историческое сознание непосредственно связаны с *воспитанием патриотизма* (фактически являются его составной частью), поэтому программы по их формированию должны быть тесно связаны. Основной целью патриотического воспитания является организация *системы целенаправленного воздействия* на формирование патриотизма как свойства личности и духовного состояния общества, характеризующегося приоритетностью национальных ценностей, идеалов, а не идеологии космополитизма.

9. ДеятельностьСМИ, призванных решать задачи консолидации современного общества вокруг идеи развития и укрепления России, требует серьезной переориентации: пропагандировать *образцы нравственного поведения* [45–49], внедрять в сознание людей патриотизм как идею любви к Родине и служения ей. Это предполагает одновременно критическое отношение к тем сторонам действительности, которые имеют разрушительный для социума характер. Целесообразно осуждать откровенно «антироссийские» программы, унижающие чувства и достоинство народа, и *идеи космополитизма как разрушающие духовно-нравственное единство общества.*

10. В работе по формированию консолидации общества и исторического сознания необходимо реализовать *типологический подход.* Воздействия должны быть адресными, учитывающими интересы разных возрастных и социальных групп. Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна с *коллективистским типом* культуры, что необходимо учитывать в практическом решении существующих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А.* Мировое правительство и будущее русского народа // Наш современник. 2013. № 1. С. 90–101.
2. *Уэллс Г.* Собрание сочинений в 15 томах. М., 1964. Т. 15. С. 406–424.
3. *Пайс А.* Научная деятельность и жизнь А. Эйнштейна. М., 1989.
4. *Александров Г.Ф.* Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 178–186.
5. *Ларуш Л.* Блеск и нищета Новой Римской империи // Библиотека думающего человека. 2001. URL: http://www.patriotica.ru/actual/Larush_blesk.html (дата обращения: 06.03.2015 г.).
6. *Калашников В.Л.* Славянская цивилизация. М., 2001.
7. *Коровин Е.* Абсолютный суверенитет или абсолютная неправда // Новое время. 1947. № 41. С. 14–16.
8. Наука о политике и Правда о «Русской системе». Беседа с директором ИНИОН Ю.С. Пивоваровым // Полис. 2002. URL: http://old.politstudies.ru/universum/esse/9pvv.htm (дата обращения: 06.03.2015 г.).
9. *Горбачева Т.В.* Память русской души. Рязань, 2011.
10. *Фроянов И.Я.* Глобализация и судьбы России // По страницам газеты «Советская Россия».23.06. 2011. URL: http://kprf.ru/rusk/94133.html (дата обращения: 06.03.2015 г.).
11. *Ципко А.С.* Ценности и борьба сознательного патриотизма. М., 2009.
12. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
13. Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

14. Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
15. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
16. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
17. *Артюхин А.С., Снигирев С.Ф.* Геополитика как наука в России: история и современность // Геополитика и безопасность. 2009. № 4. С. 56–67.
18. Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
19. *Рощин С.К., Соснин В.А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности личности, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 133–146.
20. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
21. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2013.
22. *Журавлев А.Л.* Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
23. *Журавлев А.Л., Журавлева Н.А.* Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2004. № 2. С. 20–39.
24. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
25. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
26. *Кольцова В.А., Соснин В.А.* Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
27. *Орлова Л.Я.* Патриотизм и историческая память // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. Т. 4. № 1. С. 221–223.
28. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
29. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
30. *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 85–89.
31. *Путятина Т.П.* Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Дис ... канд. социол. наук. М., 2007.
32. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
33. *Гостев А.А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
34. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
35. *Купрейченко А.Б.* Проблемы нравственно-психологической регуляции экономической активности // Проблемы экономической психологии. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 17–65.

36. *Брик Л.В.* Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование социально-позитивных ориентаций молодежи // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 175–178.
37. *Семенов В.Е.* СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1. С. 56.
38. *Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В.* Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
39. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
40. *Дроздов А.Ю.* Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–64.
41. *Орлова И.А.* Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 8.
42. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
43. *Журавлев А.Л., Журавлева Н.А.* Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в изменяющемся российском обществе // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007. С. 469–489.
44. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Влияние социально-экономических изменений в обществе на развитие отечественной экономической психологии // Психолого-экономические исследования. 2009. Т. 2. № 2. С. 43–62.
45. Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
46. Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
47. Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
48. Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
49. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Алисова Л.Н.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

EXTREMISM AS FORM POLITICAL PROCESS

Алисова Л.Н., профессор Воронежского института экономики и социального управления, Вице-президент Национального общественно-научного фонда, доктор политических наук
L.N. Alisova, Professor of Voronezh Institute of Economy and Social Control, Vice-President of the National Social Sciences Foundation, Doctor of Political Sciences (E-mail: lnalis@yandex.ru)

Аннотация: Статья посвящена экстремизму, его природе и мерам противодействия. Автор рассматривает НКО, деятельность которых направлена на разжигание экстремистских настроений среди населения
Annotation: The article is devoted to the nature of extremism and the measures of counteracting it. The author considers activities of those nonprofit organizations (NPO), which instigate the extremist moods among Russian youth.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, политический процесс, некоммерческие организации, патриотизм, гражданственность, развитие личности.
Key words: youth extremism, nonprofit organizations, patriotism, civicism (civic consciousness), personal development.

Нарастание масштабов межэтнических, межрелигиозных, социальных конфликтов является на сегодняшний день общемировой тенденцией, которая в полной мере затрагивает Российскую Федерацию. Согласно статистическим данным, 2–3% людей являются постоянными носителями агрессии в обществе, около 10–15% составляют люди, явно подверженные воздействию идеологии и пропаганды экстремизма. В кризисное время к ним могут присоединиться значительные массы людей. Так, в 1991–1994 гг. доля экстремистски настроенных россиян среди молодежи и взрослого населения России доходило до 60%. В современных условиях угрозы терроризма подобные расчеты имеют существенное значение, позволяя вычислить величину возможных групп напряжения, отработать методику работы с ними.

Профилактика экстремизма в современных условиях, в особенности среди молодежи, есть задача как общенационального, так и международного масштаба. Она направлена на снижение напря-

женности и ослабление роли провоцирующих экстремизм факторов и повышении устойчивости личности к их воздействию, к формированию толерантного сознания. Главную роль здесь должно играть воспитание патриотизма и гражданственности на ранних стадиях становления, формирования и развития личности.

Российские энциклопедии дают определение трем основным направлениям экстремизма: политическому, религиозному и социальному.

Экстремизм политический, как указывает профессор Г.И. Авцинова, есть приверженность в идеях и политике крайним взглядам и действиям. Политический экстремизм порождает социально-экономические кризисы, деформации политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив, социальной и личной нереализованности, страх перед будущим значительной части населения, в особенности молодежи. Способствует возникновению политического экстремизма «подавление властями оппозиции, инакомыслия, блокирование легитимной самодеятельности индивида, национальный гнет, амбиции лидеров политических партий, ориентации лидеров и секторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности».[1]

Политический экстремизм направлен на уточнение существующих государственных структур и установление диктатуры тоталитарного порядка как левого, так и правого толка. Все нюансы политического экстремизма можно наблюдать в Украине. Здесь следует выделить экстремизм националистический, выступающий с позиции защиты интересов «своей нации», ее прав и интересов, ее культуры и языка, отвергая подобные права и интересы для других национальных и этнических групп. Он органически связан с сепаратизмом, направлен на развал многонациональных государств утверждение господства коренной нации. Подобный экстремизм привел украинский народ к обострению межнациональных отношений, явился источником вражды и конфликтов на территории страны, способствовал возрождению фашизма.

Экстремизму религиозному, представляющему собой идеологию и практику некоторых течений, групп и отдельных деятеле й в религиозных организациях и конфессиях, все чаще стала подвержена молодежь. Религиозный экстремизм характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методам

[1] См.: Авционова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 637.

действия по распространению своих взглядов и реализации своих целей.[1]

И, наконец, экстремизм социальный — приверженность крайним взглядам и мерам, проявляющаяся в соответствующем социальном поведении. Он может обнаруживаться во всех сферах человеческой деятельности в межличностном общении, во взаимоотношении полов, в отношении к природе, в политике и т. д. Как явление социальное, экстремизм свойственен только людям. Он всегда концептуален и идеологичен.[2]

К нему следует отнести новый вид экстремистской деятельности — экстремизм экологический, вызванный резким обострением экологических проблем как в отдельных регионах, так и в глобальном масштабе. Наряду с «зелеными», «экологистами» и пр., борющимися за осуществление безопасный для людей природоохранной политики, в настоящее время возникли и действуют (довольно агрессивно, группы и движения, выступающие вообще против научно-технического прогресса. Они организуют акции, направленные на закрытие и ликвидацию неблагоприятных в экологическом отношении производств, зачастую создают своими действиями угрозу общественному порядку. Нередко их используют в политических деструктивных целях, заставляя ультимативно выдвигать заранее невыполнимые требования.

Массовой базой экстремизма является, как правило, мелкобуржуазные и маргинальные слои. Зачастую к ним примыкает студенчество и разновозрастная молодежь, определенная политически ангажированная часть интеллигенции, военные.

Обобщая обозначенные формулировки, можно сказать, что в теории экстремизм рассматривается как приверженность к крайним взглядам и мерам. В социологии и политологии экстремизм определяется как антиобщественная поведенческая модель (провокации, беспорядки, террористические акты и др. антиобщественные действия), идеологическим обоснованием которой является отрицание каких-либо компромиссов и соглашений с оппонентом. При рассмотрении понятия экстремизм необходимо учитывать не только энциклопедические и общественно-политические определения, а целый ряд обстоятельств: зависимость оценочных суждений от ценностных ориентаций (в особенности это важно для молодежи), политических ориентаций, нравствен-

[1] См.: Лопаткин Р.А. Экстремизм религиозный // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 639.

[2] См.: Козлов А.А. Экстремизм социальный // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2000. С. 799.

ных убеждений, игнорирование легальных форм разрешения конфликта. В настоящее время в российской Федерации юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[1]. В соответствии с поправками в данный закон от 29 апреля к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся: насильственное изменение основ конституционного стоя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни и ряд других.

Принимая закон об ужесточении наказаний за экстремизм в январе 2014 г., депутаты в Госдуме подчеркивали, что преступления, связанные с экстремизмом, относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства и наказание за них должно быть сопоставимо с их общественной опасностью.[2] Речь идет о переквалификации преступлений небольшой тяжести в средние и тяжкие, а также об увеличении штрафных санкций и сроков лишения свободы по этим составам. Расширяются возможности правоохранительных органов использовать при раскрытии подобных преступлений самый широкий арсенал оперативно-розыскных действий. В связи с принятием закона изменения внесены в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Закон предлагает усилить уголовную ответственность за организацию экстремистского сообщества, за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, за возбуждение ненависти или вражды. Более суровым стало наказание за унижение человеческого достоинства по половым, расовым, национальным, языковым, религиозным признакам или социальной принадлежности. Более суровым стало наказание за организацию экстремистского сообщества. Оно будет наказываться штрафом в размере от 200 до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 18 месяцев до 3 лет.

Закон адекватен тем реалиям, которые существуют как в мире в целом, так и в России. Преступления экстремистского характера требуют немедленного и жесткого реагирования. Это тем более касается молодежного экстремизма, который особо опасен для общества и государства. Вовремя не остановленный экстремизм — это уже терроризм.

---

[1] См.: О противодействии экстремистской деятельности: ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[2] См.: За экстремизм накажут строже // Парламентская газета. 2014. 24–30 января.

Международно-правовое определение экстремизма содержит Резолюция парламентской ассамблеи Совета Европы, принятая в 2003 г., которая дает следующее определение: «Экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма».[1]

Следующее определение понятия «экстремизм» дает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. п. 3, ч. 1, ст. 1: экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных выше целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон.[2] В январе 2003 г. она была ратифицирована и с 29 марта 2003 г. вступила в силу в России.[3]

В течение последних лет в ряде регионов России активизировались неформальные молодежные группировки право- и леворадикальной направленности, участились случаи нападения на граждан, в том числе и на иностранцев, со стороны активистов молодежных группировок.

Отмечается тревожная тенденция увеличения смертельных исходов в результате националистически мотивированного насилия, что стремятся использовать в своих интересах представители отдельных партий и движений, иностранных неправительственных некоммерческих организаций, активно разыгрывающих «национальную карту» и пытающихся привлечь на свою сторону.

Таких наставников молодежи, к сожалению, находится много. От незнающего укорота и до предела распоясавшегося отечественного телевидения до различных некоммерческих организаций (НКО), спонсируемых из-за рубежа. О некоторых из последних стоит сказать подробнее, в особенности о тех, чья деятельность так или иначе касается молодежи. Так, в числе 12 иностранных

---

[1] См.: Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1344 2003 г. // www. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30193837

[2] См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // http://www.antiterror.ru/library/legislation/70672585

[3] См.: О ратификации Шанхайской конвенции О борьбе с терроризмом, с сепаратизмом и экстремизмом: ФЗ РФ от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ.

НКО в 2патриотической стоп-лист» Совета Федерации, направленный в Генеральную прокуратуру, МИД и Минюст, включена неправительственная организация «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy — NED).

На сайте NED указано: организация является «частной некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на развитие и укрепление демократических институтов по всему миру». Ежегодно фонд выплачивает более тысячи грантов на поддержку неправительственных организаций за рубежом, в том числе в России. По данным Генпрокуратуры, фонд, используя подконтрольные российские структуры, участвовал в работе по организации политических акций с целью влияния на принимаемые органами власти решения, а также дискредитации службы в Вооруженных силах России. На эти цели только за 2013–2014 гг. фонд выделил российским коммерческим и некоммерческим организациям около 5,2 млн долларов.[1]

После опубликования Советом Федерации патриотического стоп-листа формально покинул Россию американский фонд Макартуров, потративший только в 2014 г. на поддержку различных НКО в России 2,5 млн долларов. Однако выполнение своих программ фонд не приостановил.

Появившись на просторах России сразу после развала СССР, Фонд развернулся по трем направлениям деятельности:

1. Россия в мировой политике;
2. Права человека;
3. Наука и образование в России.[2]

Что касается науки и образования, что по определению не может не касаться молодежи, то финансирование этого направления фондом вызывает много вопросов.

Так, 175 тыс. долларов было выделено некоему «Научно-образовательному форуму по международным отношениям», мероприятия которого проводятся при поддержке Информационного бюро НАТО в Москве. Некоторые проекты реализуются вместе с институтом стратегических исследований в Лондоне и Датской ассоциацией Североатлантического договора. Как видим, весьма своеобразные образовательные программы в России осуществляет Фонд.

Здесь же традиционная поддержка российских трансгендерных организаций. Куда же без них-то. Так, фондом Макартуров было выделено Санкт-Петербургскому ресурсному правозащитному центру на три года для оказания правовой помощи россий-

[1] См.: Мишина И. Конец «американской мечты» // Парламентская газета. 2015. 3–9 августа. № 29. С. 15.

[2] См.: Там же.

ским НКО. В перечне правоприменительной практики данного центра гей-организации «Ракурс» и общественная организация «Радужный дом».[1] «Викиликс» опубликовал данные, согласно которым фонд Макартуров оказывал поддержку арабским молодежным движениям, которые в дальнейшем приняли активное участие в 2011 г. в разразившихся на Ближнем Востоке арабских революциях. Так что, есть и такие наставники молодежи.

Основными направлениями противодействия экстремистской деятельности являются: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее уст ранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, лицу, участвующему в осуществлении экстремистской деятельности, по решению суда может быть ограничен доступ к государственной и муниципальной службе, военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных учреждениях и занятию частной детективной и охранной деятельностью.

На территории Российской Федерации запрещается деятельность общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых признана экстремистской, в соответствии с международно-правовыми актами и федеральным законодательством.

Предположение о том, что все гражданское общество, состоящее из различных, порой противоречивых частей, единодушно стремится к общественному благу, представляется ошибочным. Хотя активисты гражданских групп полагают, что они выступают за всеобщее благо, вопрос о том, в чем именно заключаются интересы общества, чьи интересы в нем доминируют, остается не всегда ясным.

Негосударственные организации, преследующие разные цели, зачастую не воспринимают ничего, кроме своей программы. Они не заинтересованы в компромиссе мнений по поводу общественного блага.

---

[1] См.: Парламентская газета. 2015. № 29. С. 16.

Основной целью экстремистов, несмотря на их мотивы, остается дестабилизация социального и этнополитического положения, создание максимально конфликтных ситуаций. Поэтому государству и институтам гражданского общества осуществлять меры, направленные на выявление экстремистских настроений и принятие необходимых профилактических мер. На постоянной основе должен проводиться мониторинг средств массовой информации и информационных ресурсов сети Интернет для установления фактов публикаций информации экстремистского содержания, а также о несанкционированных митингах и акциях протеста.

Литература:

1. О противодействии экстремистской деятельности: ФЗ РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1344 2003 г. // www. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30193837
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // http://www.antiterror.ru/library/legislation/70672585
4. Мишина И. Конец «американской мечты» // Парламентская газета. 2015. 3–9 августа. № 29.
5. За экстремизм накажут строже // Парламентская газета. 2014. 24–30 января.
6. Авционова Г.И. Экстремизм политический // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999.
7. Лопаткин Р.А. Экстремизм религиозный // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999.
8. Козлов А.А. Экстремизм социальный // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2000.

Плиев С.М.

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

NEW STATEHOOD ON THE POST-SOVIET SPACE

С.М. Плиев, Помощник депутата Государственной Думы Российской Федерации, кандидат политических наук
S.M. Pliev, Assistant Deputy of the Russia State Duma, candidate of political sciences (E-mail: pliev_sm@mail.ru)

Аннотация: В статье рассматривается сущность государства и государственности, даются классификации видов государств, таких как мини-, мега-государство, непризнанное, суверенное и состоявшееся государство. Анализируя различные типы государств, автор делает попытку дать оценку и перспективу развития новых государств, возникших на постсоветском пространстве.
Annotation: The article considers the essence of the state and statehood and suggests the classification of states' kinds, such as mini- mega-state, unrecognized, sovereign and held state. While analyzing different kinds of states, the author tries to assess the development of the new states and look at their perspectives.

Ключевые слова: государство, государственность, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, суверенитет, состоявшееся правовое государство, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Новороссия.
Key words: state, statehood, South Ossetia, Abkhazia, Nagorno-Karabakh, Transnistria (Pridnestrovje), sovereignty, held constitutional state, Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Novorossiya.

Происходящие в настоящее время его трансформации государственности на постсоветском пространстве обусловлены постиндустриальным транзитом. Они предопределяются политическими, социальными, экономическими и технологическими феноменами уже нового XXI в.

Как в ранние периоды истории, так и в современности, термином «государство» определяют зачастую разные явления. Государством именовали и огромную Римскую империю, и античный Рим, который являлся всего лишь определенным образом организованным городом. К государствам причисляют не только античные города-государства, но и средневековые вольные города, а также Западный Берлин, просуществовавший с 1949 по 1990 гг.

Исторически сложилось так, что нет такого государства, которое бы зародилось в античный период и осталось неизменным по сей день. В различные исторические периоды государствам присущи различные характеристики. При определении государства следует учитывать исторические условия, при которых зарождалось государство и его общество. В мире происходили и происходят процессы распада, слияния, разделения государств. Примером этому служит опыт развития государств в XX в. — распавшиеся после Первой мировой войны Австро-Венгерская монархия, в конце века — Чехословакия и Югославия. В 1922 г. РСФСР, Белоруссия, Украина и Закавказская Федерация объединились в одно государство — СССР. В 1958 г. Сирия и Египет объединились в ОАР. XX в. характеризуется увеличением числа государств в мире. Можно отметить, что в 1900 г. насчитывалось всего около 60 государств, а в конце века их число превысило 200. Только в результате освобождения от колониальной зависимости в Африке и Азии возникло более 90 государств.

После провозглашения права наций на самоопределение усилились процессы суверенизации, породившие политико-территориальные образования, имеющие атрибуты государства, но не признанные большинством существующих стран. Таким образом, самостоятельно существуют такие отделившиеся от государства образования как Южная Осетия, Республика Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика.

В нынешний период истории можно говорить об универсализации конституционных характеристик государства в западном мире. Государства Европы, Америки создают стандарты современных характеристик государства. Многие страны хотят быть демократичными, правовыми, социальными, прописывая эти основы в своих конституциях. «В современных условиях прежние общечеловеческие ценности получили новое звучание и новое дополнение. Все чаще речь идет не просто о равноправии, а о социальном равноправии, не только о политической, но и социальной демократии. Появились требования социально ориентируемой (государством) экономики, социальной справедливости, обеспечением государством человека»[1].

Государство не может обладать одинаковыми характеристиками в разные периоды истории, но как показывает история, государство — это универсальное явление. Они могут распадаться, но вновь и вновь возникают новые, это и является доказательствам

[1] См.: Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 25.

того, что государство является устойчивым явлением. При этом его сущность не просто наводит на понимание государства, развитие его определения, но и помогает отличить его от государственных образований. Государство может быть завоевано другим государством, находиться в состоянии кризиса или на грани распада, но сущность его остается неизменной. В XX в. в основном говорят о классовости и общесоциальности государства. Классовый подход был выработан марксистской теорией государства и права, которая рассматривала государство как орудие классового господства, представляющее интересы экономически правящего класса. Некоторые из авторов советского периода говорили о двойственной сущности государства: «Государство одинаково необходимо как для руководства общественными делами, так и для эксплуатации»[1].

В конце XX в. авторы полагали, что государство, реализуя общесоциальные дела, в то же время всегда обеспечивает интересы определенных привилегированных слоев, стоящих у власти. А.Б. Венгеров пишет: «Оно выступает не только бездушной машиной классового подавления, но и инструментом поддержания общественного порядка, выполнения общих задач»[2].

Государство, являясь формой организации общества, управляет обществом посредством суверенной политической власти. Многие авторы отмечают также, что сущность государства составляет государственная власть, которая осуществляет управление всем обществом. В самом деле, только государственная власть способна обеспечивать устойчивость и жизнеспособность такого весьма сложного и меняющегося образования как общество. Власть государства распространяется на всех лиц, живущих постоянно или находящихся временно на территории определенного государства. Государственная власть всегда стремится к удержанию целостности общества и его стабильности. С одной стороны, выполняет функции судьи в обществе, с другой — функции, необходимые для жизни всего общества в целом (например, оборона).

Государственная власть как одна из разновидностей публичной власти присуща только государству. Еще в начале XX в. известный русский юрист и социолог Г.Ф. Шершеневич утверждал, что только государственная власть превращает массу людей в государство[3].

---

[1] Мушкин А.Е. Государство и право — исторические разновидности органов и норм управления обществом. Ленинград, 1969. С. 42.

[2] Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 1. М., 1996. С. 80.

[3] Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. С. 20.

Все государства существуют в своих территориальных границах. В результате возникновения государства происходил переход от родоплеменной к территориальной организации общества. Отличительным свойством ранних государств является территория. Любое современное государство имеет территорию, таким образом, она является необходимой материальной составляющей существования государств.

Государственная территория включает в себя сушу, воды и воздушное пространство над ними. В ст. 67 Конституции РФ записано: «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними».

Споры о территории во все времена были камнем преткновения государств. В настоящее время данная проблема не исчерпала свой потенциал, приобретя несколько иную окраску. Все больше наций стремятся к государственной организации, пытаются отделиться от государства, в составе которого они находятся.

В научных исследованиях отмечается, что государство для признания его таковым не обязательно должно иметь четкую границу государства. Так в 1913 г. ряд государств признал Албанию, несмотря на отсутствие точно определенных границ, а Израиль был принят в состав ООН, несмотря на споры по вопросу о его границах[1].

Одной из основных составляющих государства является народ. Определение «народ» обозначает не просто наличие некого населения в границах государства, но и его непосредственную связь с государством в политической, социальной, экономической, правовой и других сферах. Народ представляет собой одно целое. Все люди вместе и каждый по отдельности ощущают свою принадлежность к определенному народу отдельного государства. Следует отметить, что территория, население, публичная власть как основные характеристики государства, весьма важны для молодых государств, поскольку именно эти признаки позволяют отличить государство от другого рода государственных образований.

Чтобы понять государство как форму организации общества, нужно рассмотреть функции государства. К. Маркс отмечал, что «государство не может рассматриваться просто как действительность, оно должно рассматриваться как различенная деятельность»[2]. Л.С. Санистебан определяет функциональную характеристику государства: «Государство — не более чем опре-

[1] Воронин А.А. Территориальная целостность государства. Теоретические и исторические аспекты. Ярославль, 2003. С. 18.

[2] Маркс К., Энгельс Ф.Соч. Т. 1. М., 1955. С. 234.

деленный тип юридически регулируемого социального поведения, существующий в конкретных пространственно временных условиях»[1]. Отличительной чертой государства является также «принудительная регуляция поведения людей посредством нормативных форм»[2].

Государственные функции отражают его сущность и назначение. Главная цель государства — регулировать общественные отношения, выступать судьей в обществе, гарантировать обществу его существование. В.О. Тененбаум полагает, что понятие и функции государства подчеркивают содержание и механизм государства. Отмечается, что функции являются элементом содержания и структуры государства. Тененбаум отмечает: «Функция как элемент содержания указывает на определенный вид деятельности государства, а как элемент формы — на соотношение этого вида деятельности с другими видами. Если в категории «содержание государства» политика государства, его деятельность выступают как нечто однородное, общее, не расчлененное, то понятие функции вносит в эту однородность членение, следовательно, структуру»[3]. Таким образом, государство является функционирующей организацией, которая в большинстве случаев стремится к выполнению потребностей в обществе, тем самым еще раз подчеркивается его универсальный характер, не случайное, а вполне закономерное его существование. Государство в то же время является самостоятельным образованием, которое объединяет и при необходимости организует общество, часто в значительной степени не учитывая его потребности и интересы. Оно может также осуществлять функции, совершенно не отвечающие, а зачастую и вовсе противоречащие интересам общества.

Идет постоянный процесс развития, усложнения, изменения общества. Вместе с ним меняется и государство, а также его цели и задачи. Как правило, выделяют следующие виды государств:

1. Мега-государства — крупные государства мира, обладающие большим экономическим и военно-политическим потенциалом. Одной из основных функций мега-государств является организация и контроль мирового порядка. Это традиционная и важная роль крупных держав мира. Мега-государства являются концентраторами людских, материальных, медийных ресурсов планеты, обладают сильнейшим по силе оружием и уникальными инструментами влияния на политику всего мира;

[1] Санистебан Л.С. Основы политической науки / Пер. с испанского. М., 1999. С. 22.

[2] Там же. С. 23.

[3] Таненбаум В.О. Государство. Система категорий. Саратов, 1971. С. 137.

2. Мини-государства — это сравнительно маленькие государства с относительно умеренными внешними аспектами суверенности и слабой статусностью. Их отличительной особенностью является блоковость, многовекторность во внешней политике, вхождение в наднациональные государственные структуры при наличии во многом формального суверенитета. Они обладают относительно малым населением и территорией. Их потенциал и территория используется мега- и макро-государствами, а также мощными международными организациями;

3. Непризнанные государства — государства, не имеющие полной международной правосубъектности. Официально не признанные большинством государств мира, такие государства образуют класс «непризнанных» или «самопровозглашенных» государственных образований. Часто это разные по своей сути политические образования с проблемными внешними аспектами суверенности и неопределенной статусностью. У такого рода государств ярко выражен конфликт между необходимостью занять достойное место среди субъектов мировой политики и ограниченностью ресурсов для достижения этой задачи. Нередко такое стремление сталкивается с противодействием влиятельных мега- и макро-государств. Как правило, эти государства пользуются международным покровительством со стороны мега- либо макро-государства, которому пере- даются полномочия по обороне и внешней политике.

Трудности в определении понятия «государство» связаны как с субъективными, так и объективными факторами. Суть субъективных факторов заключается в невозможности одинакового восприятия одних и тех же государственно-правовых явлений разными людьми, а объективных — в сложности и многогранности самого государства как явления. Сложность заключается также в том, что данным термином обычно обозначаются самые разнообразные предметы и явления. Классическая теория государства и права выделяет следующие признаки для характеристики государства: территория, население, публичная власть[1].

На сегодняшний день в научной среде, изучающих теории государства и права, одной из основных черт государства, наряду с территорией, населением, публичной властью является суверенитет. При этом подчеркивается, что страна, не имеющая суверенитета, является колонией или доминионом[2].

---

[1] См.: Общая теория государства и права. М., 1998. С. 86.

[2] См.: Там же. С. 117.

Создание любого государства начинается с определения его суверенитета, потому что именно суверенитет и делает государство государством и дает ему всю полноту политической власти. И само собой разумеется, что различные трактовки суверенитета практически всегда были волеизъявлением политической или экономической элиты. Именно поэтому нельзя обойтись без соотношения власти и суверенитета, которые многими авторами признаются составными признаками государства. Следуя вышесказанному, можно сделать вывод о том, что три основных принципа государства выглядят следующим образом: суверенная политическая власть, территория и население. Для вновь созданных государств необходимо определение понятия «государство состоявшееся». Состоявшимся считается государство, обладающее основными классическими признаками государства, такими как: территория, население, суверенная политическая власть и признание хотя бы одним всемирно признанным государством, участником международных отношений.

Опираясь на данное определение новообразованными государствами, появившимися на карте мира не так давно, являются Абхазия и Южная Осетия.

Республика Абхазия — территория 8,7 тыс. кв. км, население более 250 тыс. человек, столица Сухум, действует президентская форма правления. Республика Южная Осетия — территория 3,9 тыс. кв. км, население около 50 тыс. человек, столица Цхинвал.

Касательно Южной Осетии и Абхазии ситуация вполне определенная, обе эти республики имеют полное право называться государствами в самом широком понимании этого слова после событий августа 2008 г., когда Россия признала их независимость. Примеру России последовали Венесуэла, Никарагуа, Науру и на этом признания их независимости не заканчиваются. Уже ведутся переговоры со многими другими государствами, готовыми признать независимость республик. Следовательно, основной задачей данных государств является поднятие уровня жизни населения, усиление институтов власти и укрепление национальных экономик.

Особо следует сказать о Южной Осетии, отметившей 20 сентября т. г. четверть века республики.

В Цхинвале в рамках юбилейных мероприятий прошел военный парад. Президент Южной Осетии Леонид Тибилов, выступая на торжественном собрании по случаю 25-летия образования республики, поблагодарил народ и политическое руководство России за признание независимости. «И ныне наша страна исключительно благодаря практической помощи со стороны России

успешно залечивает раны войны и с каждым годом все увереннее встает на ноги», — сказал Тибилов[1].

Согласно результатам опроса, проведенного 21–24 августа среди 800 человек в 134 населенных пунктах 46 регионов России, практически каждый второй (47%) респондентов видит в Южной Осетии независимое государство. Аналогичного мнения об Абхазии придерживаются 49%. Между тем 10% и 9% участников опроса соответственно считают, что Южная Осетия и Абхазия являются частью Грузии. Каждый пятый (21%) воспринимает Южную Осетию как часть России, столько же (20%) считают российскими территориями Абхазии. Затруднились с ответом 22% и 21% респондентов соответственно.

По мнению практически каждого второго россиянина, Южная Осетия и Абхазия должны быть независимыми (48% и 47% соответственно). Говоря о последствиях признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, 23% респондентов отметили, что действия российской стороны пошли стране на пользу. Практически каждый второй (47%) полагает, что признание независимости Южной Осетии и Абхазии не принесло России ни пользы, ни вреда[2].

Что касается Приднестровской Молдавской Республики, Нагорного Карабаха, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, то они относятся к непризнанным государствам. Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) — занимает 3,6 тыс. кв. км между Республикой Молдова и Украиной на левобережье Днестра. Население 665,8 тыс. человек (1999 г). Столицей ПМР является город Тирасполь[3].

Положение вокруг республики стало более напряженным в связи с ситуацией вокруг украинского кризиса. Особую настороженность вызывает и тот факт, что губернатором Одесской области, граничащей с ПМР, был назначен бывший президент Грузии М. Саакашвили. Именно он был инициатором кровопролитной войны в августе 2008 г. ПМР выстраивает свои отношения в партнерстве с Россией, которая стала гарантом стабильности в регионе, разместив в Приднестровье российский миротворческий контингент. Для Приднестровья жизненно важно получить признание Российской Федерацией и подписать с ней договор о военном сотрудничестве во избежание военной агрессии со стороны Украины. ПНР, как Абхазия и Южная Осетия, в случае признания Россией имеет все шансы стать суверенным государством. Нагорно-Карабахская

[1] Четверть века Республики Южная Осетия // Российская газета. 2015. 20 сентября.

[2] См.: Там же.

[3] См.: karty.narod.ru/maps/pmr/pmr.html.

Республика (НКР) — территория 12 тыс. кв. км, население на 2005 г. составляло 137,7 тыс. человек, столица — город Степанакерт[1].

Ситуация вокруг Нагорно-Карабахской Республики тоже далека от идеала, но в отличие от других республик, вставших на путь самоопределения, НКР ведет свою политику направленную на сближение и воссоединение с республикой Арменией. Конфликт в регионе является замороженным. Как и во всех других случаях, гарантом стабильности в регионе является Российская Федерация. В принципе, НКР так же имеет все шансы стать самостоятельным государством в случае признания страной участником мирового международного процесса.

Донецкая Народная Республика (ДНР) — численность населения по состоянию на 1 апреля 2015 г. составляет 2,3 млн жителей[2], территория 7,5 тыс. кв. км, столица — Донецк. О создании Донецкой Народной Республики было объявлено в апреле 2014 г. в ходе протестов на Юго-Востоке Украины. 11 мая 2014 г. состоялся референдум о самоопределении ДНР, 12 мая был провозглашен государственный суверенитет ДНР[3]. Луганская Народная Республика (ЛНР) — территория 8,3 тыс. кв. км, численность населения 1,5 млн человек, столица Луганск. О создании Луганской Народной Республики также было объявлено в апреле 2014 г. 11 мая 2014 г. состоялся референдум о самоопределении ЛНР, 12 мая был провозглашен государственный суверенитет, а также выражено желание вступить в состав России и объединиться с Донецкой Народной Республикой в Новороссию. 17 мая 2014 г. Генпрокуратура Украины признала «ЛНР» террористической организацией[4].

Ситуация вокруг ДНР и ЛНР является крайне напряженной и неопределенной. Эти две республики обладают большим потенциалом людских и экономических ресурсов для выбора курса развития в качестве суверенных государств. Но пока не ясно, сможет ли Россия пойти наперекор Западным государствам и признать независимость данных республик или предпочтет путь долгого политического диалога. И что будет, если все же украинские власти дадут ДНР И ЛНР широкую автономию и начнут выполнять «Минские соглашения»? Как в таком случае поведут себя руководители новоиспеченных республик?

Подводя итоги, хотелось отметить, что все вышеперечисленные республики встали на путь самоопределения не по своей воле, а в

[1] См.: www.kavkaz-uzel.ru/articles/90997

[2] См.: www.nakanune.ru/news/2015/5/22/22400705/#sthash.XDykaxJp.dpuf.

[3] См.: www.gazeta.ru/tags/donetskaya_narodnaya_respublika.shtml.

[4] См.: www.gazeta.ru/tags/luganskaya_narodnaya_respublika.shtml.

связи с тотальным попранием основных прав и свобод человека, включая право на жизнь. Выбирая путь самоопределения в качестве независимого государства, республики руководствовались «Венской декларацией» от 1993 г.[1], которая позволяет воспользоваться правом народа на самоопределение как приоритетным, в случае тотального нарушения прав граждан по этническому или национальному признаку. Следовательно, действия всех вышеупомянутых республик по части начала самоопределения были связанны с заботой о своих гражданах и были полностью правомочны. Что же касается политического будущего, то Южная Осетия и Абхазия стали полноценными государствами, не раз доказавшие свою состоятельность в результате парламентских и президентских выборов. По примеру Южной Осетии и Абхазии могут пойти и другие новопровозглашенные постсоветские республики.

Литература:

1. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001.
2. Мушкин А.Е. Государство и право — исторические разновидности органов и норм управления обществом. Ленинград, 1969.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 1. М., 1996.
4. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908.
5. Воронин А.А. Территориальная целостность государства. Теоретические и исторические аспекты. Ярославль, 2003.
6. Маркс К., Энгельс Ф.Соч. Т. 1. М., 1955.
7. Санистебан Л.С. Основы политической науки / Пер. с испанского. М., 1999.
8. Таненбаум В.О. Государство. Система категорий. Саратов, 1971.
9. Общая теория государства и права. М., 1998.
10. Четверть века Республики Южная Осетия // Российская газета. 2015. 20 сентября.
11. karty.narod.ru/maps/pmr/pmr.html.
12. www.kavkaz-uzel.ru/articles/90997
13. www.nakanune.ru/news/2015/5/22/22400705/#sthash.XDykaxJp.dpuf.
14. www.gazeta.ru/tags/donetskaya_narodnaya_respublika.shtml.
15. www.gazeta.ru/tags/luganskaya_narodnaya_respublika.shtml.
16. www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.

[1] См.: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.

Сычев П.И.

МИГРАЦИЯ И ПОЛИТИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

MIGRATION AND THE TOLERANCE POLICY
(EXAMPLE OF VORONEZH REGION)

П.И. Сычев, аспирант ВИЭСУ
P.I. Sychev, Undergraduate of VoronezhInstitute of Economy and Social Control
(E-mail: Pavel.Sychjov@yahoo.com)

Аннотация: В настоящей статье толерантность рассматривается в качестве одной из противоречивых ценностей современного общества. Автор на опыте межнационального общения в одном конкретном субъекте Федерации показывает как формируются толерантные межличностные отношения.
Annotation: The article examines tolerance as one of the contradictory values of modern society. The author illustrates by the example of international communication in one specific subject of Federation the forming of tolerant interpersonal relations.

Ключевые слова: миграция, толерантность, веротерпимость, миролюбие, гармонизация отношений, национальная политика.
Key words: migration, tolerance, toleration, peacefulness, harmonization of relations, nationality policy.

В настоящее время в Воронежской области, помимо русских (их 94,1%), проживают представители более ста этносов (их количество различно — от одного-двух человек до нескольких сотен). Нет необходимости подробно говорить о том, что это представители другой культуры, которые выросли в иных условиях, соблюдают иной уклад жизни, исповедуют другую религию и пр. Вопрос состоит в следующем: насколько остро стоит проблема мирного сосуществования людей с разной культурой? И в последнее время остро стоит проблема толерантности в отношении политических взглядов. В многонациональной Воронежской области в качестве примера местной «нетолерантности» можно привести тот факт, что в области всегда было негативное отношение к представителям цыганской национальности, которое было вызвано тем, что большинство цыган отказывалось работать и на жизнь зарабатывало криминальным путем (в значительной степени такой образ жизни имеет место и в настоящее время). При этом следует отметить, что подобное отношение имеет чисто бытовую основу и не связано

ни с религией, ни с политикой. Неприятие русскими «вольного» образа жизни цыган выражается в желании по возможности уйти от контакта с ними, настороженности при общении и т. п. Ситуаций, когда людям приходилось бы спешно покидать регион (как, например, русским из бывших советских республик в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.), не возникало. В советский период в область стали прибывать представители иных национальностей. Прежде всего это были студенты из других республик, из них следует отметить большое количество студентов из Чечено-Ингушской АССР как области-побратима, в частности, национальная студия на театральном факультете Воронежского института искусств. Приезжали по распределению после окончания вузов молодые специалисты (в качестве примера можно привести группу деятелей культуры — выпускников Тбилисской консерватории, которые долгие годы работали в Воронежском оперном театре, филармонии и внесли большой вклад в развитие культуры области). Тот факт, что многие остались в Воронеже после окончания обязательного трехлетнего срока работы по месту распределения, говорит о том, что они не испытывали дискомфорта, следовательно, отношение к ним со стороны коллег из числа местных жителей было толерантным.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в связи с возникшей напряженностью в республиках бывшего Советского Союза наряду с русскоязычными переселенцами в Воронежской области появились армяне, азербайджанцы, турки-месхетинцы и др. Многие живут в области более 20 лет, и этот факт говорит о многом.

Понятие «толерантность» не является «изобретением» последних лет. Толерантность — «терпимость, к кому- или чему-нибудь, в обществе — терпимое отношение индивида социальной группы или общества в целом к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей или сообществ»[1]. В сознании большинства это слово воспринимается как терпимое отношение к чему-то, что отличается от привычного для человека, — чужой религии, взглядам, мнению, поведению и т. п. Слово «tolerantia» имеет латинское происхождение и означает «выносливость», «пассивное терпение», «добровольное перенесение страданий». В Эпоху Возрождения оно приобретает новые значения — «позволение», «сдержанность», «уступка в вопросе религиозной свободы». Западные политические мыслители ясно выразили идею необходимости толерантности для общества, которое уже не могло быть дружелюбным к нетерпимости и вражде, вызванной религиозными война-

[1] Шалин В.В. Толерантность // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 2003. — С. 660–661.

ми XVI–XVII вв. Именно признание толерантности в качестве необходимого условия мира между народами помогло сложиться той исторической атмосфере, благодаря которой появились первые европейские декларации прав, ставшие предтечей Всеобщей Декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. В условиях глобализации современного мира необходимость перехода к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности, становится очевидной.

Формирование установок толерантного сознания, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма имеют для многонациональной России особую актуальность. Осложняет ситуацию то, что мы живем в век быстрого развития коммуникации, крупномасштабных миграций населения и мобильности, поэтому высок риск межнациональных конфликтов. В связи с этим существует проблема влияния на различные стороны жизни граждан посредством проведения политики, основанной на принципах толерантности, взаимного уважения национальных и религиозных ценностей, традиций и убеждений. Толерантность, таким образом, является важнейшим условием нахождения компромиссов, преодоления конфликтов.

История толерантности как теоретической проблемы и современные дискуссии в этой области указывают на то, что толерантность в настоящее время не может рассматриваться исключительно как модный лозунг или как дань политической моде. Сейчас особенно остро встают следующие вопросы: как можно сформировать толерантное отношение? Как можно решить проблему межнациональных конфликтов? Какова должна быть стратегия толерантности сегодня и каковы ее пределы? В современной теории толерантности однозначных ответов на поставленные вопросы нет. Толерантность остается одной из самых противоречивых ценностей нынешнего общества. Однако эта противоречивость не снижает ее значения, а скорее отражает крайнюю сложность того мира, в котором в настоящее время обречен жить человек.

Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих убеждений. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим. При этом толерантность не может распространяться на все без исключения явления общественной жизни. В целях мобилизации общественности, привлечения внимания к опасностям, кроющимся в нетерпимости, и укрепления приверженности и активизации действий в поддержку поощрения толерантности и воспитания в ее духе,

16 ноября объявлен Международным днем толерантности, который отмечается ежегодно.

В последнее десятилетие XX в. миграционные процессы на территории бывшего Советского Союза стали более интенсивными. Это послужило одним из факторов возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, что, в свою очередь, послужило причиной обращения к понятию толерантности уже не как к теоретическому понятию, а как к одному из способов урегулирования этих конфликтов. Необходимые шаги для преодоления нетерпимости в обществе — обеспечение равного доступа к охране здоровья, образованию, социальному обеспечению, реализации права на жилище для всех без какой-либо дискриминации, в том числе по признаку наличия регистрации по месту жительства; регулирование миграционных процессов, приводящих к различным формам этнической дискриминации представителей меньшинств и мигрантов. Толерантность должна быть осмыслена сегодня не только как ориентация сознания, но и как образ жизни.

Распад Советского Союза, враждебное отношение к русскоязычному населению в бывших союзных республиках, проблемы беженцев поставили перед обществом новые задачи. Не только на федеральном, но и на региональном уровне принимаются и осуществляются различные программы, которые направлены на преодоление национальной и расовой неприязни. Приведем два примера. Так, десять лет назад начала реализовываться «Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы» (постановление Правительства Санкт- Петербурга от 11.07.2006 г. № 848).

В г. Мурманске по инициативе муниципального учреждения «Центр социальной помощи семье и детям Мурманска» реализуется программа «Толерантность как образ жизни». Авторы программы считают, что воспитать детей, умеющих жить в многонациональном, многоконфессиональном, да и просто в очень многоликом мире — одна из задач, стоящих сейчас перед обществом.

Аналогичная работа велась и ведется в Воронежской области. Уже в 2007 г. был создан Центр развития межнациональных отношений, при Воронежской областной Думе в 2005 г. создан Межконфессиональный совет, в который вошли представители русской православной церкви, объединения евангельских христиан-баптистов по Воронежской области, представители мусульманских республик, главный раввин Воронежа и Воронежской области и др. В Департаменте образования, науки и молодежной политики

была разработана и утверждена целевая программа «Профилактика экстремизма в молодежной среде и воспитание культуры толерантности на территории Воронежской области (2012–2014 гг.)».

В 2010 г. была создана Национальная палата при губернаторе Воронежской области, главной задачей которой является работа с национальными общинами. Создание такого органа было весьма актуально, поскольку на территории области существуют 43 национальных объединения, подавляющее большинство которых находятся в областном центре. Целью их деятельности является сохранение и развитие национальных традиций, языка и культуры своего народа, а также укрепление дружбы между народами, борьба с проявлениями экстремизма. Национальная палата при губернаторе Воронежской области в работе с данными объединениями поставила основные цели:

повышение эффективности реализации государственной национальной политики на территории Воронежской области;

укрепление межнационального согласия и взаимопонимания, сохранения и развития национальной культурной самобытности народов, проживающих на территории Воронежской области;

представление в органах государственной власти Воронежской области и органах местного самоуправления муниципальных образований Воронежской области культурных и социальных интересов этнических общностей, проживающих на территории Воронежской области.

За время существования Палаты было проведено более 100 конференций и встреч, среди которых особенно отмечают проведенную в 2011 г. Межрегиональную конференцию «Формирование межэтнической толерантности, профилактика ксенофобии и национализма в молодежной среде». Крупным явлением в культурной жизни региона стал организованный в 2011 г. по инициативе Национальной палаты при губернаторе Воронежской области Областной фестиваль художественных коллективов и исполнителей «Воронеж многонациональный», и приуроченный к празднованию Дня народного единства.

Деятельность Национальной палаты при губернаторе Воронежской области отражена в «Бюллетене межконфессионального совета при Воронежской областной Думе». В нем публикуются материалы, которые освещают деятельность основных религиозных конфессий, функционирующих на территории Воронежской области, а также проблемы межнациональных и межконфесиональных отношений в России и мире.

Роль религии в жизни общества всегда была велика. Даже самые закоренелые атеисты, сами того не замечая, придержива-

ются моральных норм, которые сформировались в обществе под влиянием религии. Секретарь межконфессионального совета при Воронежской областной Думе А.К. Никифоров в статье «О повышении роли руководителей национальных диаспор в воспитании толерантности у молодежи из своих национальных республик» приводит слова Геббельса: «Мы можем раздавить Красную армию, мы можем оттяпать у них огромные территории, мы можем остановить их заводы, но пока мы в каждой деревне не посадим своего священника, пока мы их не разделим по вере, этот народ в любом случае сумеет встать из пепелища»[1]. Религиозные деятели всех конфессий, находящихся на территории Воронежской области, ведут большую работу по воспитанию толерантности у молодежи, приезжающей на учебу или работу в Воронежскую область[2].

Продолжается работа с молодежью в вузах Воронежа. Профессор ВГАСУ, член Национальной палаты, И.С. Суровцев пишет, что одной из важнейших целей образования Воронежского государственного архитектурно-строительного университета является «раскрытие духовного, интеллектуального потенциала молодого человека, воспитание его подлинным патриотом и гражданином России с высокой культурой этнической толерантности»[3].

Особую тревогу вызывает распространение идей экстремизма, в частности, радикального исламизма. По данным Центрального духовного Управления мусульман, в России насчитывается более 100 тысяч ваххабитов, причем, радикально настроенные исламисты могут находиться не только на территориях, где исповедуется ислам.

Тем не менее, представители Межконфессионального совета при Воронежской областной Думе призывают не проводить параллели между преступниками-террористами и законопослушными гражданами, прибывшими в регион с мирными целями, только лишь на основе религиозной принадлежности, с уважением относиться к людям всех национальностей и вероисповеданий и понимать меру ответственности каждого за судьбу страны в нынешней сложной ситуации.

Таким образом, в Воронежской области ведется целенаправленная работа по укреплению межнациональных и межконфес-

---

[1] Никифоров А.К. Информационный бюллетень межконфессионального Совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 3. Воронеж, 2012. С. 25–27.

[2] Никифоров А.К. Политизация религии как один из факторов роста религиозного экстремизма / А.К. Никифоров // Информационный бюллетень Межконфессионального совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 6. Воронеж, 2014. С. 30–32.

[3] Суровцев И.С. Фундамент толерантности / И.С. Суровцев // Информационный бюллетень межконфессионального Совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 1. Воронеж, 2014.

сиональных отношений, что является одним из неотъемлемых положений политики толерантности. Однако, следует отметить, что отношение толерантности не распространяется на криминал, экстремистские взгляды, а значит, разграничены такие понятия как уважение к чужим взглядам и вседозволенность. Следовательно, при дальнейшей работе в этом направлении можно рассчитывать на благоприятный прогноз в развитии национальной политики Воронежской области.

Литература:

1. Шалин В.В. Толерантность // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 2003.
2. Никифоров А.К. Информационный бюллетень межконфессионального Совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 3. Воронеж, 2012.
3. Никифоров А.К. Политизация религии как один из факторов роста религиозного экстремизма / А.К. Никифоров // Информационный бюллетень Межконфессионального совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 6. Воронеж, 2014.
4. Суровцев И.С. Фундамент толерантности / И.С. Суровцев // Информационный бюллетень межконфессионального Совета при Воронежской областной Думе. Выпуск 1. Воронеж, 2014.

Гунибский М.Ш.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: УРОКИ И ВЫЗОВЫ

"COLOR REVOLUTIONS" AND BEZOPOSNOST RUSSIA: LESSONS AND CHALLENGES

Гунибский Магомед Шахмандарович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) e-mail: maggun@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с демонтажем политических режимов в современных государствах и ролью в этом процессе технологий «цветных революций». Исследуются внешние и внутренние условия и факторы, которые делают возможными «цветные революции». Выделены характерные признаки «цветных революций». Значительное внимание уделяется анализу сущности и структуры власти. Сообщается о месте и роли власти в предотвращении «цветных революций». Делается акцент на необходимости использования адекватных методов противодействия цветным технологиям и предложены меры противодействия «цветным переворотам».

Annotation: This article analyzes the problems associated with the dismantling of the political regimes in modern societies and the role of technology in the process of "color revolution". We study the external and internal conditions and factors that make possible "color revolution", highlight the characteristics of "color revolution". Considerable attention is paid to the analysis of the nature and structure of power. It is reported about place and role of government in the prevention of "color revolution". The emphasis is made on the need to use appropriate methods to counter color technologies and proposed countermeasures to "color revolution".

Ключевые слова: Арабская весна; власть; внешние условия; внутренние факторы; демонтаж политических режимов; евромайдан; менталитет; методы противодействия революциям; причины революций; технологии; угрозы; уроки революции; цветные революции.

Key words: Arab Spring; power; external conditions; Internal factors; dismantling of political regimes; Euromaidan; mentality; methods to counter revolution; causes of revolution; technology; threatening; consequences of the revolution; features of the revolutions

США и некоторые Западные страны открыто бросили вызов славянскому миру. Политика двойных стандартов, политические, экономические, идеологические санкции против лидера славянской культуры, учит нас к пониманию того, что современный этап

международных отношений принципиально отличается от всех предыдущих периодов человеческой истории. Современный этап можно смело назвать глобальным геополитическим противостоянием США и России.

Сегодня, крупные западные акторы уже не создают видимость сотрудничества между Западом и Востоком. Стремление США к абсолютному мировому гегемонизму — факт неоспоримый. Приведу некоторые высказывания президента США Барака Обамы: «Я считаю, что США — исключительная страна, Америка, — по его словам, — беря на себя бремя лидерства, заполняет пустоту, которую ни одно другое государство не может заполнить. Некоторые могут не согласиться, но я верю в исключительность Америки»[1]. «Соединенные Штаты были и остаются единственной незаменимой страной». «Я убежден: Америка должна лидировать на мировой арене. Я верю в исключительность Америки»[2].

Для своего первенства США прилагает максимум усилия для достижения политического краха, экономического спада в других государствах, разрушение в этих странах систему управления, создание «управляемого хаоса».

Исследование международных событий конца двадцатого — начала двадцать первого века демонстрирует, что в их первооснове лежали внутреннее глубокое расстройство государств различного масштаба. Распаду Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора предшествовала серия революционных переворотов в ряде стран социалистического содружества. Подобными по своей природе были и события в Советском Союзе. После ряда, инициированных извне, масштабных выступлений населения против существующей власти, неумелая попытка ГКЧП предотвратить разрушение единства Советского Союза стала лишь укорителем его распада. Результаты всенародного референдума, мнение большинства граждан СССР было игнорировано. В последующем на постсоветском пространстве прошла вереница «цветных и цветочных революций», где-то успешных, а где-то нет. Федеративная Югославия уничтожена по похожему сценарию. Подтверждает этот тезис и «арабская весна», которая уже со всей очевидностью продемонстрировала: за этими формально спонтанными революционными событиями стоят внешние «режиссеры». Наглядным доказательством этому являются и события но-

[1] См.: Выступление Барака Обамы на заседании ООН в сентябре 2013 года. / American Exceptionalism Revisited. By Gracy Olmstead September, 25, 2013.

[2] См.: Речь президента США на выпускной церемонии в Военной академии Соединенных Штатов в мае 2014 года. / Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony U. S. Military Academy-West Point

вейшей истории Украины, где все органы власти, в том числе и президент, выполняют роли, отведенные им внешними кураторами. Не требует доказательства и то, что главный «кукловод» украинской элиты находится за океаном. Клюв американского орла очевиден в украинской трагедии.

События в сентябре 2014 года в Китайской народной республике («революция цветных зонтов» в Гонконге) показывает, что эти силы, получив положительный результат своей деятельности в ряде стран, приступили к реализации своих планов в ведущих державах мира.

Кто стоит преградой для заокеанского хищника? Кто не дает в полной мере реализации американской экспансии на мировой арене? Ответ: Российская Федерация. С открытой, честной внешней политикой. В основе этой политики лежат общечеловеческие, консервативные духовно-нравственные ценности славянской цивилизации. Сила России — в правде.

Последовательный, устойчивый, справедливый внешнеполитический курс России нынешнего руководства страны сдерживает ястребов войны в Европе и США. Политическое руководство США и ряда западных стран ставят своей целью смена политического курса России. Вмешательство во внутренние дела нашей страны стало коренным признаком внешней политики США. Главное средство их политики — организация цветных революционных переворотов.

Отвечу на вопрос: что такое «цветные революции»?

«Цветные революции» — термин, которым принято обобщенно называть ряд общественно-политических событий, произошедших в мире в конце двадцатого — начале двадцать первого веков.

«Цветными революциями» называют серию массовых уличных беспорядков и протестов населения, при поддержке зарубежных неправительственных организаций, обычно завершающихся сменой политического режима без военного участия в том случае, если революция достигает своей цели. Также происходит смена правящих элит. В основном «**цветные революции» — это спланированный извне, развал страны изнутри**.

Цель «цветных революций» — это не просто смена властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а принципиальное изменение основы всей государственности.

В настоящее время отсутствует единства среди политиков, и идеологов по вопросу о том, какой именно социальный «бунт» можно считать «цветной революцией».

К ним, **во-первых,** можно отнести, государства арабского мира, где произошли революционные перевороты (или попытки перево-

ротов) и названные странами «арабской весны» (Египет, Йемен, Ливия, Сирия, Бахрейн, Алжир, Ирак, Иордания, Марокко, Оман, Кувейт, Ливан, Мавритания, Судан, Джибути, Западная Сахара).

Во-вторых, эти революции в бывших социалистических странах и союзных республиках Советского Союза: «Бульдозерная революция» в Югославии в 2000 году; «Революция роз» в Грузии в 2003 году; «Оранжевая революция» на Украине в 2004 году; «Тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 году[1]; попытка «Васильковой революции» в Белоруссии в 2006 году[2]; попытка «цветной революции» в Армении в 2008 году[3]; попытка «цветной революции» в Молдавии в 2009 году[4]; попытка цветной революции «Марш миллионов» в России в мае 2012 года; националистический захват власти на Украине в феврале 2014 года, под лозунгом «революция достоинств»; попытка «революция цветных зонтов» в Китае в сентябре 2014 году.

Анализ практики «цветных революций» показывают социальные факты и процессы в этих странах имеют общие, схожие черты.

Первая из них — все они начинались в формально **благополучных странах** со стабильными режимами либо внезапно, с самого незначительного повода, либо после относительно короткого «угрожаемого периода» в отличие от революционных событий начала XX века, которые происходили на фоне тяжелейших испытаний. Первой мировой войны, а этому предшествовало нагнетание социальной напряженности.

Второй отличительной чертой является **молниеносная положительная реакция** на эти события со стороны ведущих стран Запада с выражением полной поддержки «революционным» силам и требованиями в адрес действующей власти прекратить насилие, в ряде случаев сопровождавшиеся угрозами применить военную силу.

Третья важная черта — практическая **однотипность сценария**, состоящая в том, что поводом к массовым выступлениям являлись несопоставимо ничтожные с ними события на фоне стабильной в целом обстановки в стране и зачастую весьма высокого уровня жизни населения. Ранее для инициирования подобных событий требовались более масштабные предлоги.

---

[1] См. подробно: Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб. Алетейя, 2008.

[2] См.: Лурье Светлана: «Васильковой революции» не будет // Спецназ России: общ-полит. изд. 2005. август. URL specnaz/article/?753.

[3] См.: Юрьева Дарья: Шутки в сторону // Российская газета: ежедн. интернет-изд. 2008. 7 марта. URL rg/2008/03/07/sarkisyan.html

[4] В Кишиневе пытались устроить цветную революцию // Корреспондент: ежедн. интернет-изд. 2009. 14 апреля. URL korrespondent/world/804755

Четвертая особенность — **угроза применения и/или применение санкций** против государств под надуманными предлогами, часто даже в ущерб собственным экономическим интересам.

Пятая черта — применение этих сценарий на «больших» и «малых» странах.

В — шестых, массированное информационно-идеологическое давление СМИ[1] на эти государства, использование Интернета, социальных сетей и блогосферы для дестабилизации социально-политической обстановки в стране, применяя при этом широко: дезинформацию, подтасовку фактов, умалчивание, а иногда при этом используя откровенную ложь. «Идеологическим ядром» практически везде была и применяется идея создания **либеральной демократии** и **развитие рыночных отношений и реформ** с одновременным вытеснением традиционных ценностей и деидеологизацией общества.

Все это свидетельствует о том, что организаторы таких переворотов в современных условиях опираются на хорошо разработанную теорию, эффективно показавшую себя на практике.

Теоретические корни этого явления изложены в «Доктрине Монро», согласно которой, США в июле 1823 года провозгласили свое право устанавливать верные Вашингтону режимы «к югу в Центральной и Южной Америке, и в родившейся на ее базе мессианской модели мироустройства по имени «Pax Americana» (лат. Американский мир) — мира, построенного по американскому образцу. Одной из основополагающих работ по «цветным революциям» стала книга американского профессора политологии Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. 198 способов борьбы», которая была издана в 1993 году.

Кто желает ближе узнать, как на практике реализуется теория «цветных революций» рекомендую прочитать книгу Джона Перкинса «Исповедь экономического убийца».

Как же связаны источники власти и действия в рамках «цветных революций»? Для наглядности приведу таблицу. В таблице указаны источники власти и связанные с ними действия «цветных» революционеров:

[1] См. подробно: Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций. — Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. — М., РУДН, 2009. — 36 с

№	Объект воздействия	Действия «цветных» революционеров
1	Авторитет и легитимность власти	Разрушение
2	Человеческие ресурсы, люди, которые подчиняются, сотрудничают с властью	Склонение к неподчинению, отказу от сотрудничества
3	Умения и знания, в которых нуждается режим, и которые предоставляются ему отдельными лицами и группами	Изъять из распоряжения власти
4	Невидимые факторы, психологические и идеологические, которые заставляют людей подчиняться	Разрушение, в том числе путем предоставления новых идей и внедрения новых стереотипов поведения
5	Материальные ресурсы, включающие контроль и допуск к собственности, естественным и финансовым ресурсам, экономической системе, средствам коммуникации	Ограничение допуска власти к данным ресурсам, установление контроля над ними
6	Санкции как подразумеваемые или применяемые наказания для достижения сотрудничества	Постановка под сомнение их неотвратимости, нейтрализация силовых структур

Анализ геополитических изменений в мире последнего времени показывает, что внешняя угроза стабильности Российского общества как никогда велика. Никогда в истории в отношениях России и западных государств не было такого объединения их (США, Канада, Япония, Австралия и некоторые страны ЕС) против России, как настоящее время. Провозглашена цель — поставим Россию «на колени», уничтожить славянскую православную цивилизацию. Цель новой волны цветных революций — не Украина, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность. Украина — это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Великие философы предупреждали об этом. Так, Иван Александрович Ильин (один из выдающихся мыслителей русской философии) неоднократно подчеркивал о наличии некоей скрытой силы, направленной против исторической России, называя ее «мировой закулисой»[1]. Ильин прозорливо указывал, что все планы расчленения России связаны с панъевропейским объединением, чему свидетелями являемся мы на рубеже XX–XXI вв.

[1] См.: Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. — Т. 1. — М., 1992 и др.

Невольно возникает вопрос: Возможна ли цветная революция в России? Вынужден ответить на этот вопрос положительно. Да, возможна. Важнейшие условия для «цветной революции» в основном сформированы. К числу активных социальных слоев российского общества, способных действительно эффективно определять направленность развития страны, а также сыграть решающую роль в возможных потрясениях, можно отнести только три[1]. Два из них оформились в действующей элите, а один представлен активными протестными слоями населения.

К ним относятся:

— наличие достаточных по численности протестных слоев населения, значительная часть которых представлена молодежью.

— существование оппозиционной прозападной политической элиты, контролирующей значительные материальные и информационные ресурсы, имеющей большое влияние в органах государственной власти и опирающейся на иностранную политическую, информационную, материальную и интеллектуальную поддержку. Это позволяет ей эффективно соперничать с правящей элитой, в частности в интеллектуальном отношении. В сегодняшней России это либерально-демократическая элита «первой волны» 90-х годов с поддерживающей ее частью олигархата (преимущественно финансового и сырьевого), тесно связанного экономическими интересами с Западом.

— определенная часть органов государственного управления, начиная с правительства и Законодательного собрания до районных управ, в определенной мере утратила необходимый для стабильности власти авторитет среди населения в результате непродуманных и непопулярных действий или простой недобросовестности чиновников.

Острым стал вопрос: Что делать России и как противостоять в реализации цели США — уничтожить независимость России.

Существует система мер, которая поможет уменьшить риски возникновения цветных революций. Она включает в себя три группы[2].

Первая группа мер направлена на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения.

Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет —

---

[1] См. подробно: Сивков К. «Цветной» сценарий для России // Военно-промышленный курьер. 2013. 3–9 апреля. № 13 (481). С. 10–11.

[2] См.: Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 19.

в деятельность общественных организаций проправительственной направленности.

Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреваться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Так же, в сложных внешнеполитических условиях одним из важных факторов обеспечения безопасности Российской Федерации — это укрепление и реформирование политической (государственной) власти, совершенствование правового механизма реализации властных функций в области внешней и внутренней политики, переориентация вектора внешней политики от Запада на Восток — Запад, укрепление оборонного потенциала, создание политических, экономических и военных союзов со странами востока и юга-востока, коренное улучшение жизни населения.

Россия — евразийское государство, «двуглавый орел» должен смотреть как на Восток, так и на Запад. Политика Советского Союза в конце 80-х Генсека Горбачева М.С. и России в 90-х годах XX столетия Президента Ельцин Б.Н., которая давала приоритет Западу, была ошибочной — теоретически и вредной — практически.

Российской правящей, властной элите следует озаботиться вопросами снижения социальной напряженности, захвата информационного и интеллектуального превосходства, а также создания контролируемой организации протестных слоев.

Украина — это ближайшая к России государство постсоветского пространства не только в территориальном отношении, но и в этническом, психологическом и культурном. Поэтому анализ последних событий в Украине крайне важен для обеспечения стабильности нашей страны.

Наиболее важными и очевидными уроками украинской драмы для России являются:

1. **Запад нам никакой не партнер, а хитрый и беспощадный противник.** И если сегодня натовские танки не грохочут своими гусеницами по нашим городам, то это заслуга не либеральных демагогов, а ракетно-ядерного потенциала России; всем в России пора понять, что большая часть западной элиты — это не «борцы за демократию», а циничные и амбициозные прагматики, готовые разорвать любое межгосударственное соглашение. У них нет друзей, а есть только собственные интересы.

2. На Украине неизбежно будет создан полигон подготовки радикальных террористических элементов с целью экспорта в Россию «войны», для создания хаоса в экономике и

управлении. Речь идет о поколении 90-х, т.е. молодые парни от 15 до 25 лет, которые обрабатываются идеологически + соответствующая физическая и моральная подготовка для успешного совершения деструктивных действий. Для них Россия главный враг и все беды, которые переживает украинский народ — вызваны действиями России, так что действовать они будут предельно жестко и агрессивно.

Остановимся на вопросе о власти. Каким ей быть в России.

Тема прочно заняла одно из центральных мест в теоретических дискуссиях и политической полемике.

В научной литературе существуют разнообразные определения власти. Каждая из дефиниций акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении власти и связана с определенным подходом к ее анализу.

Отечественные исследователи, так же как и западные ученые, дают различные трактовки понятия власти. В.Г. Ледяев[1] определяет власть как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями. Видный ученый России А.И. Кравченко[2] считает, что власть — это совокупность политических или управленческих решений, которые применяет ключевая фигура по отношению к другим людям независимо от их воли и желания. Объективную трактовку власти предложена Ф.М. Бурлацким. Он писал: «Власть — это реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим лицам; политическая власть как одно из важнейших проявлений власти характеризуется реальной способностью данного класса, группы и индивида проводить свою волю, выраженную в политике и правовых нормах[3]». Продуманным является социологический подход к определению власти И.В. Солонько: власть — это реализуемая на практике способность субъекта (социальной группы, организации) к социальному управлению[4].

Власть — одна из форм управления социальными процессами, при которой согласованность совместной деятельности многих людей достигается путем подчинения их единому руководящему началу.

---

[1] См.: Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. — М.: Рос. полит. энциклопедия, 2001. С. 58; 352.

[2] См.: Кравченко А.И. Политология: учеб. — М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. С. 440.

[3] Бурлацкий Ф.М. Ленин, государство, политика. — М.: Политиздат, 1970. С. 83

[4] См.: Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография. — М. 2011. С. 31.

Как видим, определения власти многообразны и отличаются друг от друга, но вместе с тем, эти определения власти имеют общие характерные признаки, к которым можно отнести:

— доминирование властной воли;

— наличие особого аппарата управления;

— суверенитет органов власти по отношению другим государствам;

— монополия регламентацию жизни общества;

— возможность принуждения в отношению общества и личности, закрепленное в нормах права.

Любая власть имеет свои основания, к которым можно отнести: право, мораль, авторитет, традиции, убеждения, принуждение, манипуляции, насилие.

А формами проявления и организации выступают: господство, руководство, управление, координация, организация и контроль.

Власть для современного человека, прежде всего, воплощается в основных регуляторах общественных отношений, каковыми являются государство и право. Другими важнейшими проявлениями власти в социальном измерении являются[1]:

— власть религии, морали, идеологии (власть духовная);

— власть общественного мнения;

— единоличная власть лидера, власть авторитета;

— финансовая и экономическая власть;

— власть мировых институтов;

— власть средств массовой информации;

— альтернативная власть криминала.

Обобщая различные подходы к анализу термина «власть» можем сформулировать следующее положения, характеризующие власть в постиндустриальном обществе.

Во-первых, власть — это разновидность управления социальными процессами. В отличие от других форм управления (осуществляемых, например, путем координации деятельности людей) властное управление всегда связано с подчинением одних людей другими.

Во-вторых, доминирование одной стороны (субъекта власти) и подчинение ей другой стороны (объекта власти) — составляет специфическое содержание властных отношений. Властные отношения основываются, как правило, на авторитете субъектов власти. Однако их качественным признаком является потенциальная

[1] См.: Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. С. 63.

возможность применения принуждения в случае не выполнения властных предписаний.

В-третьих, власть обеспечивают выражение и согласование общих интересов различных субъектов, благодаря чему поддерживается стабильность социальных связей и сохраняется единство общественной системы. Властное управление присуще обществу с момента его зарождения и используется им для организации совместной деятельности людей в наиболее важных сферах его жизни.

В-четвертых, базовыми инструментами власти являются насилие, богатство и знание. Знание — это наиболее эффективный инструмент власти в современных условиях.

В-пятых, информационная власть, которая связывает управление с коммуникациями. С развитием технологий Интернета «приходящее в упадок государство заменяется надгосударственными образованиями в политике, экономике и культуре», являющиеся, проявлением Netократии[1] — нового социального властного феномена, основанного на контроле сетей и способностях быстро адаптироваться в постоянно изменяющемся мире.

Конечно, отношения Кремля с Вашингтоном и Брюсселем уже никогда не станут прежними. И в ответ на все угрозы США и НАТО, постоянных «цветных» революций в ряде постсоветских странах и у границ России, политическое руководство России обновило оборонную доктрину[2], где говорится про обеспечение национальной безопасности российского государства. Это лишь первый шаг. Внешние и внутренние угрозы безопасности России сохраняются.

Как отметил президент России В.В. Путин на заседании коллегии ФСБ, 26 марта 2015 года: «Для так называемого сдерживания России используется весь набор средств — от попыток политической изоляции и экономического давления до масштабной информационной войны и инструментов специальных служб.... Однако абсолютно ясно, что ни запугать, ни надавить на нашу страну ни у кого не получилось и не получится. На все внешние и внутренние угрозы национальной безопасности у нас всегда был и всегда будет адекватный ответ».

---

[1] См.: Бард А., Зодерквист Я. Netократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. — 252 с.

[2] Президент России Владимир Путин 26 декабря 2014 года утвердил новую военную доктрину России. Согласно новой редакции доктрины, Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения.

Сафонов В.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ПОСРЕДСТВОМ СПОРТА

THE FORMATION OF POLITICS IMAGE FOR SPORT

Сафонов, Вячеслав Александрович, аспирант кафедры политологии, государственной и муниципальной службы Воронежского института экономики и социального управления
Safonov Vyacheslav Alexandrovich, VPhD student, Voronezh Institute of Economics and social management

Аннотация: В статье рассматривается спорт как политический имиджформирующий фактор. Приводятся примеры эффективного использования спортивных пристрастий политиков, рекрутирование электората через спортивные увлечения граждан, привлечение посредством спорта финансовых средств для различных целей.
Summary: The article deals sport as imagefilename factor in public policy. The author presents examples of effective use sport preferences of politicians, the recruitment of the electorate through sports hobbies.

Ключевые слова: спорт, имидж, спортивно-политическое совместительство, административный ресурс, политический ресурс, спортивный бизнес.
Key words: administrative resource, electorate, political resource, sport, image sports and political concurrently, sports business.

Развитие спорта определяется в первую очередь потребностями общества в специфических областях, таких как оздоровление людей, возможностью в воспитательной и игровой деятельности человека проявить свои физические способности на предельных уровнях. Человек находит в спорте один из способов самоутверждения личности, победы над временем, весом, соперником, над самим собой.

Спорт — это не только физическая культура. Спорт — это, действительно, концентрированное выражение потенциала того или иного государства, того или иного общества. Недаром Джон Кеннеди мог приравнивать золотые медали Олимпийских игр к стратегическим ядерным ракетам, а чемпионов — к космонавтам [1].

Конечно, России пока далеко до развитых стран в плане возможностей для занятий спортом. Хотя многое было просто упущено, в особенности в тучные «нефтяные» годы. Сегодня в субъектах Федерации по уровню обеспеченности спортивными объ-

ектами существует большой разрыв, что отметил В.В. Путин в октябре 2014 г. в Чебоксарах на V Международном спортивном форуме «Россия — спортивная держава». Если в Калуге обеспеченность спортивными сооружениями составляет 66%, то в Ингушетии — 8,8%. Разница больше чем в 7 раз. Систематически занимающихся физкультурой и спортом к 2020 г. должно быть не менее 40%, а у нас сегодня — только 27,5, и этого недостаточно, считает Президент [2].

У спорта и политики традиционно много общего. В современном обществе спорт все чаще становится «заменителем» политики, средством, позволяющим выпускать накопившийся у народа «пар». Спорт высших достижений, особенно олимпийский, целиком и полностью завязан на политике. Государство, которое имеет большое количество золотых медалей на Олимпийских играх, пользуется большим престижем и уважением на политической арене. В спортивных состязаниях сугубо политическое разделение на «друзей» и «врагов» находит все более яркое выражение. В спортивных состязаниях реализуется дух соперничества и жажда победы не только спортсменов, но и миллионов зрителей. Спортивные игры заменяют современному человеку зрелища, которые в далеком прошлом он получал, наблюдая гладиаторские и рыцарские турниры.

Спорт способствует всестороннему развитию сотрудничества, повышению позитивного имиджа страны и ее спортивных представителей. Например, обмен спортивными делегациями между городами Ереван и Москва, продемонстрировали в 2014 г. в обеих столицах потенциал взаимопонимания, гостеприимства и дружелюбия [3]. В 2014 г. в 3-й раз был организован ежегодный Международный фестиваль бесстрашных «Спорт — всем миром», посвященный людям, которые совершили героические поступки, опираясь на свои спортивные навыки. Девиз фестиваля — «Достойные люди. Достойная музыка. Достойные поступки». Проведенные фестивали стали заметными культурными событиями. Мероприятия получили высокую оценку как в России, так и за рубежом. Их поддержали всемирно известные композиторы, легендарные спортсмены, популярные артисты. Среди награжденных в ноябре 2014 г. были участники уникального десантирования в Заполярье, журналисты, освещавшие события на Украине. Всех их отличает бесстрашие, мужество, профессионализм, способность прийти на помощь попавшим в беду людям, солидарность и высокие человеческие качества [4]. В предыдущие годы номинантами премии становились участники спасательных операций после наводнения

в Крымске, пассажиры, спасавшие тонущих при крушении лайнера Costa Concordia, люди, уводившие с линии огня Андреса Брейвейка подростков и др. [5]. Стоит привести еще один особенно примечательный на фоне страшных украинских событий — Спартакиаду учащихся Союзного государства «Россия — Беларусь» для детей и юношества. Ее девиз «О, спорт! Ты — дружба». Она не только продолжает лучшие традиции российского и белорусского спорта, но вот уже более 10 лет дарит молодым участникам двух государств волнующий праздник молодости, атмосферу дружбы, товарищества, взаимопонимания, красоты, спортивного азарта, сопричастности к процессам дальнейшего развития сотрудничества Беларуси и России. Десятки городов в Беларуси и России приняли у себя мероприятия Спартакиады. Лучшие спортивные сооружения принимающих городов были предоставлены юным баскетболистам, теннисистам, волейболистам из 12 российских и белорусских областей. И таких примеров благотворного влияния спорта не счесть.

Политическая составляющая спорта рельефно просматривается в спортивных пристрастиях политиков, государственных деятелей, чиновников и бизнесменов. Наглядным примером эффективного использования таких пристрастий могут служить любимые виды спорта российских президентов. Так, если во времена Б.Н. Ельцина спортом номер один в России фактически считался большой теннис, то с приходом В.В. Путина основное внимание переключилось на дзюдо и горнолыжный спорт. Спортивные структуры заинтересованы заполучить в президенты спортивной федерации видного политика, богатого и успешного предпринимателя, влиятельного чиновника. занимающего высокий пост, чтобы тем самым обеспечить себе эффективное политическое лобби.

В настоящее время широко распространено так называемое спортивно –политическое совместительство за счет привлечения известных политиков и государственных деятелей на должности президентов спортивных федераций. В результате, с одной стороны, популяризируется данный вид спорта — известность политика этому способствует, с другой — с помощью имеющихся в руках политика рычагов власти изыскиваются бюджетные и внебюджетные средства на развитие спорта. Таким образом во властных структурах создается спортивное лобби. Так, спикер Госдумы РФ С. Нарышкин возглавлял в свое время Всероссийскую федерацию плавания, а вице-премьер А. Жуков — Федерацию шахмат и т.д. По мнению С. Нарышкина, для работы в качестве руководителя спортивной федерации у членов правительств или депутатов Госдумы не так много времени, однако такой работой заниматься необхо-

димо. Наличие определенного административного ресурса дает хорошие возможности, чтобы поддерживать работу федераций.

Что же имеют политики от работы в спорте? Главным мотивом, безусловно, является желание придать собственному политическому имиджу ореол спортивности. Хотя, конечно, решающей роли на выборах это не сыграет, но лишних пару тысяч голосов в общую копилку добавит. Здесь все зависит от популярности самого вида спорта. Если это футбол, баскетбол, фигурное катание или художественная гимнастика, это одно дело. Успех руководителю данных федераций гарантируют мелькание на телеэкранах, цитирование в газетах, а значит — увеличение рейтинга. В менее популярных видах спорта весь политический пиар сводится к помощи в организации соревнований, желательно международных, и улучшении финансирования. Кроме того, возглавить спортивную федерацию, — это работать на будущее. Есть, конечно, и политики-патриоты, действительно заинтересованные не только в рейтинге, но и в большей степени в развитии спорта, но таких, к сожалению, немного.

Если физическое воспитание создает начальную базу для всестороннего развития физических способностей и двигательных навыков, формирует предпосылки для их безграничного развития, то спорт дает возможность полностью раскрыть эти навыки. И официальный спорт в этом плане очень похож на официальную политику. И то и другое имеет ярко выраженный боевой характер. В спорте, как и в политике, интересы дела требуют постоянного притока молодых сил. Для этого должна быть налажена четкая система подбора и продвижения талантов. Наилучшие результаты может дать только честная конкуренция. Протекционизм, как известно, ведет к «спортивному туризму», когда под видом организационно-технического обеспечения участников спортивных турниров, комфортно путешествуют за рубеж за государственный счет масса спортивных и околоспортивных функционеров.

Спорт — это еще и бизнес. Спортсменов (в особенности игровых видов) покупают и продают за очень большие деньги. Они представляют «функционал». Например, свои команды футболистов (наиболее коммерционализированный вид спота) есть у «Газпрома», РЖД, «Лукойла» и целого ряда других компаний.

Политики умело использует спортсменов в собственных целях, присваивая, в определенной мере себе их славу. Редкий политик откажется от возможности «засветиться» перед своим электоратом в обнимку с популярными героями олимпиад и чемпионатов мира. Имидж политического руководства нужно поддержать имен-

но сегодня. Поэтому и мелькают на экране одни и те же, давно знакомые лица. Но рисковать и делать инвестиции в будущее мало кто желает. Старые испытанные кадры очень хорошо знают, что от них требуется, и умеют оправдывать ожидания тех, кто определяет спортивную политику. В тех же случаях, когда (как это имело место с миллиардером Прохоровым в биатлоне) эти ожидания не оправдываются, всегда можно сослаться на то, что было «сделано все, что можно».

Часто, правда, не всегда эффективно, политизируют спорт в своих репортажах наши телекомментаторы. Согласно их оценкам, неудачи наших спортсменов, как правило, являются результатом «несправедливого судейства». Причем со стороны тех, кто и в политике относится к нашей стране «предвзято». Так что, спорт и политика — вещи вполне совместимые и совмещаются они по многим направлениям.

Ссылки:

1. Судовцев Г. Задело // Завтра. — 2014. — № 47 (ноябрь).
2. Победы нуждаются в новой стратегии // Московский комсомолец. — 2014. — 15 октября.
3. Спортивные игры двух столиц // Московский комсомолец. — 2014. — 15 апреля.
4. Остапчук З. Спорт — всем миром // Московский комсомолец. — 2014. — 14 ноября.
5. Там же.
6. Степанцева И. Как ходоки за наказанием ходили // Московский комсомолец. — 2015. — 11 февраля.

Соколова Т.Д.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Соколова Татьяна Дмитриевна, аспирант ИСПИ РАН, 210189@bk.ru

Аннотация: В настоящей статье автором рассматриваются особенности функционирования механизмов гражданского контроля в Российской Федерации с учетом существующей нормативно-правовой базы и сложившихся подходов к трактовке понятия в социально-политических учениях и доктринах.
Abstract: The article deals with the problem of civil control in Russia due to the legislation of the country and historically developed doctrines and socio-political thought

Ключевые слова: государственное управление, гражданский контроль, законодательство
Key words: public administration, civil control, legislation

Исторически сложившаяся традиция распределения власти «сверху» своеобразным образом характеризовала и восприятие обществом властных институтов, придания им сакрального статуса. Другой отличительной особенностью российской специфики является относительно невысокий уровень информированности россиян о своих правах и обязанностях. Согласно результатам исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, только 35% россиян считают, что Конституция РФ играет важную роль в развитии государства. Каждый пятый россиян (20%) и вовсе не имеет представления о статьях основного закона государства. Подобная ситуация во многом подтверждается результатами социологических исследований. Согласно результатам всероссийского опроса, только 23% россиян считают, что источником власти и суверенитета в стране является сам народ[1]. Примечательно, что эти показатели практические не изменились за последние 20 лет.

Другой отличительной особенностью развития гражданского общества в нашей стране является разобщенность сектора. Симон Кордонский, к примеру, заключает: «…члену нашего гражданского

[1] ВЦИОМ: Пресс-выпуск 2853; http://wciom.ru/index. php?id=236&uid=115282

общества гораздо эффективнее и безопаснее действовать в одиночку, используя связи и знакомства..»[1]. Вероятно, одним из ключевых факторов в данном контексте является низкий уровень доверия населения к некоммерческому сектору. По различным причинам не доверяют НКО 2/3 россиян[2]. И связано это во многом именно с функционалом НКО и услугами, которые неправительственный сектор в России оказывает. Не всегда прозрачные схемы финансирования, скандальные разбирательства на этой почве негативно отражаются на репутации даже самых авторитетных из акторов. Нормативно-правовое подкрепление деятельности общественников, поддержка со стороны органов государственной власти в данном направлении особенно важно в период модернизации российского общества. Скандалы последних лет с признанием многих общественных организаций «иностранными агентами» совершенно дискредитировали некоторые из них, породили разговоры о недобросовестности активистов в стране. Между тем, еще хуже обстоит дело с определением непосредственно контрольных функций и полномочий общественного сектора. Отсутствие или недостаточная проработанность темы — результат с одной стороны разобщенности научного сообщества в вопросах определения контрольных функций и полномочий неправительственного сектора, а с другой — некоторой уникальности российского опыта, где зачастую формирование гражданского общества и создание общественных институтов происходило по инициативе «сверху». Так, появление закона об общественном законе было инициировано В.В. Путиным, он же выступил инициатором проведения Первого гражданского форума и ряда других проектов, направленных на развитие гражданского общества в России. Схожим образом ситуация складывалась и в дореволюционной России. Первые законодательные акты, регулирующие вопросы существования общественных организаций, датируются 1782 годом, при том для легального существования чаще всего необходимо было получить одобрение Кабинета Министров[3]. Довольно распространенным считается мнение о том, что во времена СССР объединение в неправительственные инициативы было обусловлено не столько попыткой артикуляции общественных интересов, сколько было сопряжено с преодолением чувства изолированности и разобщенности, что в свою очередь повлекло за собой определенного рода консолидацию образован-

[1] Кордонский Симон. Государство, гражданское общество, коррупция. http://kordonsky.ru/?p=114

[2] Мерсиянова И.В. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. — 564 с.

[3] Бредли Дж. Развитие гражданского общества и общественных организаций в дореволюционной России, 1994

ных граждан и в какой-то мере было первоосновой формирования зародившегося в позднее чувства гражданского долга[1]. Ранее неправительственные объединения преследовали преимущественно филантропические и культурно-просветительские цели. Что, между тем, не умоляет их возможностей в вопросах контроля государственного сектора и, прежде всего, силового блока[2]. Между тем, общественные инициативы становятся более разнообразными, затрагивая различные социальные сферы.

В научном сообществе под гражданским контролем чаще всего принято подразумевать одну из форм реализации общественных интересов посредством наблюдения за деятельностью представителей органов государственной власти в целом и представителей публичной власти в частности. В европейской политико-правовой мысли понятия «общественный контроль» и «гражданский» в значительной мере отличаются и не только с точки зрения этимологии: под гражданский контролем чаще всего понимается наблюдение за деятельностью военных структур и, прежде всего, армии, в то время как в зону ответственности активистов public sector зачастую входит работа по наблюдению за эффективностью и прозрачностью работы органов государственной власти в целом[3]. До недавнего времени в российском законодательстве не было закреплено понятие «общественного контроля», положение и полномочия гражданского общества регулировалось рядом разрозненных и не во всем согласованных законодательных актов. В настоящее время и общественный контроль, и деятельность общественных советов осуществляются в соответствии с законодательством и подзаконным актами. Между тем, долгое отсутствие нормативно-правовой базы сказывалось и на недостаточной проработанности темы в научном сообществе, разночтениях терминов. Это накладывало свои отпечатки и на эффективность оценки деятельности государственных органов, имеющих публичные функции.

Размышляя об особенностях работы третьего сектора в наши дни, нельзя не отметить ряд серьезных изменений в трансформации как общественного восприятия роли и функций НПО, так и нормативно-правовых основ деятельности гражданских активистов. Если ранее основным для всего неправительственного сектора законодательным актом, регламентирующим его деятельность, был

---

[1] Бредли Дж. Развитие гражданского общества и общественных организаций в дореволюционной России,1994

[2] Певень Л.В. Демократический гражданский контроль над вооруженными силами: теория и практика военно-гражданских отношений: Монография. — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 236 с.

[3] Betz David Civil-Military Relations in Russia and Eastern Europe // Routledgecurzon Contemporary Russia and Eastern Europe // 2013.

принятый еще в 1995 году ФЗ «Об общественных организациях», то с недавнего времени рассмотрение контрольных функций гражданского общества все-таки получило свое правовое подкрепление по причине вступления в силу Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».[1] В документе также указано, что не допускается принятие нормативных актов, которые могли бы воспрепятствовать общественному контролю, а характер участия в общественном контроле должен быть непременно добровольным. Согласно принятому в 2014 году закону, под общественным контролем подразумевается «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций…»[2]. В качестве субъектов общественного контроля вступают Общественная палата, региональные общественные палаты, представители общественных советов, которые сформированных при органах законодательных и исполнительной власти, а также при необходимости в случаях, предусмотренных законодательством РФ, могут создаваться новые формы, отвечающим поставленным задачам, в том числе контролерами могут выступить общественные инспекции, группы общественного контроля или иные организационные структуры общественного контроля. Как считает президент Российской организации общественного контроля Владислав Гриб: «Это беспрецедентный закон, фактически дающий конституционное право каждому гражданину и организациям управлять государством»[3]. Согласно законодательному акту, граждане правомочны непосредственно участвовать в процессе принятия политических решений, контролировать эффективность и добросовестность предоставления государственных услуг, их качество. Все факты нарушений, выявленные посредством наблюдения субъектов гражданского контроля за деятельностью сотрудников ЖКХ, образовательных организаций, судов, учреждений культуры и т. п. должны быть в обязательном порядке по факту проверок представлены общественности. Что немаловажно, субъектам общественного контроля теперь подотчетна и сфера госзакупок, а также они наделены правом защищать граждан в суде, в случае нарушения чиновника-

[1] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

[2] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

[3] Петров И. Ждите ревизора. Российская газета. rg.ru // 23.07.2014.

ми их законных прав и интересов[1]. Однако, чтобы исключить «необоснованное вмешательство в деятельность госорганов и создание препятствий для их законной деятельности», контролировать оборонную сферу и госбезопасность общественникам не доверили, а также им нельзя вмешиваться в деятельность политических партий, референдумы и политические кампании, равно, как и злоупотреблять использованием своих инструментов.

Как считают эксперты, для наибольшей эффективности работы неправительственного сектора в общественные советы и другие субъекты общественного контроля должны привлекаться представители профсоюзов, эксперты, юристы. Кроме того, необходима максимально широкая информационная поддержка успешной деятельности общественных контролеров, демонстрация их успехов и результатов от обратной связи с органами государственной власти до освещения реализации самых резонансных проектов (экологических, социальных и т. п.) с целью повышения качества государственного управления и информированности россиян о специфике общественного контроля. А наиболее результативной деятельность общественников станет при использовании всех совокупных технологий и средств, большой вариативности доступных инструментов и соответствующей квалификации «контроллеров», однако неправительственный сектор при этом должен пользоваться доверием широких слоев населения.

Список литературы:

1. Betz David Civil-Military Relations in Russia and Eastern Europe // Routledge-curzon Contemporary Russia and Eastern Europe // 2013.
2. Бредли Дж. Развитие гражданского общества и общественных организаций в дореволюционной России., 1994
3. ВЦИОМ: Пресс-выпуск 2853; http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115282
4. Кордонский Симон. Государство, гражданское общество, коррупция. http://kordonsky.ru/?p=114
5. Мерсиянова И.В. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. — 564 с.
6. Певень Л.В. Демократический гражданский контроль над вооруженными силами: теория и практика военно-гражданских отношений: Монография. — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 236 с.
7. Петров И. Ждите ревизора. Российская газета. rg.ru // 23.07.2014.
8. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»

[1] Там же

Сухарев А.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОЙ ЭЛИТЫ В НАЧАЛЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ XVIII В. И В НАЧАЛЕ XXI В.

Александр Владимирович Сухарев, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН. E-mail: zavor753@mail.ru

Аннотация: Предмет исследования — особенности ментальности русской элиты в допетровскую эпоху и в настоящее время. Методология и методы исследования базировались на этнофункциональном подходе в психологии. В методическом отношении применялся принцип этнофункционального развития, позволяющий использовать для анализа макропсихологических проблем результаты эмпирических исследований индивидуального субъекта. В результате исследования показано, что содержание государственных решений, принимаемых современной русской элитой для инновационного развития России, по направленности и содержанию, фактически сходны с реформами Петра I. В то же время, ментальность не только всего общества, но и русской элиты изменилась и принимаемые решения существенно сдерживают развитие общества. Показано, что традиционный «мобилизационный» тип развития России должен быть дополнен длительной программой эволюционного развития.

Summary: The subject of this article were the features of mentality of the Russian elite in the pre-Peter I era and modern Russian elite. Methodology and methods the research were based on promising ethnofunctional approach in psychology. There was used the principle of ethnofunctional development, which allows to use in macropsychological analysis the results of empirical research of individual subject. It was shown that the content and the direction of state decisions of modern Russian elite for innovative development of Russia, repeat the content and direction of reforms of Peter I. At the same time, the mentality of not only Russian society as a whole, but also the Russian elite have historically changed and contemporary reforms are significantly constrain development. It was also shown that the traditional mobilization type of development of Russia must be supplemented by long-term program of evolutionary development.

Ключевые слова: макропсихология, реформы Петра I, этнофункциональный подход, ментальность русской элиты, западноевропейская ментальность, инновационное развитие России, мобилизационный и эволюционный типы развития

Key words: macropsychology, reforms of Peter the Great, ethnofunctional approach, the mentality of Russian elite, the Western European mentality, innovative development of Russia, mobilization and evolutionary types of development

Актуальность сравнения задач, стоявших перед Россией в эпоху реформ Петра I и перед современным обществом, и способов их решения вряд ли может вызывать сомнения. Именно властный политический слой как в XVIII в., так и теперь является не только инициатором, но и ответственным за решение данных задач в процессе реформ на обоих этапах развития страны. Современная русская элита, начиная с 1991 г. и до настоящего времени, ассоциирует себя с «птенцами гнезда Петрова», «прорубающими окно в Европу» (на гербе гайдаровского «Выбора России» был изображен памятник Петру I), и определяет общее направление социально-идеологических, технологических, лингвистических и повседневно-бытовых преобразований как «европеизацию» России.

Исследования современной элиты представляет собой относительно самостоятельное междисциплинарное научное направление, претендующее даже на выделение целой отрасли в социогуманитарных науках — *элитологию*. В настоящее время выделено свыше десятка разных видов элит, имеющих свою специфику [18, С. 6]. Понятие *«русская элита»*, используемое в настоящей работе, мы определяем как властный, политический слой российского государства, принимающий государственные управленческие решения. В определении элиты нами используется атрибут «русская» прежде всего в культурном смысле, т. к. мы опираемся на представление о русской *этносреде*[1], в которой русская культура является *системообразующей*. Русская элита, на наш взгляд, обладает рядом признаков коллективного субъекта, сформулированных А.Л. Журавлевым [10]. Под *ментальностью* индивидуального или коллективного (шире — общественного) субъекта мы понимаем его типические представления, отношения, ценности, суждения и т. п., организованные в определенную структуру. В данной структуре можно выделить три составляющих: две изменяющихся — п*ространственную* (отображение этносреды в представлениях субъекта*) и историческую* (представления о содержании и последовательности этапов (стадий) собственного развития) и одну *неизменную — трансцендентную* составляющую как идеальный прообраз развития (*архегения*) конкретного общества

[1] Этносреда отображается в представлениях субъекта — антропо-биологических, культурно-психологических (включая личностные и индивидные характеристики), природно-географических (фауна, климат, ландшафт, флора) и трансцендентных, т. е. не воспринимаемых нашими органами чувств (о Боге, духах природных стихий и явлений, духовных сущностях различных религий).

и этносреды в целом, определяемый лишь относительно других субъектов [30, 34]. Ментальность имеет «слоистую» структуру, отражающую содержание последовательных исторических этапов развития этносреды. Ментальность также характеризуется *направленностью*, которая определяется *ведущими представлениями*[1] того или иного исторического этапа.

Проблема нашего исследования заключается в том, что при внешнем сходстве решаемых в рассматриваемые исторические периоды задач, прежде всего задач «инновационного развития» России, существенно различаются ментальность русской элиты накануне петровских преобразований и ментальность современной русской элиты, а также ментальности западноевропейского общества — в XVIII в. и современного, по образцам которых осуществлялись и осуществляются реформы.

Поэтому *целью* исследования было выявление более тонких, дифференцированных культурно-психологических характеристик и детерминант состояния ментальности русской элиты на обоих исторических этапах — в XVIII в. и конце XX — начале XXI вв. Это необходимо для того, чтобы иметь научные основания для оптимизации гигантских усилий, затрачиваемых современной русской элитой, и сделать реформирование более адекватным поставленным целям.

Настоящее макропсихологическое [20, 40] исследование осуществлялось на междисциплинарном внепсихологическом уровне [6], смежном с историей, культурологией, социальной психологией и психологией личности.

В исследовании ментальности личности и общества мы использовали *этнофункциональный подход* в психологии [30, 33 и др.] как одно из перспективных направлений исследования, разрабатываемое в Институте психологии РАН [7, 9]. В данном подходе, согласно принципу этнофункциональности, ментальные категории — образная сфера личности [5], отношения, суждения, ценности и др. наделяются *этноинтегрирующей или этнодифференцирующей функцией*, объединяющей субъекта с тем или иным этносом или этнической системой. В соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма и смежного с ним принципа этнофункционального развития, по аналогии с последовательностью ведущих представлений в содержании этапов развития русской этносреды — языческого, христианско-

[1] *Ведущими представлениями* ментальности общества на данном этапе развития этносреды называются те, которые в результате историко-психологической реконструкции определяются как детерминирующие ход исторического развития и подготовившие следующий его этап.

го, просвещения, современного этапа *этнической маргинальности* и будущего проектируемого этапа, рассматриваются и стадии развития личности. Они таковы: пренатальная, природная, сказочно-анимистическая, религиозно-этическая (наднациональная), просвещения, стадия этнической маргинальности и будущая проектируемая стадия. В наших теоретических и эмпирических исследованиях показано, что проектируемая стадия развития личности (также как и этап развития общества) предполагает системную этноинтеграцию всех исторических этапов (стадий) развития ментальности субъекта [30 и др.]. Данная интеграция оптимизирует его адаптационный потенциал по различным междисциплинарным показателям (там же). Для оптимизации ментальности субъекта важно понятие *выраженности этнической функции*. Наиболее выраженную этническую функцию имеют самые древние в этногенезе природные представления, затем следует анимизация данных представлений (духи природных стихий и явлений), далее следуют наднациональные религиозные представления и идеи эпохи Просвещения — *естественно-научные представления наделяются нулевой выраженностью этнической функции.*

Для анализа ментальности коллективного субъекта использовались результаты эмпирических, клинических и экспериментальных исследований личности в различных областях с использованием *метода структурированного этнофункционального интервью* — в педагогике, юридической психологии, психиатрии, наркологии, психосоматике, психоонкологии и т. д. [30, 32 и др.].

В историко-психологической части исследования осуществлялся историографический анализ литературы на основе *принципа этнофункциональной субъектности*.

Мы полагали, что русская элита имеет признаки коллективного субъекта, поэтому опирались, в частности, на представления об уровне саморефлексии коллективного субъекта [10] и *уровне его этнофункциональной саморефлексии* как характеристики полноты отображения в представлениях коллективного субъекта этапов этнофункционального развития его этносреды. Например, по показателям представленности данных этапов в памятниках письма, археологии, живых традициях, содержании образования, современном искусстве, СМИ и т. п.

Результаты клинических и экспериментальных этнофункциональных исследований личности, используемые в настоящем исследовании. Установлено, что субъектные представления родной природы, полученные в процессе структурированного этнофункционального интервью, в оптимальном случае (по

показателям психологической адаптированности) являются этноинтегрирующими и относятся испытуемыми к возрасту от 2 до 5 лет. То же относится к сказочно-анимистическим образам родной природы и взаимодействию с ними. Искажение этнофункционального развития личности по показателям отсутствия в образной сфере этноинтегрирующих природных и сказочно-анимистических представлений или наличия этнодифференцирующих, относимых к указанному возрастному периоду, обусловливает формирование психологической зрелости (сниженного контроля эмоций и чувств, недостаточно гармоничного взаимодействия когнитивной и эмоционально-чувственной сфер личности). Как следствие — недостаточно полноценное усвоение нравственных норм и снижение уровня репродуктивного и продуктивного (творческого) интеллекта [30, 32 и др.]. На основе *принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма* природные и сказочно-анимистические представления индивидуального субъекта рассматриваются как аналог «языческих» представлений в развитии ментальности коллективного субъекта русского общества. Важно, что образы природы и анимистические представления являются *системообразующими* и наиболее дискриминантными по отношению к различным показателям психологической дезадаптированности [30, 33, 34].

Этнофункциональный анализ состояния русской ментальности, предшествующего петровским реформам

В конце XVII в. ментальность Московской Руси в целом существенно отличалась от западноевропейской степенью представленности в ней идей эпохи Просвещения, прежде всего, научных взглядов, к которым проявлялся относительно внешний, чаще прикладной интерес. Если в Западной Европе к этому времени были сделаны такие фундаментальные естественно-научные открытия как дифференциальное и интегральное исчисление Лейбница, классическая механика Ньютона, гелиоцентрическая система Коперника, законы Кеплера и др., то в Московской Руси появлялись лишь отдельные инженерно-технические изобретения, во многом основанные на западноевропейских образцах.

В ментальности властной элиты можно выделить взаимно этнодифференцированные компоненты: элементы русской дохристианской культуры (язычества), старообрядчество, никонианство и западноевропейские взгляды эпохи Просвещения, при том, что по

сравнению с Западной Европой наибольшей степенью подавления со стороны русской элиты подверглась именно *русская языческая составляющая культуры* [31, 34]. Как царем Алексеем Михайловичем, так и патриархом Никоном, вышедшими из кружка «боголюбцев», преследовались различные проявления русского язычества: игра на гуслях, рожках, «сказывание» сказок, скоморошество, пляски, игры, песни и др. [3]. С одной стороны, это касалось не только простого народа, но и русской элиты в особенности. С другой стороны, в среде русской элиты, в отличие от низших сословий, нарастала представленность бытовой культуры западноевропейского Просвещения. В частности, царь Алексей Михайлович любил западноевропейские театральные действа у себя во дворце, польское и немецкое платье и многое другое, в целом отвергавшееся церковью. Исследователи отмечают наличие у царя и приближенных к нему единомышленников отношения к Западной Европе как к «стране волшебных чудес» [19, С. 204]. Именно «общение» Московской Руси с Западной Европой, соперничество и взаимообмен технологиями, приглашение иностранных мастеров, бывшее до XVII века общеевропейской нормой, с этого периода сменилось на западноевропейское «влияние», вследствие осознания русской элитой превосходства Запада во всем, включая «самые основы житейского порядка» [15, С. 241]. Авторитет западноевропейских «новин» среди верхушки боярства и дворянства, а среди духовного сословия (единомышленников Никона) — Византии трансформировался в наивное, психологически незрелое признание данного авторитета во всем, даже в мелочах [12, 19 и др.].

Ментальность западноевропейского общества в целом сильно отличалась от русской ментальности (в том числе и элиты) и отношением к образованию как проводнику идей Просвещения. В Западной Европе «к концу XV века почти не оставалось городов без школы, … училища не были редкостью даже в мелких местечках и деревнях» [23, С. 33], а в XVI в. во всех западноевропейских странах сформировался «обширный класс лиц, получивших образование в университетах или в средних школах» [23, С. 35]. В Италии с XVI века, а позже и в других странах обучали уже геометрии, арифметике, астрономии, диалектике, музыке и др. [23].

Отметим, что в Московской Руси XVI–XVII вв. не существовало школы — ни как государственного, ни как общественного учреждения [16]. Судя по постановлению Стоглавого собора об училищах (1551 г.), школы существовали лишь в домонгольский период. Церковно-приходские училища, в которых учили грамоте преимущественно для церковных нужд, начали учреждаться св. Владими-

ром с XI вв. Н. Татищев, считавший веру в Бога самым главным в жизни человека, отмечал, что науки были введены на Руси еще в древности (после крещения Руси), однако после нашествия татар власть духовенства, укрепленная ханскими ярлыками, чрезмерно возросла. Духовенству для приобретения бóльших доходов и власти «полезнее явилось народ в темноте неведения и суеверия содержать», поэтому училища были оставлены [13, С. 172]. Есть определенные основания предполагать, что и сами митрополиты, будучи до XIV в. преимущественно греками, проводили политику Константинополя, не заинтересованного в просвещении русских с момента крещения Руси еще со времен св. Владимира [14, С. 254–255].

В то же время, как заключает П.Ф. Каптерев, грамотность на Руси никогда не была всеобщей. В допетровский период учителя «о природе, о растениях, о животных, об астрономических и химических явлениях ничего не говорили своим ученикам, так как сами о таких явлениях ничего не знали; но зато много твердили о Боге, ангелах, чудесах, злых духах, их действии на человека» [13, С. 93]. Церковное образование ставило основной задачей спасение души, а педагогические цели и принципы строились на основе книг Сираха и Иисуса Навина Ветхого Завета и сочинений Иоанна Златоуста [13, С. 126].

Специфика состояния ментальности русской элиты как коллективного субъекта к началу петровских реформ, по сравнению с ментальностью западноевропейской элиты, как показали наши ранее проведенные историко-психологические исследования [34], заключалась в относительно низком уровне этнофункциональной саморефлексии по отношению к русской языческой составляющей. Т. е. в вытеснении ее из русского самосознания, прежде всего, по показателю отсутствия ее представленности в материалах письма, да и в повседневной жизни [26, С. 130–131; 34]. В частности, писал Н.М. Гальковский, итальянцы после крещения более тысячи лет «помнили старое язычество», а русские после св. Владимира «значительно скорее забыли свое язычество» [3, С. 130–131]. Следует отметить, что с начала христианизации Руси княжеская власть, в отличие от духовенства, считала музыку, зрелища и другие традиционные проявления русского язычества вполне дозволительными [3, С. 345], а возможности воздействия на язычество со стороны княжеской и духовной власти до монгольского нашествия были сбалансированы, подобно тому, как это было в эпоху Возрождения в Италии. Резкое усиление политических возможностей подавления язычества со стороны митрополитов, под-

держанных ханскими ярлыками, произошло, как было сказано ранее, с XIII–XIV вв. [34].

В середине XVII в. русское духовенство препятствовало любым западноевропейским контактам. Сама принадлежность западноевропейских ученых к католическому или протестантскому вероисповеданию крайне осложняла их деятельность в Московской Руси. Необходимую для выживания России в связи с военной угрозой со стороны Карла XII реформу церковной политики в отношении образования и науки осуществил глава петровской «ученой дружины», ректор Киево-Могилянской академии, епископ Феофан Прокопович. Ему, не отрицавшему важность религии, принадлежат символические слова: «Пусть просвещение волнует век» [22, С. 5]. Вместе с царем Петром I они боролись с политикой духовенства, стремившегося оказывать влияние не только на становление естественно-научных взглядов, образование русских людей, но и на государственную политику современников, запрещая те или иные научные взгляды и открытия. Им удалось переломить сложившееся на Руси отношение и запреты на «новины», исходящие от католических, протестантских и других ученых.

Целями церковной реформы царя Петра I было устранение возможности вырасти русскому папе — второму государю (патриарх Никон требовал величать себя «великий государь») и подчинение духовенства государственной власти. Лишение духовенства власти способствовало этноинтеграции русской ментальности благодаря существенному ослаблению пресса официальной церкви на старообрядцев, ослаблению возможности подавления духовенством иных конфессий и, в том числе русского язычества (хотя указ о веротерпимости от 1702 г. действовал в основном в отношении религии иностранцев), а также устранило препятствование со стороны духовенства получению образования из рук протестантов и католиков. Это существенно повысило *энергию ментальности* [30] русского общества в целом и способствовало оснащению ментальности русской элиты западноевропейским инструментарием эпохи Просвещения — наукой и технологиями, что позволило России сохраниться как государству [35; 36, С. 8].

В целом, начиная с XIII, века из русской ментальности была существенно вытеснена языческая составляющая, что обусловило невысокую психологическую зрелость русской элиты в XVIII в. и позже. Как следствие, уже к XVII веку сформировалось недостаточно зрелое понимание ею источников инновационного развития преимущественно как западноевропейских (с конца XIX в. — США) и недоверие к собственным источникам развития [33].

Этнофункциональный анализ состояния ментальности современной русской элиты

Характеризуя взаимоотношения русской элиты и российского общества в исторической ретроспективе, следует отметить ее относительную замкнутость и разобщенность с народом, по ряду причин наступившую после начала монгольского завоевания, что резко контрастирует, например, с демократическими взаимоотношениями сеньоров и простого народа в Италии эпохи Возрождения [31, 33]. В социальном плане, даже после «перестройки» конца XX в. русская элита «как была, так и осталась непроницаема для разночинцев, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов» [17, с. 82]. Назначения на государственные руководящие должности по-прежнему базируются на личных отношениях, идеологических принципах, коррупционных связях и пр., кроме профессионально-обусловленных мотивов, основанных на трудовом законодательстве. «Марксистско-ленинская фразеология» русской элиты трансформировалась в «патриотическую и славянофильскую», при том, что ее «экономические взгляды становились все более рыночными…» [17, с. 162].

В настоящей статье нет возможности подробно останавливаться на таком очевидном факте, как необходимость модернизации современной России и инициации данного процесса со стороны русской элиты. Такая необходимость признается в широких кругах российского общества и русская элита, как минимум, декларирует определенные инновационные шаги, поэтому отметим основные положения. Необходимость инновационного развития («модернизации») на современном историческом этапе в России как «внедрение научных знаний и разработок в жизнь» отмечал П.Л. Капица, считавший его важнейшей задачей развития (цит. по: [39, с. 189].

А.В. Юревич также отмечает, что инновации не могут осуществляться лишь в области социально-экономической и технологической [39, С. 192]. Без социальной и психологической, «нравственной модернизации» одна лишь технологическая модернизация представляется явно недостаточной [27; 28; 39, С. 206]. Предполагается, что нравственная модернизация российского общества должна включать в себя формирование различных видов зрелости личности, включая профессиональную, личностную, интеллектуальную, социально-психологическую и др. [8, 37], а также формирование нравственной элиты [18] как специальной задачи.

В ментальности современной русской элиты обращает на себя внимание тот факт, что недостаточно зрелая и потому чрезмерная направленность данного коллективного субъекта на западноевропейские или североамериканские источники технологического развития оставила в качестве слепого пятна реальные естественно-научные (и не только технологические) достижения мобилизационной инновационной политики СССР. Поэтому в данном случае попытка «повторить подвиг Петра I» может выглядеть фарсом.

Существенно, что очередной мобилизационный рывок, осуществленный после октябрьской революции 1917 г., сначала высвободил находящийся под идеологическим прессом духовенства еще сохранившийся в живых традициях дохристианский пласт русской культуры, как и в эпоху Петра, обеспечил «социальные лифты» для социальных низов, относительно сохранивших связь с дохристианской культурой и, тем самым, высвободил существенный энергетический потенциал общества. Однако уже в 1920-е годы начались гонения не только на религии в целом, но и на все «предрассудки» в рамках движения «воинствующих безбожников» и других кампаний. В частности, Л.С. Выготский в неприятии «мистицизма» и сказок вполне консолидировался с педологами А.С. Залужным, К.В. Фараджевым и А.Б. Залкиндом, а последний называл «чудесные» (волшебные) сказки «максимумом педагогического уродства» [11, С. 68]. Выготский, декларируя, что «в развитии ребенок, согласно биогенетическому принципу, повторяет в сокращенном и суженном виде главнейшие стадии и эпохи, которые проделало человечество», в то же время, отдавал необходимую дань господствующей идеологии. Он писал, что сказка это «глубочайшее неуважение к действительности, перевес в сторону невидимого» и полагал, что «весь этот фантастический мир бесконечно подавляет ребенка», а наиболее вредными Лев Семенович считал волшебные сказки (т.е. анимистические представления и т.п. — А.С.) [2, С. 294–296]. Заметим, что такая позиция мэтра советской психологии имела выраженный идеологический характер и была аналогична по смыслу указам «боголюбца» царя Алексея Михайловича в XVII в. («сказок не сказывать …» и пр.). На наш взгляд, важнейшим негативным последствием революции 1917 г. был очередной этап искоренения из самосознания русского общества сказочно-анимистических, языческих представлений. Т. е. произошло снижение уровня этнофункциональной саморефлексии не только всего общества, но и русской элиты, в первую очередь.

Существенно, что по сравнению с допетровским временем в ментальности русской элиты с 90-х годов XX в. нарастает пред-

ставленность этнодифференцирующих экзотических ландшафтов и продуктов питания вследствие экспансии туризма, торговли, СМИ и т. п. В зарубежные поездки часто берут детей до 5 лет, а в России в детское меню стараются включить «богатые витаминами» экзотические фрукты. Относительно раннее знакомство с экзотическими странами, продуктами питания, культурами (до 5–6 лет) обусловливает нарастание в детской психике этнодифференцирующих представлений и закрепление личностной тревожности со всеми вытекающими последствиями [30].

Таким образом, *с позиций этнофункционального анализа еще большее вытеснение, по сравнению с допетровским периодом, языческой (природной и анимистической) составляющей русской ментальности (а ментальности русской элиты, в первую очередь), наряду с существенно более развитой естественнонаучной составляющей, характеризует ментальность современной русской элиты.* В общепсихологическом плане это означает относительное снижение способности контроля эмоций и чувств и гармоничности взаимодействия эмоционально-чувственной и когнитивной сферу представителей современной элиты.

Интересно отметить, что в процессе провозглашения психологически недостаточно зрелой русской элитой «европеизации» России путем замены названий институтов власти, неоправданного введения в обиход слов английского языка, бытовых привычек, преимущественного приобретения иностранной бытовой техники, одежды и т. п. реальные научно-технологические разработки за бесценок или совсем даром уходили (и уходят) на Запад. «Европеизация» осуществлялась и осуществляется до сих пор в направлении обмена интеллектуальных, научно-технологических, природных и других ресурсов России на чрезвычайно *привлекательные для незрелой психики* этнодифференцирующие симулякры[1]. Судя по результатам, именно в этом пока и проявляется гуманитарная составляющая модернизации и инновационные изменения в России. Возникает вопрос, каким должно быть адекватное современной культурно-исторической ситуации инновационное развитие России с позиций русской элиты как коллективного субъекта? Попробуем ответить на этот вопрос на основе теоретических и эмпирических этнофункциональных исследований.

[1] Семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности (понятие введено Ж. Батаем).

Обсуждение результатов

Во влиянии западноевропейской ментальности на русскую этнофункциональный анализ позволяет выделить две составляющие. Во-первых, это естественно-научные представления и технологические идеи, имеющие нулевую выраженность этнической функции и являющиеся весьма полезными для общества. Во-вторых, проблему, как было показано выше, представляет именно гуманитарное влияние, т. е. языковые, социальные, нравственные, бытовые и т. п. представления и направленность (мотивы, интересы), имеющие, как правило, этнодифференцирующую функцию. Сюда относятся языковые, чаще всего не оправданные заимствования или просто замена русских слов иностранными, прежде всего, англицизмами в названиях учреждений, одежды, продуктов питания, блюд и пр., использование английских глаголов. Кроме того, наблюдается массовое проникновение в русскую ментальность дохристианских западноевропейских представлений, например, в форме фантазий Р. Дж. Толкиена. Подобные изменения могут обусловливать психологическую дезадаптированность субъекта, рост тревоги, снижение уровня интеллекта (в т. ч. творческого), рост алекситимии, распространение депрессивных и психосоматических расстройств, наркотизма, криминального поведения и др. [30, 32 и др.]. Многие методы психотерапии, разработанные в Европе и США (кроме психоанализа, базирующегося в основе своей на античных представлениях, общих для Западной Европы и России), исходят из экзотических, этнодифференцирующих образов культуры. Это (гештальтерапия — дзен-буддизм), индийских (аутогенная тренировка — хатха-йога), верования североамериканских индейцев (экотерапия), на восточных психопрактиках в целом (онтопсихология и онтопсихотерапия) и др. «ядовитые цветы восточного мистицизма», неадекватно усваиваемые незрелой психикой [29]. Другими словами, современная западноевропейская ментальность (не говоря уже о США) в значительной мере сама подверглась этнодифференцирующему влиянию восточных идеологий и культур (начало данного процесса можно зафиксировать уже в эпоху Возрождения). Однако при наличии этнодифференцирующих влияний в западноевропейской ментальности была сохранена собственная дохристианская культура (античная, германская и кельтская мифология). В то же время в русской ментальности этноинтегрирующие русские языческие преставления, этнодифференцирующие мифологические (античные) и конфессиональные влияния,

а также естественно-научные идеи, имеющие нулевую выраженность этнической функции, до петровских реформ подавлялись духовенством [33].

Сложившееся состояние ментальности русской элиты позволило только в середине XIX века открыть для себя (повысить уровень саморефлексии) существование огромного социального пласта старообрядчества, а в середине XIX — начале XX вв. обратить внимание образованного сословия (в работах Е.П. Аничкова, А.Н. Афанасьева, И.П. Сахарова и др.) на русское язычество, еще сохранившееся, вопреки мнению официальной церкви, преимущественно в форме устных преданий и живых традиций [12, 25 и др.]. Низкий уровень этнофункциональной саморефлексии русской элиты в отношении к дохристианской (языческой) составляющей собственной культуры исторически обусловил ее невысокую психологическую зрелость и, как следствие, негативизм по отношению к научному мышлению («антисайентизм») [39, С. 196].

Обретение русской ментальностью достижений западноевропейского Просвещения осуществлялось, по мнению исследователей периодически и в *мобилизационной* форме [21]. Например, реформы Петра I и Октябрьская революция 1917 г. [24, С. 138] в силу своего мобилизационного характера, имели негативные последствия (соответственно, бироновщина в XVIII в. и забвение гуманитарных традиций в XX в. и др.). Лишь уникальный гений А.С. Пушкина, открывшего для дворянского сословия единство русской культуры, наметил *эволюционный путь развития* русской ментальности, который, в частности, должен был подготовить русский язык и культуру к созданию собственного языка науки. К сожалению, подвиг Пушкина обеспечивший некоторую этноинтеграцию и положивший, по замечанию Д.С. Мережковского, начало русского Возрождения, подобного итальянскому, никто из деятелей культуры в России не поддержал — и грянули события 1917 г., осуществившей насильственную «ротацию кадров» [33].

Таким образом, отличие современного состояния ментальности русской элиты от западноевропейской заключается в сохранении исторически сложившегося недостатка этноинтегрирующих сказочно-анимистических (языческих) представлений. В отличие от ментальности русской элиты допетровского периода, благодаря периодически инициируемому ею мобилизационному западноевропейскому влиянию, ментальность современной русской элиты гораздо более насыщена этнодифференцирующими западноевропейскими представлениями, а также представлениями восточных культур (астрологии, китайской, индийской и др.).

В целом, *ментальность современной русской элиты перенасыщена этнодифференцирующими элементами и, в силу сочетания периодических и мощных этнодифференцирующих воздействий мобилизационных инновационных прорывов на фоне длительной автохтонной культурной дезинтеграции с конца XIII в. (подавление дохристианской русской культуры), не готова к органичному усвоению научного мировоззрения, необходимого для принятия адекватных, тем более инновационных, государственных решений.*

Нарастающая в исторической перспективе «мобилизационность» деятельности русской элиты (ср. «реформу верхов» Петра I и тотальный переворот и попытку трансформации всех слоев общества после Октябрьской революции 1917 г.) с учетом результатов наших исследований связана с ухудшением качества (т. е. снижением гармоничности) взаимодействия разумного реформирования со стихией эмоций и чувств русской элиты как коллективного субъекта. «Эволюционный» тип развития, в свою очередь, предполагает существенно более гармоничное взаимодействие когнитивной и эмоционально-чувственной сфер в ментальности русской элиты, что более характерно для западноевропейской ментальности.

В настоящее время имеет место попытка русской элиты осуществить модернизацию общества «петровскими методами», как и в XVIII веке, бездумно перенося в Россию все иностранное как полезное, технологическое, так и по «эстетическому критерию», следуя своим недостаточно зрелым, не вполне осознаваемым, но вполне «магическим» [38, С. 194] представлениям о том, что «на Западе все уже придумали» и что, если назвать все «по-западному», употреблять «по-западному» маркированные продукты и заменить значительную часть русских названий и слов на английские, то у нас все будет «как на Западе» и т. п. Насыщение русской ментальности в целом (не говоря уже о русской элите) этнодифференцирующими представлениями, ценностями, интересами и придание ей этнодифференцирующей направленности еще более инфантилизирует молодежь и, прежде всего, будущих представителей элиты. Это не только обусловливает возникновение психологических, нравственных, социальных отклонений и снижает творческий интеллектуальный потенциал, а также еще более укрепляет незрелое представление русской элиты о том, что источников развития в России нет, но они есть на Западе. Психологически незрелое восприятие этнодифференцирующих западных симулякров еще более затрудняет органичное усвоение основ научного мышления, нравственных норм и закрепляет цивилизационную «пери-

ферийность» ценностей и содержания мотивации по отношению к инновациям.

Заключение. На наш взгляд, задачами формирования ментальности русской элиты как коллективного субъекта должны быть, во-первых, гармоничное сочетание православного мировоззрения, традиционно основывающегося на византийской традиции, дополненного свойственной западноевропейской ментальности идеей Фомы Аквинского об изначальном согласии познания посредством Божественного Откровении и разумным познанием [1, С. IX]. Во-вторых, как показывают наши исследования, для формирования полноценной способности субъекта к разумному познанию (творческого интеллекта), а также полноценного усвоения нравственных норм, необходима этноинтеграция всех слоев русской ментальности и, в первую очередь, — ментальности русской элиты. Необходима этноинтеграция, прежде всего, природных и сказочно-анимистических представлений, повышение уровня этнофункциональной саморефлексии по отношению к русскому язычеству. Такого рода этноинтеграция наиболее оптимально может осуществляться в процессе образования будущей русской элиты, начиная с молодых матерей, содержания программ от дошкольных учреждений и, в определенной мере, до уровня высшей школы [30, С. 437–472]. И, наконец, в-третьих, на основе указанной выше этноинтеграции русской ментальности и, прежде всего, русской элиты, необходимо обеспечить более высокий уровень саморефлексии по отношению к системообразующему фактору, наряду с христианством, объединяющему нас с Западной Европой и лежащему в основе научного мировоззрения. Это — древнегреческая античность и язык, которым обязаны своим взлетом эпохи европейского Возрождения и Просвещения и выработка универсального языка науки. Никогда еще классическая античность в русской системе образования и, тем более, для русской элиты, начиная с XVII в., не была представлена в таком мизерном объеме и на таком низком уровне как в постперестроечный период конца XX — начала XXI вв.

Парадокс в том, что поверхностная «европеизация», осуществляемая современной русской элитой, отрывает нас от самых истоков европейской культуры. Академик М.Л. Гаспаров, оценивая роль античности для России и необходимость классического образования, приводит слова русского филолога, члена-корреспондента РАН, почетного доктора 14 европейских университетов Ф.Ф. Зелинского: «К античности восходят не только отдельные наши культурные ценности, но и самое главное в европейской ци-

вилизации — ее привычка мыслить, ее умственный строй, именно это позволяет русскому, немцу или испанцу лучше понимать друг друга, чем араба и китайца. А изучение античных языков, …, не сводится к воспитанию ума, а тесно сплетается с воспитанием психологическим, воспитанием нравственным, в конечном счете, служит социологическому отбору, которым совершенствуется человеческий род» [4, с. 13].

Таким образом, этноинтеграциия ментальности русской элиты с целью повышения уровня ее саморефлексии по отношению к архаическим (природно-анимистическим) компонентам ментальности необходима для выработки способности элиты к принятию государственных инновационных решений в условиях современного системного кризиса. Данная этноинтеграция необходима также для того, чтобы, наряду с вынужденными *мобилизационными* мерами по обеспечению развития России, наконец, было бы на государственном уровне уделено внимание научно обоснованному *эволюционному* гуманитарному развитию, обещающему результаты не только через несколько лет, но и через десятилетия и проектирующему возможную дальнейшую стратегию развития страны в системе мировых цивилизаций.

Список литературы

1. *Аквинский Фома*. Сочинения / Сост. и пер. с лат. А.В. Аполлонова М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. *Выготский Л.*С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
3. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, 2. Харьков: Епархиальная типография, 1916.
4. *Гаспаров М.Л.* Поборник классического образования // Русская словесность. 1993. № 1.
5. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
6. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
7. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
8. *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
9. *Журавлев А.Л.* Основные направления (программа) развития Института психологии РАН на ближайший период // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 5–20.
10. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

11. *Залкинд А.Б.* Вопросы советской педагогики. М.–Л.: Государственное издательство, 1930.
12. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Т. 1, 2. М.: Изд-во «Квадрига», 2009.
13. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогии. СПб.: Алетейя, 2004.
14. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1993.
15. *Ключевский В.О.* Курс русской истории в 9 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
16. *Князьковъ С.* Очерк из исторіи Петра Великаго и его времени. Изданіе 2-е. СПб.: Изданіе книжнаго магазина П.В. Луковникова, 1914.
17. *Крыштановская О.*В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
18. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
19. *Кутузов Б.П.* Церковная «реформа» XVII века. М.: Изд-во «Третий Рим», 2003.
20. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
21. *Морозов Н.М.* Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
22. *Ничик В.М.* Феофан Прокопович. М.: Изд-во «Мысль», 1977.
23. *Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
24. *Пахомов П.В.* Детерминанты становления власти как основного субъекта русской истории // Философия и общество. 2007. № 4. С. 131–140.
25. *Прозоров Л.Р.* Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006.
26. Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010.
27. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
28. *Семенов В.Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 60–70.
29. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная психотерапия: теоретико-методологические предпосылки и эмпирические результаты // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 90–100.
30. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
31. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв.// Нравственность современного российского общества. Психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 155–200.
32. *Сухарев А.В., Чулисова А.П.* Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
33. *Сухарев А.В.* А.С. Пушкин и ренессанс в русской культуре: психологический этнофункциональный анализ // Человеческий фактор. 2014. № 3 (70). С. 22–30.

34. *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII веках: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 129–140.
35. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XII — начала XVII веков // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 134–143.
36. *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
37. Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
38. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991.
39. *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
40. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

Сорокин С.А.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сорокин С.А., аспирант кафедры философии РАНХиГС при Президенте РФ, ssa.ru@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена патриотическому сознанию советского народа в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы особенности его проявления, выражавшиеся в массовом героизме, самоотверженности, мужестве советских воинов и тружеников тыла. Приведены результаты социологических исследований, показывающих отношения современной молодежи к событиям ВОВ.
Annotation: The article is devoted to the Patriotic consciousness of the Soviet people in the Great Patriotic War. Analyzed the features of its manifestation, expressed in mass heroism, selflessness, courage of Soviet soldiers and workers. The results of sociological research show the relationship of today's youth to the events of the Second World War.

Ключевые слова: Патриотическое сознание; массовый героизм; Великая Отечественная война; историческая память
Key words: Patriotic consciousness; heroism; the Great Patriotic war; historical memory

Патриотическое сознание всегда играло важную роль в развитии российского общества, связывало между собой разные поколения, определяло духовный и нравственный уровень граждан.

История России не раз подтверждала идею о том, что такие качества как любовь к своей стране, готовность встать на ее защиту формируются на протяжении жизни многих поколений и проявляются в тяжелые для страны исторические моменты. Особенно ярко стремление к свободе, беззаветная любовь к родной земле, стремление защищать ее от врагов любой ценой, даже ценой собственной жизни с особой силой проявились в годы Великой Отечественной Войны. И спустя 70-лет после ее окончания массовый героизм, стойкость, стремление к Победе является наиболее ярким, не имеющим аналогов, историческим примером для современной российской молодежи.

Об уровне патриотического сознания советского народа можно судить по историческим событиям, связанным с тяжелыми испытаниями для всей страны. И сегодня бесценным достоянием

России, ее Вооруженных сил является классическая военная и историческая литература, оставленная в наследие потомкам выдающимися полководцами, боевыми офицерами и генералами, учеными, писателями, публицистами. Она является фундаментом современной военной науки, неотъемлемой частью исторической и других гуманитарных наук, источником верных представлений о патриотизме, долге, чести, служении, мужестве, героизме.

В ходе всей Великой Отечественной войны у защитников Отечества проявились огромная сила духа, высокие нравственные качества, исстари присущие народам России. Это о них на бетонной мраморной плите Мамаева кургана высечены бессмертные слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника, люди ли шли в атаку — смертны ли они!». А в пантеоне, завершающем экспозицию мемориального комплекса Сталинградской битвы, написано: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной матерью — Родиной»[1].

Ранним утром 22 июня 1941 года войска фашистской Германии нарушили границу СССР. События того лета развивались стремительно — за несколько месяцев Вермахт прошел сотни километров вглубь страны и остановилась на подступах к Москве. Начиная войну против Советского Союза, Гитлер заявил, что он будет в Москве через две — три недели[2]. Этим заявлением он подчеркивал, что восточный поход будет завершен так же молниеносно, как и все предыдущие военные кампании, проведенные в Западной Европе. Но этим планам не суждено было осуществиться.

У преобладающей части населения Советского Союза сомнений не было: борьба против агрессора — дело справедливое, святое, ему надо отдать все силы, а если потребуется, то и саму жизнь, но во что бы то ни стало добиться Победы. Это и являлось доминантой общественного мнения, получившей адекватное отражение в лозунге «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Этот патриотический настрой хорошо выразил 19-летний солдат Герой Советского Союза Георгий Сорокин в письме к матери: «Мама, ты просишь ответить на твои высказывания о русском обществе и о моем гражданском долге… Я, мать, горд тем, что при-

[1] См.: *Падерин А.А.* Роль современной исторической науки о Великой Отечественной войне в духовном воспитании молодежи // Война и мир: роль духовной культуры в воспитании патриотического сознания. Материалы научно-практической конференции. — Москва, 2006. — С. 29–39.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах) Том 2. — М.: Воениздат, 1961. — С. 206

надлежу к нации, равной которой сейчас нет в мире. Только мы, русские, смогли задержать новых гуннов, гуннов Запада, и только мы сможем их разбить... Любовь к своей нации выражается не только в пышных фразах... Ты пишешь, что за будущее можно заплатить и жизнью. Готов заплатить, если этого потребует мой долг, хотя, сказать по совести, очень не хочется умирать: ведь я только начинаю жить и ничего путного пока не сделал»[1].

К одним из важнейших свидетельств высокого уровня патриотического сознания советского народа в начальный период войны можно отнести парад войск на Красной площади, проведенный в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Войска с Красной площади сразу отправлялись на фронт, на защиту Москвы. По силе воздействия на ход событий этот парад можно сравнить с успешной военной операцией.

Наступление немцев на Москву разбилось о величайшую стойкость и выдержку героических воинов Красной Армии, которые не только остановили грозного врага, но отбросили его от Столицы в ходе контрнаступления, развенчав миф о непобедимости немецко-фашистской армии. «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение», — писал после войны Гудериан[2].

Преклоняясь перед мужеством и массовым героизмом солдат, Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал в своих воспоминаниях: «Героями становились миллионы. Солдаты стояли насмерть на последних рубежах, грудью бросались на амбразуры вражеских дотов, летчики и танкисты не задумываясь шли на таран. Героями были все — и те, кто устремлялся в атаку сквозь стену огня, и те, кто под снарядами строил мосты и тянул провода к командным пунктам. Слава вам, чудесные советские люди! Я счастлив, что был вместе с вами в эти годы» [3].

Чувство патриотизма проявлялось и в тылу, люди трудились по двенадцать и более часов в сутки, без выходных и отпусков, в условиях нехватки продуктов и элементарных вещей. Даже во время налетов немецкой авиации на прифронтовые города не прекращалась работа на заводах. Труженики тыла знали: действующая армия ждет самолеты, танки, орудия, боеприпасы и многое другое.

---

[1] Цит. по: *Падерин А.А.* Роль современной исторической науки о Великой Отечественной войне в духовном воспитании молодежи // Война и мир: роль духовной культуры в воспитании патриотического сознания. Материалы научно-практической конференции. — Москва, 2006. — С. 29–39.

[2] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. — Смоленск.: Русич, 1999. — С. 351.

[3] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М.: Воениздат, 1988. — С. 367.

Одним из примеров героизма и самоотверженности советского народа в тылу является создание легендарного «Танкограда», когда в условиях зимы, под открытым небом монтировали оборудование, начинали производство боевых машин, строили новые предприятия. Некоторые заводы уже через месяц после перебазирования на новое место начали отправлять танки на фронт[1].

В начале второго года Великой Отечественной войны центр военных событий переместился на юго-восток Европейской части СССР, в донских и приволжских степях разгорелась одна из величайших битв второй мировой войны — битва под Сталинградом. Она продолжалась с шесть с половиной месяцев, на территории почти в 100 тыс. квадратных километров, воины Красной Армии, с непревзойденной стойкостью вели героическую вооруженную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Весь мир, следил за ходом гигантской битвы, так как от исхода сражения в междуречье Дона и Волги во многом зависит будущее человечества[2].

Чем сложнее становилась боевая обстановка, тем полнее проявлялись замечательные черты простых людей, одетых в военную форму: сила духа, стойкость, воинское умение, инициатива. Боевая дружба, взаимная выручка являлись железным законом обороняющихся. Трудно отдать предпочтение героизму бойцов и командиров какого-то одного участка обороны Сталинграда. В Сталинграде каждый воин был героем. Все они, выполняя приказ Родины, стояли насмерть у волжской твердыни. Сталинградская битва явила примеры массового героизма, в которых ярко проявились лучшие качества воинов-патриотов — от солдата до маршала.

Значение Сталинградской битвы на ход Великой Отечественной войны в целом неоценимо, по своим масштабам и ожесточенности она превзошла все прошлые битвы. Победа в Сталинградском сражении в решающей степени предопределила исход Второй мировой войны: «На рубеже века Сталинград был признан решающей битвой не только Второй мировой войны, но и эпохи в целом», — к такому выводу пришел британский историк Дж. Робертс[3].

Чувство любви к Родине всегда опирается на знание ее истории, без которой нельзя осознать роль и место своей страны в мире. Историческая память — это сознательное обращение к прошлому, именно историческая память народа переносит социаль-

[1] См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1973. — С. 54–55.

[2] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах) Том 2. — М.: Воениздат, 1961. — С. 424–425.

[3] Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. — М., 2003. — С. 135.

но-духовный импульс прошлого в настоящее, запечатлевая в общественном сознании, в чувствах и установках миллионов людей идеалы самоотверженного служения и преданности своему Отечеству, формируя их духовность и патриотизм, жизненный смысл и ценности.

Осенью 2012 года во время проведения военных учебных сборов автором был проведен социологический опрос среди юношей десятых классов одного из районов г. Москвы. По результатам опроса считают себя патриотами 56% опрошенных, не считают — 22%, затруднились ответить — 22%. При сравнении с результатами опроса 2007 г., считали себя патриотами 57% молодых москвичей, а не считали себя таковыми или затруднились ответить в общей сложности 43% опрошенных[1], прослеживается тенденция к сохранению уровня патриотического сознания молодого поколения россиян.

По результатам опроса, большинство опрошенных молодых людей оценили роль Сталинградской битвы в истории Великой Отечественной войны, как одно из главных событий, изменившей весь ход Второй мировой войны (80%), и лишь 3% посчитали, что это сражение никак не повлияло на ход войны.

Поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом не только ослабили мощь Вермахта, но и подорвали престиж Германии в глазах её союзников и сателлитов. Гитлер и его окружение не без оснований считали, что оборонительная стратегия привела бы к провалу их конечных планов и означала бы признание военного поражения Германии. Поэтому было принято решение провести на советско-германском фронте крупные наступательные операции, надеясь разрешить этим вставшие перед Германией после зимней кампании военно-политические проблемы, вернуть утраченную стратегическую инициативу, изменить ход войны в свою пользу.

В 2 часа 20 минут 5 июля 1943 года гром орудий разорвал предрассветную тишину на обширном участке фронта южнее Орла. Это за 10 минут до начала артиллерийской подготовки врага артиллерия 13-й армии, против которой ожидался главный удар противника, начала контрподготовку во всей своей полосе обороны. Так началась самая масштабная битва в истории человечества — Курская битва, являющаяся ярким примером массового героизма и самоотверженности советских воинов, проявления ими высоких патриотических чувств, мужества, понимания своей роли в судьбе Отечества.

---

[1] См.: Сорокин С.А. Патриотическое сознание: сущность и специфика // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки» — № 3. — 2009. Выпуск в серии № 16. — М.: Изд-во МГОУ. — С. 148–153.

О страшном напряжении тех дней Курской битвы вспоминает генерал-лейтенант Н.К. Попель: «Пожалуй, ни я, ни кто другой из наших командиров не видали за раз такого количества вражеских танков. Генерал-полковник Гот, командовавший 4-й танковой армией гитлеровцев, ставил на кон все. Против каждой нашей роты в 10 танков действовало 30–40 немецких. Гот отлично понимал, что, если он прорвется к Курску, любые потери будут оправданы, любые жертвы не напрасны»[1].

Разгром немецко-фашистских войск в битве под Курском явился одним из важнейших и решающих событий Великой Отечественной войны, она означала окончательный крах наступательной стратегии германского верховного командования. Решительное контрнаступление Красной Армии, последовавшее тотчас после оборонительного сражения, ошеломляюще подействовало на гитлеровских генералов.

Историческая победа Красной Армии над Вермахтом под Курском означала завершение коренного перелома в ходе войны. Эта победа была завоевана в тяжелой борьбе, ценой больших жертв, завоевана благодаря невиданному в истории массовому героизму советских воинов.

В ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, армия и народ проявили истинный, небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над непобедимым доселе врагом. Именно в этот период тяжелейших испытаний за всю историю нашего Отечества патриотическое сознание народа достигло наивысшего уровня, вся страна поднялась на защиту Родины. И не было ничего выше и дороже этого поистине святого понятия, которое вдохновляло многих людей на преодоление любых испытаний, жертв и лишений во имя спасения родной земли. Значительным моральным, духовным резервом оказалось воинское братство народов нашей страны, сцементированное идеей свободы и процветания будущих поколений, идеей мира и справедливости.

В своей книге «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал: «Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле![2]». В словах прославлен-

---

[1] Попель Н.К. Танки повернули на запад. — М.–СПб.: Terra Fantastica, 2001. — С. 136.

[2] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М.: Воениздат, 1988. — С. 366.

ного полководца сконцентрирована идея героического проявления всех духовных и физических сил советских воинов.

Патриотический настрой большинства населения страны убедительно подтверждался практическими делами на фронте и в тылу, а также на временно оккупированной территории СССР. И в этом смысле можно говорить о морально-политическом единстве советских людей в те годы.

А.А. Падерин считает, что особое место среди предметов гордости российских граждан сегодня занимают всенародная самоотверженность и массовый героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Великая Отечественная война — в настоящее время практически единственное объединяющее наш народ историческое событие прошлого, которое подавляющее большинство членов общества оценивает как выдающийся период отечественной истории и как событие, которое характеризует дух, характер нашего народа[1].

И это подтверждается социологическими исследованиями, проведенными среди старшеклассников одного из районов города Москвы в ноябре 2013 года. Подвиг советских солдат, выполнивших свой долг перед Родиной во время Великой Отечественной войны, вызывают гордость и уважение у 98% молодых москвичей.

Как понимают свой долг перед обществом и перед Родиной молодые респонденты, видно из следующих ответов: 49% — быть законопослушным гражданином и налогоплательщиком; 48% — передать любовь к Родине своим детям и внукам; 41,5% — считают, что человек должен посадить дерево, построить дом и вырастить ребенка; 25% — готовы отдать на благо Родины свои силы, свой талант и даже жизнь.

Россия вышла из второй мировой войны, которая стала для нее Великой Отечественной, победительницей, еще сильней, монолитней, приобретя невиданный прежде авторитет во всем мире. Так произошло потому, что советские люди отстаивали свои высокие идеи и идеалы, прах своих ушедших предков и жизнь еще не родившихся потомков, потому, что они верили в силу единения и справедливость своей борьбы[2].

В годы Великой Отечественной войны испытывалась на прочность и с честью выдержала это испытание братская дружба народов СССР. Плечом к плечу с общим врагом сражались представите-

---

[1] *Падерин А.А.* Роль современной исторической науки о Великой Отечественной войне в духовном воспитании молодежи // Война и мир: роль духовной культуры в воспитании патриотического сознания. Материалы научно-практической конференции. — Москва, 2006. — С. 29–39.

[2] *Иванов В.Н., Сергеев В.К.* Всегда Великая Победа // Научное издание. — М.: Серебряные нити, 2006. — С. 23.

ли всех наций и народов Советского Союза, деля и горечь поражений, и радость общих побед. В огне боев слагалась и крепла новая общность — советский народ.

Во второй мировой войне участвовали не только армии, но и сами народы с их своеобразной историей, духовными ценностями и традициями, особенностями национального характера и исторической памятью. Она была войной различных мировоззренческих и духовных идеалов. Будучи величайшей трагедией для народов СССР и одновременно величайшим подъемом человеческого духа, война стала зеркалом, в котором отразился преемственный, диалектически противоречивый опыт предшествующего развития нашей страны.

Историческая память всегда являлась связующим звеном между прошлым и современностью. Осмысление современным поколением россиян того, что подвигло человека лечь на амбразуру вражеского дота, пойти на воздушный или танковый таран, подняться в штыковую атаку, позволит сформировать идеал защитника Родины, самоотверженности, морального духа, стойкости, мужества и воли к победе.

В истории Великой Отечественной войны сконцентрированы примеры массового героизма, проявления высоких патриотических чувств, которые играют важную роль в патриотическом воспитании современной российской молодежи.

Литература:

1. Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Смоленск.: Русич, 1999.
2. Иванов В.Н., Сергеев В.К. Всегда Великая Победа // Научное издание. — М.: Серебряные нити, 2006.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах) Том 2. — М.: Воениздат, 1961.
4. Падерин А.А. Роль современной исторической науки о Великой Отечественной войне в духовном воспитании молодежи // Война и мир: роль духовной культуры в воспитании патриотического сознания. Материалы научно-практической конференции. — Москва, 2006. — С. 29–39.
5. Попель Н.К. Танки повернули на запад. — М.-СПб.: Terra Fantastica, 2001.
6. Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. — М., 2003.
7. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — М.: Воениздат, 1988.
8. Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1973.
9. Сорокин С.А. Патриотическое сознание: сущность и специфика // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки» — №3. — 2009. Выпуск в серии №16. — М.: Изд-во МГОУ. — С. 148–153.

Ксенофонтов В.В.

КУЛЬТУРА КАК ДУХОВНЫЙ ФАКТОР ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

THE CULTURE AS A SPIRIT FACTORY OF GREAT VICTORY

Ксенофонтов В.В., кандидат философских наук, г. Москва,
vnksenofontov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль культуры как важного фактора победы в Великой Отечественной войне, раскрываются основные виды искусства и их социальная роль в ней.
Annotation: The article regards culture, as an important factory of great victory, gives the analyses important forms arts and its social role.

Ключевые слова: Культура; искусство; литература; образ; кино; нравственность; идея; победа; Великая Отечественная война; Красная Армия
Key words: Culture; art; literature; image; cinema; moral; idea; victory; Great Patriotic war; Red Army.

В годы Великой Отечественной войны в духовном противостоянии с фашистскими агрессорами наша культура сыграла особую роль. Все лучшее, что было заложено в культурных традициях многочисленных народов СССР, проявилось таким образом, чтобы помочь миллионам людей на фронте и в тылу осознать свое место и роль в общем строю защитников Отечества.

Уже с первых дней войны деятели культуры ясно понимали свое предназначение в дни тяжелых испытаний. «… В дни, когда весь наш советский народ гневно поднялся на отпор фашистской чумной гадине, мы, работники советской литературы, считаем свое перо мобилизованным на оборону великой Отчизны. Перо в нашей стране приравнено к штыку».[1]

Важным слагаемым культуры, ее роли в годы войны явились отечественное искусство, его различные виды и жанры.

По своей популярности, воздействию на сознание людей первое место занимала, несомненно, литература. Она быстро откликалась на все актуальные вопросы, волновавшие воинов и тружеников тыла. Писатели в своих произведениях не ограничивались простым отражением происходивших событий. Активно вторгаясь

[1] Из обращения писателей Сибири. 24 июня 1941 г. Документы военных лет. Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12 тт. М.: Современник, 1983.

в жизнь, они сами выдвигали новые вопросы, касавшиеся борьбы народа на фронте и в тылу.

Литература вдохновляла защитников Родины на героические подвиги, способствовала укреплению морального духа среди народа и воинов.

Уже в самые тревожные дни, когда фашистские орды рвались к Москве, было написано и опубликовано стихотворение Д. Бедного «Я верю в свой народ», в котором он призывал к морально-политическому единству советских людей в борьбе с врагом:

Пусть приняла война опасный поворот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врага. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.[1]

С первых тревожных дней защиты Родины «к штыку приравняли перо» известные художники слова: А. Толстой, И. Эринбург, Л. Леонов, К. Симонов, А. Сурков, М. Светлов, А. Гайдар и многие др. В самые тяжелые дни обороны Москвы деятели литературы и искусства в своих выступлениях, статьях, художественных произведениях отражали патриотическую тему. В них деятели культуры говорили о самом важном — о судьбе Родины, о долге каждого воина и гражданина. А.Н. Толстой писал: «Казалось бы, грохот войны должен заглушать голос поэта, но великий народ, находя в себе больше и больше сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, все настоятельнее требует от своей литературы… подняться до уровня моральной высоты героических дел воюющего народа».[2]

Позже в годы войны стали появляться крупные художественные произведения, многие из которых справедливо относятся к лучшим образцам литературы, раскрывающие морально-политическое превосходство Красной Армии, мужество ее воинов. Так, в конце войны увидели свет первые главы романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину», вышли повести Л.М. Леонова «Взятие Великошумска» и А.О. Саксе «Возвращение в жизнь». Значительным событием в поэзии явились стихи Д. Джабаева «Песни войны», М. Джалиля «Письмо из окопа», новые главы поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин», призывающие к разгрому фашистов, вере в Победу.

Писатели и поэты уделяли большое внимание такой важной теме, как освободительная роль Красной Армии, духовным качествам ее воинов. Я. Колас (К.М. Мицкевич) и П.Ф. Глебка, С. Нерис (Бачин-

[1] Цыбенко В.А. Поэзия Бедного. Новосибирск, 1961. С. 265.

[2] Толстой А.Н. Родина (ноябрь 1941 г.) // Венок Славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12 т. М., 1984. Т. 2. С. 40–45.

скайте-Бучене) и Н.Л. Нагнибеда, П.Г. Тычина и А.М. Упит и многие другие воспевали героический подвиг воинов-освободителей. Так, патриотические стихи П.Ф. Глебки, объединенные названием «Беларуси», имели большое воспитательное значение, способствовали формированию стойкости и мужества у советских воинов.

Важную патриотическую роль играли и рассказы. Большую известность в тот период получил рассказ А.Н. Толстого «Русский характер». В нем писатель ярко показал отличительные черты русской нации: несгибаемую волю, благородство, смелость, умение преодолевать трудности. «Да, вот они, русские характеры»! — писал А. Толстой. — Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота».[1] Такие произведения воспитывали у всех советских людей мужество, вселяли в них непоколебимую веру в свои силы, укрепляли волю к победе». «Мы не могли без волнения читать этот рассказ, — писали фронтовики А.Н. Толстому, — столь простой и доходчивый до солдатской души».[2]

Заметим, что в годы войны в армию было направлено свыше 255 млн книг и брошюр и более 250 тыс. специальных походных библиотечек.

В годы Великой Отечественной войны настоящий подъем переживала поэзия. Так, например, знаменитое стихотворение военной поря «Жди меня» К. Симонова, посвященное своей жене, бойцы вырезали из газетных страниц, переписывали, передавали из рук в руки.

Стихи такой направленности оказывали огромное эмоциональное воздействие на тех, кто был на фронте, давали возможность на несколько минут вспомнить родной дом, возвратиться к родным и любимым.

Композиторы и поэты-песенники быстро откликались на все события, происходившие в тылу и на фронте. Широкую популярность приобрели в народе стихи, ставшие впоследствии настоящими народными песнями: «Землянка», «Огонек», «Синий платочек», «В лесу прифронтовом». Символом народной отваги и мужества стали стихи В. Лебедева-Кумача «Священная война», А. Суркова «Песня защитников Москвы», А. Жарова «Друзья москвичей», М. Лисянского «Моя Москва» и др.

Большим успехом на фронте и в тылу пользовались такие патриотические песни, как «Вечер на рейде» В.П. Соловьева-Седого, «Ветер студеный» А.Г. Новикова.

---

[1] «Правда». 1944. 10 мая.

[2] Писатели в Отечественной войне 1941–1945 гг. Письма читателей. М., 1946. С. 26.

Стихи и поэмы А. Твардовского, К. Симонова, М. Алигер, М. Светлова и др. воспевали подвиг народа, призывали к уничтожению врага, крепили уверенность в победе. Вот как эту идею отразил К. Симонов:

Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь,
И пока ты его не убил,
То молчи о своей любви.
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей Родиной не зови.[1]

В тот период большой популярностью у советских людей, в том числе и воинов, пользовалась величественная поэма К. Симонова «Ледовое побоище», в которой автор призывал, опираясь на героические традиции русского народа, защищать мужественно и стойко свою Родину.

Мысли и чувства воинов, их любовь к Отчизне нашли свое выражение во многих песнях. Ярким примером тому служит песня М.И. Блантера на стихи М.В. Исаковского «Под звездами балканскими»:

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, да брянские,
Да смоленские места.

В одном строю с писателями находились и деятели отечественной музыки. В произведениях Н.Я. Мясковского, Д.Б. Кобалевского, Д.Д. Шостаковича, написанных в период войны, прославлялись героические подвиги советских людей. Уже в самые тяжелые дни войны в блокадном Ленинграде Д.Д. Шостакович создал свою гениальную Седьмую симфонию, которая имела громадное эмоционально-эстетическое воздействие на слушателей. Свою патриотическую оперу «Война и мир» пишет С.С. Прокофьев. Музыкальные произведения Д.Б. Кобалевского, Ю.А. Шапорина, А.И. Хачатуряна, Т.Н. Хренникова насыщены образами этической мощи, героики в сочетании с возвышенными темами любви, дружбы, верности.

В годы войны значительный вклад в общее дело борьбы с врагом вносили артисты музыкальных, драматических театров и эстрады. Так, в блокадном Ленинграде не прекращал своей работы Театр комедии. Огромной популярностью у бойцов и командиров пользовались фронтовые театры, число которых достигло 25. За период войны только в армии и на флоте было осуществлено

[1] Симонов К. Стихи. Пьесы. М., 1949. С. 138.

около 1350 тыс. сценических и концертных выступлений. Систематически выступали перед воинами Красной Армии и Флота режиссеры А.Д. Дикий, Ю.А. Завадский, С.М. Михоэлс. В концертах участвовали такие всенародно любимые артисты, как В. Пашенная, М. Жаров, Б. Бабочкин, Б. Чирков, М.И. Царев, А.К. Тарасова, С.Я. Лемешев, И.В. Ильинский, А. Райкин и др.

Такая деятельность способствовала укреплению духа, формировала возвышенные чувства у советских людей.

Большой размах приняла концертная деятельность советских певцов и музыкантов в составе фронтовых бригад, которые активно работали на фронтах, в госпиталях, в тылу.

В концертах участвовали, часто с риском для жизни, любимые артисты Л.А. Русланова, Л.О. Утесов, К.И. Шульженко, А.И. Райкин, а также выдающийся скрипач Д.Ф. Ойстрах, пианист Э.Г. Гилельс.

Одним из могучих средств нравственно-эстетического воздействия являлось киноискусство. Так, в апреле 1944 г. Советское правительство наградило орденами и медалями около 500 работников кинематографии. В сложной обстановке военного времени было создано много патриотических художественных кинофильмов. На экранах страны появилось много полнометражных кинокартин. Некоторые из них, например, «Зоя», «Нашествие», «В шесть часов вечера после войны», «Два бойца», «Котовский», «Во имя Родины», «Она защищала Родину», «Секретарь райкома» выдержали испытание временем и получили признание народа.

Ставились фильмы на героико-патриотическую тематику, такие как: «Кутузов», «Георгий Саакадзе». В картинах, посвященных борьбе народов СССР с гитлеровскими захватчиками, ярко раскрывались лучшие черты советского человека. Кинофильм «Зоя» запечатлел бессмертный подвиг верной дочери нашей Отчизны Зои Космодемьянской. Для многих тысяч советских граждан, особенно юношей и девушек, образ Зои стал примером служения своему народу. В этом огромное нравственно-эстетическое значение фильма.

Необходимо отметить, что патриотическая тема стала ведущей в художественном и документальном кино. На фронтах войны находилось 150 кинооператоров, многие из которых погибли.

Значительную роль в мобилизации духовных сил народа на окончательный разгром врага сыграло театральное искусство. В начале 1944 г. коллектив старейшего в стране Государственного Академического Малого театра обратился ко всем театральным работникам с призывом усилить размах военно-шефской

работы. Этот призыв горячо подхватили деятели советской сцены. Вскоре в действующую армию и на флот было направлено более 100 концертных и театральных бригад, в состав которых входили артисты крупнейших театров страны: Государственных Академических Большого и Малого театров, МХАТ им. М. Горького, театра им. Е. Вахтангова, Музыкально-драматического театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немирович-Данченко, Харьковского театра украинской драмы им. Т.Г. Шевченко, белорусских драматических театров и многих других.

На фронт выезжали многочисленные бригады артистов Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других городов. «... Играя на сцене, выступая перед нашими доблестными воинами, читая газеты, письма, встречая аплодисменты зрителей, — вспоминала Народная артистка СССР В. Пашенная, — мы постоянно чувствовали, что наше советское искусство — это то же оружие, оружие острое, как меч; оно живет, сияет, греет сердца».[1]

В письме работникам Малого театра после их выступления на фронте один военнослужащий писал: «Спасибо, дорогие товарищи. Сколько сил и энергии влили вы в нас своим искусством!».[2]

В январе 1944 г. ценную инициативу проявил коллектив Киевского театра оперы и балета им. Т.Г. Шевченко, решивший провести День культурного обслуживания раненого бойца. Патриотический почин работников украинского театра был подхвачен театральными коллективами Москвы, Казани, Баку и других городов.

На стационарной сцене ставилось много спектаклей, отражавших героическую борьбу советского народа с немецкими захватчиками. Пьеса В.В. Вишневского, А.А. Крона и В.Б. Азарова «Раскинулось море широко» была написана в течение семнадцати дней по заказу политуправления Балтийского флота.

Вахтанговцы показали спектакль «Живые источники» Н.Ф. Погодина, где говорилось о патриотическом движении советского народа — сборе средств в фонд Красной Армии. Московский театр им. Ленинского комсомола поставил пьесу «Так и будет» К.М. Симонова. Эти спектакли, как и многие другие, свидетельствовали о настойчивом стремлении деятелей театра — драматургов, режиссеров, актеров — полнее и глубже раскрыть характер советского человека, источники его трудовых и ратных подвигов, вдохновить соотечественников.

Необходимо отметить, что за время войны на фронте выступили 3800 театральных, концертных и цирковых бригад в составе бо-

[1] Своим оружием. М., 1961. С. 253.

[2] Малый театр на фронтах Великой Отечественной войны. Сборник статей. М.; Л., 1949. С. 160.

лее 40 тыс. артистов. Из 1 млн 300 тыс. спектаклей и концертов почти 500 тыс. были даны непосредственно на фронте.

Наряду с патриотической тематикой в репертуаре московских театров имелась русская классика. Большим успехом у тружеников тыла пользовались такие спектакли, как «Вишневый сад», «Три сестры» А.П. Чехова, «Лес» А. Островского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Враги» М. Горького, «Дворянское гнездо» И. Тургенева и др. Только московские театры за год обслуживали аудиторию в количестве 3,5 млн зрителей.

Наряду с художественными фильмами в годы войны создавались и значительные документальные фильмы. Они правдиво отображали героизм и высокое воинское мастерство бойцов и офицеров, трудовой подвиг работников тыла.

Первым документальным полнометражным фильмом о войне стал «Разгром немецких войск под Москвой», выпущенный на экраны в феврале 1942 года, а последней завершающей лентой войны — фильм «Суд народов» о Нюрнбергском процессе над фашистскими преступниками, выпущенный в ноябре 1946 года.

Важнейшие военные события находили свое отражение в таких документальных фильмах, как «Победа на Правобережной Украине», «Битва за Севастополь», «Освобождение Советской Белоруссии», «Вступление Красной Армии в Бухарест», «Вступление Красной Армии в Болгарию», «Освобождение столицы Югославии — Белграда», «Будапешт». Эти кинопроизведения вошли в историю как запечатленная на пленку летопись военных событий.

Делу духовно-нравственного и патриотического воспитания служили культурно-просветительные учреждения армии и флота — клубы и дома Красной Армии, фронтовые и армейские ансамбли. В действующей армии получили широкое распространение такие мобильные средства культурно-просветительной работы, как агитпоезда, агитмашины, агитэскадрилии. Агитмашины имелись при всех политуправлениях фронтов и многих политотделах армий. Небольшой штат обслуживал широкие массы воинов. Так, всего за 2 месяца работники агитмашин политуправления Западного фронта организовали для войск 263 лекции и беседы, 255 концертов и 278 киносеансов. Особой популярностью у воинов пользовались многие известные кинофильмы: «Валерий Чкалов», «Свинарка и пастух», «Суворов», «Трактористы» и др. Примечательно, что из 103 художественных фильмов, выпущенных в годы войны, более 60 посвящались военным темам.

Идея защиты Родины нашла яркое отражение в разных жанрах изобразительного искусства. Станковая живопись и плакат, кари-

катура и зарисовка — все жанры изобразительного искусства использовались советскими художниками. Уже вскоре после начала войны на улицах и площадях Москвы были расклеены плакаты художников Кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.К. Крылов, Н.А. Соколов) «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», «Клещи в клещи», а позже в период разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом — «Потеряла я колечко (а в колечке — 22 дивизии)».

Огромной популярностью пользовались плакаты «Окон ТАСС». В работе «Окон» принимали участие известные художники: А. Дейнека, Г. Савицкий, С. Костин, П. Шумилин, Ф. Антонов, Ф. Кондратьев, М. Черемных, П. Соколов-Скаля и др. Постоянными авторами тестов к «окнам ТАСС» были С. Кирсанов, С. Щипачев, А. Жаров С. Маршак, Д. Бедный, В. Лебедев-Кумач. Плакаты «Вперед, богатыри», «Клянусь победить врага», «Смелость города берет» и др. вселяли в воинов уверенность и оптимизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, формировали чувство долга и неуклонную волю к победе.

За время войны было выпущено и размножено зарегистрированных плакатов из серии «Окна ТАСС» свыше 1200 названий. Только центральные издательства выпустили более 800 названий плакатов тиражом свыше 34 млн экземпляров.

Следует подчеркнуть желание художников идти в ногу с важнейшими событиями, происходившими на фронте. В годы войны на некоторых фронтах были оборудованы на машинах походные мастерские, которые продвигались за наступавшими войсками. Пройдя вместе с армией долгий путь, художники накопили богатейший материал. Этюды, зарисовки, акварели отражали реальные военные события. Велика заслуга мастеров студии военных художников им. М.Б. Грекова. Ведущие ее художники Н.Н. Жуков, А.В. Кокорин, Н.М. Аввакумов в своих лучших произведениях призывали воинов к стремительности и мощи наступления советских войск.

Большое место в изобразительном искусстве, зовущим к борьбе, войне заняли плакат и карикатура. Яркость и политическая заостренность способствовали их исключительной популярности. Так, напрмиер, широкую известность приобрели плакаты Л.Ф. Голованова «Боец, освободи советских людей из фашистской неволи» и «Дойдем до Берлина», многие плакаты И.М. Тоидзе. Среди художников-карикатуристов, мастеров графики и газетного рисунка видную роль играли Б.Е. Ефимов, К.С. Елисеев, Л.Г. Бродаты. Большой известностью пользовались произведения графиков: Д.А. Шмаринова (серия рисунков «Не забудем, не простим»), Б.И. Пророкова («Арийские вояки»).

Активно в военные годы работал художник А.А. Дайнека. Он создал проникнутую героическим пафосом картину «Оборона Севастополя» и суровые драматические пейзажи, среди них — «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года».

Другой известный художник — С.В. Герасимов также обращался к важным героическим темам периода Великой Отечественной войны. Он создал проникнутую патриотическим пафосом картину «Мать партизана».

Таким образом, многие из художественных произведений, созданных в годы Великой Отечественной войны, несли главную ценность — они возвышали гуманистические начала в жизни советских людей. Именно посредством культуры, во всех ее видах осуществлялась душевная опора, поддержка советских людей в час испытаний, вера в Великую Победу.

Воловикова М.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ[1]

THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CONTEMPORARY RUSSIAN INTELLECTUALS

Воловикова Маргарита Иосифовна, доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии личности ФГБУН Института психологии Российской академии наук
M.I. Volovikova

Аннотация: В статье ставится проблема изучения исторически сложившихся особенностей российской интеллигенции. Приводятся результаты исследования современных представлений о нравственном («порядочном») человеке. Проводится соотнесение полученных результатов с идеей А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко об отличительных признаках российской нравственной элиты.
Abstract: The article raises the problem of historical features of Russian intellectuals. The results of modern representations about a moral (decent) person are provided. The obtained results were correlated with the ideas of A.L. Zhuravlev and A.B. Kupreychenko about distinctive features of the Russian moral elite.

Ключевые слова: нравственность, духовность, интеллигенция, представления, поступок, менталитет, нравственная элита
Key words: morality, spirituality, intellectuals, representations, action, mentality, moral elite.

Постановка проблемы

В России слово «интеллигенция» относительно новое. Оно пришло из немецкой философии в 30-х годах XIX века и первоначально означало интеллектуальную способность, самосознание, но популярным не было. Согласно наблюдению, сделанному историком Федором Гайдой, «Превратить слово в лозунг, в идеологическое оружие смогли лишь русские **социалисты-народники**. В 1868 году радикальные публицисты Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов и П.Н. Ткачев в своих статьях заявили об «интеллигенции» как передовой силе, призванной вести за собой всю

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10082а.

страну» [4]. Представление об этой сверхзадаче тоже, скорее всего, имеет немецкие корни, только родоначальником здесь следует считать не Гегеля с его самосознанием, а его бывшего ученика Маркса, в 1845 году написавшего «Тезисы о Фейербахе», где под номером 11 ставилась задача: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [11]. В 1917 году интеллигентам удалось изменить не только российский, но и во многом весь мир. Началась эпоха революций и бесчеловечных по своей жестокости войн.

В 1936 году в сталинской Конституции СССР было закреплено понятие «трудовая интеллигенция». Собственно, к этому времени восходят достижения и проблемы современной интеллигенции. Тем «работникам умственного труда», которые обслуживали социалистическую идею (в искусстве, в науке, на производстве), было обеспечено привилегированное положение относительно остального населения. Но этот высокий статус надо было отрабатывать, так как контроль над идеологической приверженностью был жесткий и профессиональный, включая репрессивные меры в случае измены господствующей идее.

Чтобы понять сильные и слабые качества современной российской интеллигенции, надо вспомнить российскую историю, особенно советского периода, когда к «интеллектуальному труду» были привлечены широкие народные массы при избирательной преемственности знаний от «спецов», сформировавшихся до революции. Сочетание невысокой образованности, близости к народной культуре, молодого задора и страха перед госконтролем идеологии породили противоречия в характере интеллигента. Стоит напомнить и саму *идею*, сохранение и трансляция которой была поручена работнику умственного труда советским государством. Она состояла в утверждении возможности построения справедливого, коммунистического общества. Одним из краеугольных камней этой идеи был государственный атеизм. А противоречивость воззрений интеллигента состояла в сочетании его согласия с тем, что Бога нет, с народным, растворенным в самой российской почве, православием. Точнее, с его еще не выкорчеванными остатками, которых, однако, хватило на то, чтобы народу отстоять, не жалея жизней, Родину в Великой Отечественной войне, восстановить, не жалея себя, страну после военной разрухи, одолеть великие стройки, поднять науку и создать многое из того, чем сейчас держится страна.

Данное противоречие мы обнаружили и у современной интеллигенции, точнее, у элиты.

А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко приводят такое определение элиты: «Под *элитой* понимается социальная категория людей, характеризующаяся наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты» [9, С. 6]. Выделяя такие виды элиты как политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элита, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная, авторы идут дальше и ставят проблему «нравственной элиты», разработка которой предполагает междисциплинарные исследования со своей спецификой [5], с чем трудно не согласиться, а сама нравственная элита рассматривается одной из наиболее развитых форм (и уровней) социально-психологической зрелости [6]. Авторы определяют *основные отличительные признаки* нравственной элиты: участие в общественно полезной деятельности; строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам; способность к решению нравственных задач и проблем; способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере; оказание безвозмездной помощи другим людям; такие люди служат примерами для подражания [9, с. 8–9]. Интересно также предположение Журавлева и Купрейченко о житейской неприспособленности представителей нравственной элиты, т.е. об альтруистическом поведении, чаще всего, во вред своим личным интересам [8, 9].

Организация исследования и основные результаты

Для проверки этого предположения нами совместно с М.Н. Комаровой начато исследование обыденных представлений представителей современной российской элиты о нравственном («порядочном») человеке. Данная работа является с одной стороны, продолжением многолетних исследований представлений о нравственном идеале в российском менталитете [2], а с другой — конкретным вкладом в развитие более общего научного направления исследований нравственности современного российского общества, активно разрабатываемого в современной психологии [14, 15, 16, 21, 28]. Нельзя не отметить также тесную связь данного исследования (по цели и результатам) с решением многих других актуальных психологических проблем современного российского общества, наряду с уже упомянутыми вопросами нравственности [10, 17–19, 23, 27].

Авторская методика была основана на анкете японских психологов Х. Азумы и К. Кашиваги, хотя у них в центре внимания были

«имплицитные концепции интеллектуальности» (обыденные представления об умном человеке) [29]. Первый этап состоял в задании вспомнить и описать человека, которого респондент «знает лично» и которого считает умным. На втором этапе из полученных дескрипторов исследователи с помощью частотного анализа отбирали наиболее употребимые качества «умного человека», из которых затем и составляли анкету закрытого типа, построенную по принципу одномодальной шкалы.

Японские психологи подчеркивали: «Таким образом, мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему испытуемому подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает, и знает как интеллектуальную, и думает, что эти личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности» [29, С. 18]. Факторизация данных, полученных на основном этапе исследования, позволяет, в том числе, проводить кросс-культурные сравнения представлений об умном человеке.

Так Н.Л. Смирновой (Александровой) было проведено исследование по методике Азумы и Кашиваги на отечественной выборке и был обнаружен тот факт, что, в отличие от японцев, для которых ведущим оказался *когнитивный* фактор, в представлениях об умном человеке у жителей постсоветской России доминировал этический фактор [24]. Позднее, наблюдая динамику изменения этих представлений, Ю.И. Александров и Н.Л. Александрова отметили тенденцию к сохранению такого представления об умном человеке, прежде всего как *человеке нравственном*, связав данный факт с особой ролью интеллигенции в нашем Отечестве [1].

Мы распространили принципы построения анкеты на наше исследование имплицитных представлений об образцово нравственной личности («порядочном человеке»). Также в анкету был добавлен вопрос о конкретном поступке, доказывающем, что описываемый человек действительно является нравственным образцом. Здесь мы исходили из идеи С.Л. Рубинштейна о поступке как *имплицитном суждении* [22]. Именно поступок, а не слово, чаще всего производит впечатление на окружающих и запоминается надолго.

После отбора из набранных на первом этапе описаний («психологических портретов») знакомого респондентам конкретного человека, которого они могли бы назвать «порядочным», в основную анкету вошли дескрипторы: *скромный, пунктуальный, тактичный, уважающий других людей, не предаст друга, добросовестный, любит Родину, образованный, смелый, не выдаст чужую тайну,*

не нарушает закон, бережливый, верит в Бога, гордый, воспитанный, не нарушает данное им слово, трудолюбивый, умный, справедливый, ответственный, не курит, может дать совет, хорошо одевается, волевой, не ворует, честный, культурный, аккуратный, не сквернословит, добрый, соблюдает правила этикета, общительный, щедрый, начитанный, рассудительный, с чувством юмора, не сплетничает, уважает старших, не врет, безотказный, интеллигентный.

Описанная процедура разработки авторской методики (анкеты) для сбора первичных данных вполне вписывается в систему требований, предъявляемых к такого рода разработкам и практике их применения в современной социальной психологии личности [12, 13, 20, 25, 26].

Дескрипторы «верит в Бога» и «любит Родину» мы включили в анкету, исходя не столько из результатов частотного анализа (рейтинг этих качеств в середине 1990-х годов был не очень высок), сколько из анализа особенностей исторически сложившегося российского менталитета, в котором вера и патриотизм издавна выступали основой нравственности человека.

По результатам проведенных эмпирических исследований во всех выборках середины 1990-х годов лидировало качество «добрый». Особое место занял дескриптор «интеллигентный» — сам по себе достойный отдельного исследования из-за его расширенного понимания в российском менталитете. В целом, на разных выборках конца 1990-х сложилась картина позитивного отношения к «порядочности» при понимании редкости этого качества в реальной жизни.

Исследование было продолжено в 2000-х, что позволило изучить *динамику* представлений, в основном — позитивную. Однако выборка состояла преимущественно из учащейся молодежи: старшеклассников и студентов из разных российских регионов [3].

Задачей нового исследования, начатого совместно с М.Н. Комаровой, было выявление специфики имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке в среде тех лиц, которых можно отнести к элите нашего общества. Выборка состояла из людей, достигших заметного успеха в жизни. Это были врачи, экономисты, юристы, музыканты, художники и психологи, руководители лабораторий, институтов и творческих коллективов, главные редакторы изданий, директора компаний.

При анализе мы исходили из того, что, рассказывая о другом конкретном человеке и оценивая его качества, отвечающий невольно раскрывал свои подлинные предпочтения.

Наиболее отвергаемым в данной выборке оказалось качество «безотказный», лидирующим — «не предаст друга». Аутсайдерами стали качества — «верит в Бога», «хорошо одевается», «гордый» и «любит Родину». То, что в данной выборке одно из минимальных значений оказалось у дескриптора «гордый», может объясняться высоким профессионализмом участников, обычно сочетающимся со скромностью и трезвою оценкой своих возможностей.

Ожидаемо на первое место по результатам факторного анализа выдвинулся когнитивный фактор, в который вошли дескрипторы *умный, образованный, начитанный, может дать совет.* Затем идет фактор отрицания антиобщественного поведения (*не сквернословит, не врет, не сплетничает, не ворует*), а далее — волевой фактор (*смелый, волевой*), коммуникативный фактор (*щедрый, с чувством юмора, общительный*), фактор интеллигентности (*уважает старших, тактичный, уважающий других людей, интеллигентный*), фактор ответственности (*ответственный, не нарушает данное им слово*) и фактор, который мы назвали фактором предательства, в который вошли со значимым *отрицательным* весом: *не предаст друга* и *не выдаст чужую тайну*, а с положительным — *не курит*. Появление такого фактора, хотя и не на ведущей позиции, может говорить о реальном негативном жизненном опыте директоров, заведующих и руководителей различных творческих коллективов.

В описаниях поступка лидирующей (43,6% от всех примеров) оказалась тема *«никогда не...»* — никогда не предаст, никогда не подведет, не обманет. Второе место (26,8%) заняла обычно лидирующая в других выборках тема помощи — помог, выручил, понял, подсказал. Третье место (8,5%) пришлось на тему «смирение» — проявил смирение, простил, не возмутился. Лишь 2,8% рассказов были посвящены обычным в других выборках историям о найденных и возвращенных деньгах. Кроме того, 5,6% ответили в общих чертах: «для меня образец — все поведение этого человека», а 12,7% респондентов примера не привели.

Если обратиться к работам Журавлева и Купрейченко, где высказаны идеи о качествах, характеризующих нравственную элиту [8, 9, 30], то нужно отметить соответствие этих качеств тем описаниям запомнившихся поступков, данных респондентами в нашем исследовании.

Об *участии в общественно полезной деятельности* говорит, в том числе, статус персонажа, о котором идет речь: «это мой начальник, он в меня поверил...»; «мой коллега, зав. кафедрой...»; «при публикации научных трудов отражал имена сотрудников, включая аспирантов»; «она была моей начальницей...»; «мой кол-

лега — ученый физик, пользуется международным авторитетом»; «...зам. директора НИИ..., профессионально честный...». Есть и более определенные примеры общественной активности: «человек, описанный в анкете, помог разобраться с мощной наехавшей бандитской организацией легко и эффективно, не обращаясь к услугам структуры, в которой занимал руководящую должность, совершенно безвозмездно».

О *строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам* говорит каждый из 43,6% сюжетов на тему «никогда не...»: «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и четко следует им»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе, в целях наживы»...

Способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере доказывается не только приводимыми примерами, но и самим тем фактом, что эти лица названы нравственным образцом, то есть тем, кто влияет, — «*порядочным человеком*».

Оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения доказывается в 26,7% примеров, отнесенных нами к теме «помощь»: «в трудной ситуации очень сильно помог, подставил плечо»; «помогал малознакомым людям в сложных ситуациях выступить посредником в близкородственных отношениях»; «несмотря на свою болезненность готова помогать всем и вся»; «когда у подруги был серьезно болен ребенок и отсутствовали финансовые средства на лечение, моя знакомая приютила их с ребенком у себя, наняла врача и безвозмездно оплатила лечение»; «на фирме начались финансовые проблемы, и она была закрыта; последнюю зарплату мне не выплатили; позже начальница выплатила причитающуюся мне зарплату из своих денег».

О *неприспособленности нравственной элиты* к реалиям современной жизни говорит большинство примеров: «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива»; «ему неоднократно предлагали прекрасную высокооплачиваемую работу в США, но он отказывается — лучше я буду приезжать к вам в штаты на конференции, а жить хочу у себя, любоваться российскими березками»; «пожертвовала своей работой ради

женщины, которая одна воспитывает детей»; «отказался от материальной выгоды в пользу принципов».

Складывается общая картина (не только по данной выборке, но и по всем предыдущим) тесной связи темы запомнившегося поступка нравственного образца с независимостью от обстоятельств, подталкивающих к типу поведения, позволяющего успешно и комфортно устроиться в жизни.

Таким образом, выделенная Журавлевым и Купрейченко совокупность признаков, соответствие которым позволяет относить человека к нравственной элите, прошла своеобразную эмпирическую проверку и получила свое подтверждение. Своеобразие проверки заключалась в том, что это не было непосредственным изучением лиц, принадлежащих к нравственной элите, а было исследованием имплицитных представлений о нравственном образце у лиц, достигших в жизни высокого социального статуса. В таких вариантах исследований принципиальным становится интерпретация полученных результатов [20, 25, 26].

Уточняющий анализ результатов (вместо заключения). Противоречивость представлений помогло выявить обращение к популярной, но пока очень неопределенной теме «духовность».

Задание привести конкретный пример поступка, доказывающего, что описываемого человека действительно можно назвать порядочным, Комаровой было дополнено таким авторским приемом, как глубинное интервью на тему: «*Что такое духовность? Какие качества присущи духовному человеку? Как соотносятся порядочность и духовность?*» [7]. Полученные данные показались нам столь интересными, что хотелось бы дать им другую интерпретацию, отличную от интерпретации Комаровой.

Первый вывод, сделанный Комаровой на основании анализа результатов глубинного интервью, касается проблемы соотношения понятий «порядочность» и «духовность», на примерах показывая, что респонденты считают духовность более широким понятием, чем порядочность, а иногда даже противопоставляют их. Другое заинтересовавшее нас утверждение касается понимания соотношения духовности и религиозности. Приводимые ответы свидетельствуют о том, что наша творческая элита (а такова выборка) в вопросах веры недалеко ушла от предреволюционной интеллигенции, но при этом имеет несопоставимо меньше познаний в этом вопросе:

Духовность — это чистота помыслов, не включает религиозность.

Сильно религиозный человек — бездуховен.

Духовный человек может быть и неверующим.

Духовный человек — скорее, не религиозный человек.

Нет знака равенства между духовностью и религией, они дополняют друг друга.

Только один участник исследования определяет духовность через религиозность:

Духовность связана с верой в Бога. Это религиозное чувство.

В трудную минуту человек обращается за помощью к Богу

Таким образом, *общий вывод* был таков: подавляющее большинство наших «лучших людей» (вся выборка успешна в социуме и в делах) «духовность» ставят выше нравственности (порядочности) и выше (вплоть до противопоставления) религиозности, и особенно религиозности, связанной с церковностью. Можно также предположить, что «духовность» является как бы синонимом «интеллигентности» в специфически российском понимании этого слова. Еще пример высказывания респондента, поясняющий данное утверждение:

Духовность — это не церковь, духовный человек принципиален в определенных этических вещах, следует своей позиции, его отличительная черта — умение думать, уважение к своей Родине, знание ее истории, истории своего народа, у него трезвый взгляд на историю, он образован в широком смысле, это не обязательно диплом.

Однако если сравнить с результатами заполнения основной анкеты, то обнаруживается удивительный парадокс. Описывая знакомого «порядочного человека», эти элитные респонденты дают образ православного идеала, но, несмотря на упомянутую «*образованность в широком смысле слова*», не зная почти ничего о родном (по рождению) православии, они об этом не догадываются, продолжая мысленно бороться со всякой «церковностью», сковывающей «подлинное творчество». Это не только примеры бескорыстной помощи, самопожертвования и честности в отношениях, но и проявления такого специфического качества, как умение прощать обиды (и даже забывать о них), обладая при этом всеми реальными возможностями (материальными и ситуационными), чтобы отомстить.

Таким образом, вырисовывается в целом положительный образ современного интеллигента, но наполненный традиционной российской противоречивостью. Так, в целом невысокая значимость любви к Родине сочетается с рассказами об отказе покинуть страну, чтобы жить в более благоприятных в житейских отношениях условиях. А отвергаемая вера в Бога сочетается с явным доминиро-

ванием в рассказах православного идеала смирения и непривязанности к славе, деньгам и власти.

Если исторической задачей российской интеллигенции является быть прогрессивным сознанием нации, предлагать движущую общество идею, то необходимы усилия по осознанию противоречивости своих представлений, ее исторических истоков и выработке путей преодоления этой противоречивости.

Список литературы

1. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Субъективный опыт культуры и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
2. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
3. *Воловикова М.И., Дикевич Л.Л.* Динамика представлений русских о нравственном идеале // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 298–318.
4. *Гайда Ф.* «Интеллигенция»: чем гордиться? // Интернет-журнал Православие.Ру. 23 июня 2011. http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm
5. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
6. *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
7. *Комарова М.Н.* Представление о порядочности и духовности в современном российском обществе. Магистерская дис. М., 2011.
8. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010. № 2. С. 42–49.
9. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 2. С. 5–19.
10. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
11. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // http://lugovoy-k.narod.ru/marx/03/01.htm
12. Методики социально-психологической диагностики личности и группы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Хащенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
13. Методики социально-психологического исследования личности и малых групп / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 1995.
14. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
15. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

16. Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
17. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
18. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
19. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 318 с.
20. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
21. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
22. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976.
23. *Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В.* Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
24. *Смирнова Н.Л.* Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 97–103.
25. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
26. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
27. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
28. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
29. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // Japanese Psychological Research 1987, vol. 29, No. 1, 17–26.
30. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // Russian Studies in Philosophy. 2013. Vol. 51. Spring. № 4. P. 26–50.

Кочегарова Т.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТВОРЦОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT ARTISTS ECONOMIC MODEL OF POST-SOVIET RUSSIA

Кочегарова Тамара Михайловна, канд. эконом. наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, e-mail: sim@isras.ru
Kochegarova T.M.

Аннотация: Существует объективная закономерность — роль субъективного фактора в историческом процессе постоянно возрастает. А вот насколько и как быстро происходит это возрастание можно судить только по реальной повседневности, ибо критерий истины — практика. В процессе перехода от директивной экономики к рыночной роль субъективного фактора в России, в отличие от многих других стран, оказалась негативной. Общие ценности свободного рыночного хозяйства во многом были деформированы, за них пришлось заплатить слишком дорогую цену.
Abstract: There is an objective law — the role of the subjective factor in the historical process increases. How quickly this role increases shows the actual practice. In comparison with other post-socialist role of the subjective factor in Russia was negative. General advantages of the free market were deformed, cost Russia too high a price.

Ключевые слова: роль субъективного фактора в историческом процессе, российские реформаторы 1990-х годов
Key words: the role of the subjective factor in the historical process, the Russian reformers of the 1990s

Руководители социалистических стран Восточной Европы, пришедшие к власти на волне демократических движений 1989–1991 годов, в процессе системной трансформации поставили основной задачей переход к западной модели общественного развития — демократии и рынку. За прошедшие годы эти страны достаточно успешно трансформировались в современные государства с многопартийной политической системой и рыночной экономикой. Сегодня большинство из них располагает реальными достижениями в экономике и устойчивыми демократиями.

Почему же в России итоги реформ оказались, по словам академика РАН О.Т. Богомолова, «столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как ев-

ропейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских»? [1, С. 9]. В контексте нашего исследования это ключевой вопрос не только в общесоциологическом, но и в психологическом, личностном плане. Т. е. речь идёт о *субъективном факторе* [2, 3, 4] процессов, произошедших в России в 1990-х годах. Характеризуя итоги реформ, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг пишет: «Урон страна потерпела сокрушительный и по объёму раскраденных национальных богатств, и из-за усиленной примитивизации производства, и, главное, по упущенным времени и возможностям радикальных общественных преобразований. Но трагедия 1990-х гг. состоит ещё и в том, что эра «либерально-криминальной экономики» создала неимоверные сложности для будущих реальных реформаторов» [5, с. 6]. 24 сентября 2011 года, выступая на X съезде партии «Единая Россия», премьер-министр В.В. Путин подчеркнул произошедшее в России как «беспрецедентное разграбление в 1990-е годы. Такого вообще в истории не было — по сути, «убили» и промышленность, и сельское хозяйство, и социальную сферу. В самое сердце России вонзили нож гражданской войны, довели до крови на Северном Кавказе и, по сути дела, подвели страну к катастрофе, к пропасти» [6, С. 2].

Известный социальный закон — с развитием общественных отношений роль субъективного фактора возрастает — становится всё более осязаемым, особенно в трансформирующихся государствах. В полной мере это относится к России [7, 8, 9, 10, 11], где субъективный фактор оказался решающим в выборе методов проведения реформ и, прежде всего, их политэкономического стержня — *приватизации*, в результате которой возникли *новые отношения собственности* [12, 13, 14, 15, 16]. Эти отношения являются базовыми, определяющими другие общественные отношения — социальные, политические, правовые и т. д., оказывающими влияние на всю общественную атмосферу государства. Следует согласиться с оценкой, высказанной в передовой статье журнала «Экономическая политика»Института переходного периода: «Егор Гайдар — это человек, который создал современную Россию» [17, С. 5].

Кто они, Е. Гайдар и его соратники, которых он привёл с собой проводить экономические реформы?

Многие решения первого Президента России было невозможно спрогнозировать. Почему Б.Н. Ельцин предпочёл команду Гайдара авторам-разработчикам уже имевшейся и поддержанной научным сообществом и широкой общественностью программы «500 дней»? Почему он не реагировал на жёсткую критику гайдаровской

программы со стороны многочисленных оппонентов? Ответ, хотя и не столь убедительный, даёт бывший министр экономики в 1990-х годах, а ныне научный руководитель созданного в начале российских реформ НИУ ВШЭ Е. Ясин: «Быть может, в стране нашёлся бы ещё с десяток людей, которые бы знали всё это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было ещё иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю — последний председатель Госплана СССР Ю. Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так по тексту — *Т. К.*), что нужно высвобождать цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жёсткую финансовую политику, чего бы это не стоило, стоять насмерть и не слушать никого. А Гайдар всё это знал»[18, С. 5]. Среди членов первого кабинета министров новой России, личность Гайдара вызывает особый интерес, так как он был не только руководителем правительства реформаторов, но и идеологом реформ.

В перечне многократно перечисляемых соратниками Гайдара качеств, которые определили его преимущество перед другими претендентами — «знал», «не боялся взять на себя ответственность», «обладал решительностью», «имел непреклонную волю», «никого не слушал», последнее качество было действительно совершенно исключительным, если не уникальным. Редкостная в общественной практике (а, тем более, в научной, так как Гайдар, как и некоторые представители его команды, имел учёную степень) способность «никого не слушать», избегать какого-либо диалога с оппонентами — родовое качество российских реформаторов. Тот, кто никого не слушает, прав в двух случаях. Или он действительно знает всё, или совершает нечто неправедное. Тому же, кто собирается заняться не вполне праведным делом, любые вопросы, а, тем более, вопросы оппонентов, будут только мешать. Подобная нравственно-политическая ситуация детально описана Ф. Достоевским в романе «Бесы».

Возможно, это качество реформаторов актуализировалось моментом их биографий. А. Чубайс, А. Кох, П. Авен, В. Машиц, А. Нечаев, А. Вавилов накануне своего назначения стали кандидатами экономических наук, а Гайдар — доктором экономических наук, и постдиссертационный синдром — повышение самооценки — только усиливался. Через год-полтора, когда негативные последствия реформ стали очевидными для мало-мальски мыслящих людей, Гайдар продолжал уверенно утверждать, что выбрал единственно правильный путь. Такое утверждение могло бы даже вызвать

уважение, если бы оно отражалось только в сфере литературного творчества или научных полемик, но ведь речь шла о судьбах людей великой страны в целом.

Чрезмерную самоуверенность Гайдара отмечают его ближайшие соратники. Вот мнение Машица, председателя ГК РФ по экономическому сотрудничеству с государствами СНГ: «Я думаю, что Гайдар себя позиционировал в интервале от Кейнса до Эрхарда» [19].

Анализируя работу Гайдара «Государство и эволюция», в которой он оправдывает свою концепцию приватизации, Ф. Бурлацкий отмечает «гипертрофированное самомнение автора и почти полное отсутствие рефлексии». «Не может не позабавить название книжки Гайдара. Это очевидная заявка на продолжение и опровержение известной работы Ленина «Государство и революция», претензия автора на историческую роль, которая может быть сравнима с ролью основателя советского государства. Тот повернул Россию в сторону коммунизма, этот рассчитывает повернуть её обратно» [20, с. 230]. «Манера и стиль, — пишет далее Бурлацкий, — тоже позаимствована у Ленина — та же безаппеляционность, то же нежелание обременять себя аргументами и фактами, та же спешка. Совершенно удивительно, но практически нет цифр, нет экономического анализа. Работа, которая претендует на обоснование экономических реформ, начисто лишена экономического фундамента, поэтому не может быть отнесена к категории экономических. Ещё в меньшей степени она может быть признана философской или политологической. Это не научная работа, а манифест идеолога, декларация политика. Раз поверив в концепцию М. Фридмана, он готов идти за ним до конца. Его не волнует ни падение производства и жизненного уровня, ни демографическая катастрофа, ни утрата реальных рынков в бывших союзных республиках, в Восточной Европе, в других регионах мира. Гайдара вообще не занимает цена реформ. Пусть провалится страна, её народ, только бы торжествовал принцип» [20, с. 231–232]. При этом Гайдар, подчёркивает Бурлацкий, ни в чём не раскаивается, ни о чём не жалеет, нигде не видит своих промахов. «Оставляя в стороне очевидную несоизмеримость масштабов личностей, Гайдар отличается в худшую сторону от Ленина, который всё же признавал свои ошибки» [20, с. 233].

Досрочно уходя со своего президентского поста, Ельцин торжественно попросил прощения у россиян. В отличие от Ельцина, глава Советской России Ленин, осознав, к чему привёл военный коммунизм, не стал просить у народа прощения. Он срочно развернул систему на 180 градусов и объявил НЭП. В книге «Госу-

дарство и эволюция», защищая свою концепцию реформ, Гайдар всё же вынужден согласиться, что, проведённая таким способом, она нанесла громадный ущерб национальным интересам России. Но в то же время осознаёт, что исправить содеянное, т. е. разворачиваться на 180 градусов было нельзя: «Не национализировать же назад то, что наконец-то стало «своим», не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распихать (именно так в тексте — *Т. К.*) по карманам» [21, с. 193]. Большевикам такие радикальные развороты не угрожали, в отличие от новой номенклатуры, «распихавшей по карманам» собственность великой державы.

Как и многие члены его правительства, Гайдар относится к тому типу научных работников, которые определяются понятием «кабинетный учёный». Он пишет о себе: «Нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми» [22, с. 68].

Контент-анализ его публикаций свидетельствует, что *психологический дискомфорт* от осознания своего несоответствия отведённой роли возрастал по мере понимания того, что реально произошло. Но осенью 1991 года предложение Ельцина возглавить работу по переходу России к рынку, Гайдар принял без колебаний. Члены правительства Гайдара — Авен и Кох свидетельствуют: «В 1991 г., приступая к реформам, Гайдар хотел быть премьер-министром. Только! Поэтому 18 декабря 1992 г., когда Верховный Совет РФ выразил ему недоверие, он отказался остаться первым замом у В. Черномырдина. Гайдар был против того, чтобы его команда оставалась в правительстве. Он хотел быть премьером, ему не хватало быть первым вице, и он твёрдо решил уйти. Как ему казалось, для будущего взлёта. Поэтому и увести хотел всех — пусть он за бортом, зато с командой» [19].

Спустя 10 лет, обсуждая в беседе с Кохом свой опыт работы во главе правительства, Гайдар признаётся: «Я как политик равен нулю. Мне больше нравится работа советника. Это моё, мне это удаётся, я готов проводить исследования, создавать тексты, давать советы, причем ответственные советы и т. д. Но так сложились обстоятельства, что я оказался лидером, а не советником» [23, С. 26].

Объединяло «младореформаторов», как тогда называли правительство Гайдара, то, что все они — дети советской номенклатуры со стандартной служебной карьерой: школа, комсомол, институт, аспирантура, КПСС, защита диссертации, работа в качестве научного сотрудника, участие в аппаратных совещаниях, подготовка информационно-аналитических документов — вся эта деятельность ограничена стенами служебных помещений. Общий по-

рок «кабинетных специалистов», заключающийся в слабом знании собственной страны, собственного народа, и, как выше отмечено Ясиным, «собственной промышленности», становится особенно непростительным, если речь идёт об управленцах такого ранга. И становится ещё более разрушительным, если речь идёт о проведении коренных государственных преобразований. Этот *фундаментальный недостаток реформаторов* отмечают те, кому приходилось сотрудничать с ними. «Было очевидно, что правительство возглавили люди, совершенно оторванные от практики — свидетельствует один из самых успешных российских губернаторов М. Прусак, достаточно близкий к реформаторам. — Они и выбрали самый радикальный, и самый болезненный вариант, поскольку не видели другого» [24, С. 14].

Кабинетные экономисты слабо разбираются в том, что такое реальная экономика и экономическое хозяйство, принимая за высшую истину прочитанные ими книги и учебники. Они всегда находятся под влиянием тех книг, которые прочитали последними, полагая, что все богатство экономической теории заключено именно в них. Сначала российские реформаторы читали Маркса — и были марксистами. Последними книгами были американские учебники по экономике, сделавшие их монетаристами.

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц так охарактеризовал российских реформаторов: «Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько искажёнными, что они не сумели решить даже более узкую задачу — увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились глубочайшего экономического спада» [25, С. 178]. Академик РАН Н.Н. Моисеев, характеризуя Гайдара, пишет: «Меня несколько озадачила его «самодостаточность». Способность «не сомневаться», столь необходимая военачальнику, но никак не отвечающая обязанностям аналитика. Как председатель Совета Академии наук по анализу критических ситуаций я 4 раза писал письма Гайдару с предложением услуг, но он на них даже не посчитал нужным ответить. Трижды наш совет организовывал в Верховном Совете слушания, и наши доклады направлялись в правительство. Ни разу я не видел ответной реакции... В 1992 г. Гайдар стал стремительно продвигать «шоковую терапию». При этом он говорил о том, что цены возрастут в несколько раз. Но академик А. Петров (тогда он был ещё чл.-корр. РАН), владевший развёрнутой системой математических моделей российской экономики, предсказывал повышение цен в 2–3 тыс. раз. А поскольку расчёты Петрова были строго обоснованы, то я стал подозревать, что Гайдар просто вообще ничего

не считал. Как я теперь понимаю, он и не мог считать, ибо это делать он не умел» [26, С. 74].

Махатма Ганди утверждал, что для успешного руководства необходимо знать и любить свой народ. Незнание социальной среды, в которой находится человек, является источником неприязни к ней. Отсюда пренебрежительные, и даже бесчеловечные оценки реформаторами собственного народа, вроде гибели 30 млн., «не сумевших адаптироваться к рынку» [27, с. 4]. Анализируя источники *ущербной морали* первых руководителей России, американский писатель Д. Сэттер, более двенадцати лет проживший в России, приходит к следующему выводу: «Большинство этих «молодых реформаторов» в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать «построению коммунизма». Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще» [28, с. 47]. Незнание собственного народа является также источником «социобоязни», страхов перед ним. Это качество реформаторов подметили работавшие в России американские экономисты: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества. Причины драмы в том, что эмоции типа параноидального страха (голода, гражданской войны, возвращения коммунистов) не были обузданы разумом — логикой и расчётом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости — невежества» [29, С. 64–65].

Приступая к приватизации, члены гайдаровского правительства постоянно подчёркивали, что их не интересуют источники обогащения новых собственников, главное — создать класс собственников. Что, по существу, означало *отмену морали*.

Анализ публикаций и высказываний Гайдара в последние годы жизни даёт основание предположить о нарастающем *чувстве ответственности* за произошедшее, как источнике острого психологического дискомфорта. В этой связи показательно, что в одном из своих последних телеинтервью (в марте 2009 года В. Познеру) Гайдар признался, что знает о ненависти к себе большинства населения России. Жить под подобным морально-психологическим прессом — тяжёлое испытание даже для очень смелого и очень решительного человека. Чувство вины он всё-таки переживал. Пред-

положить наличие подобного чувства у членов его команды трудно, здесь всё проще.

Стержень и основа гайдаровских реформ — приватизация. Организационной структурой приватизации и её оперативным штабом был Госкомимущества РФ. Его возглавил «самый способный», по словам Гайдара, среди реформаторов администратор, или, по нынешней терминологии, самый «эффективный менеджер», А. Чубайс. Мало кто из российских политиков и государственных деятелей новейшего времени может сравниться с Чубайсом по постоянству присутствия в политике на заметных ролях. С ноября 1991 г., — председатель Госкомитета по имуществу РСФСР. До апреля 1998 г. с небольшими перерывами он занимает различные ключевые посты в государстве, входит в руководство влиятельных партий и общественных организаций. Весь постсоветский период он находится в постоянной близости к первым лицам государства. Вместе с тем Чубайс — самый непопулярный политик России. По данным опросов, негативное отношение к нему выражают от 83 до 92% населения России. О том, что Чубайс наделён особым талантом эффективного менеджера, не пишут только самые «ленивые» масс-медиа. Хотя есть и иная, более близкая к российским реалиям точка зрения. «Коллективный Чубайс создал в России теорию и практику «эффективного менеджера», — характеризует новое явление в российской экономике С. Белковский. — Эффективный менеджер приходит на любую должность с одной-единственной универсальной целью: правильно организовать финансовые потоки. Так, чтобы большая часть этих потоков оседала на оффшорных счетах. Эффективный менеджер — это и есть самое страшное, что бывает в нынешней России» [30, С. 3]. Демонстрация своей ловкости в неправовых действиях — характерная черта «эффективных менеджеров». Чубайс откровенно признаётся в том, как ему ловко удалось протащить программу залоговых аукционов через Верховный Совет [31, С. 30–31.] В ноябре 2004 года в интервью газете «The Financial Times» Чубайс прояснил, наконец, «истинную» (и вполне идеологическую) цель приватизации: «Приватизация была проведена исключительно с целью борьбы за власть против коммунистических руководителей. Нам нужно было от них избавляться, а у нас не было на это времени. Счёт шёл не на месяцы, а на дни» [32, p. 8]. Чубайс также считает правильным проведение залоговых аукционов, когда, как пишет «The Financial Times», «самые ценные и крупные российские активы были переданы группе магнатов в обмен на займы и поддержку тяжело больного Ельцина на

выборах 1996 года. Передача олигархам контроля над предприятиями с сотнями тысяч рабочих нам помогла приобрести административный ресурс, который предотвратил победу оппозиционеров на президентских выборах: Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграли бы выборы в 1996 году» [32, p. 9]. В том же интервью он признаётся в обмане — обещанная стоимость ваучера равная стоимости двух автомобилей была всего лишь «пропагандистским обеспечением».

После скандала с «коробкой из-под ксерокса» с 538 тыс. долларов последовал скандал с получением от американцев 90 тыс. долларов за ненаписанную книгу. Общественный резонанс заставил Ельцина удалить Чубайса с государственной службы, и он становится председателем РАО ЕЭС. Вскоре после массового аварийного отключения электричества в Москве в мае 2005 г. журналисты договорились о встрече с главным энергетиком России. О том, как проходило это интервью пишет М. Ростовский: «Глава РАО ЕЭС Чубайс вошёл в комнату, прочитал краткое заявление и направился к выходу. Мы попытались его остановить: «Анатолий Борисович, куда же вы? У москвичей к вам много вопросов!». Чубайс повернулся и тоном, с каким обычно говорят с очень маленькими, несмышлёными детьми, произнёс: «У москвичей нет ко мне вопросов! Я это прекрасно знаю: я сам — москвич и у меня нет к себе вопросов» [33, С. 1].

В 2009 г. на Саяно-Шушенской ГЭС произошла крупнейшая в российской истории катастрофа: погибли 75 человек, был разрушен самый мощный гидроэнергетический объект страны. «Авария уникальна, — сообщил министр РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С. Шойгу. — Ничего подобного в мировой практике не было» [43, с. 20]. В Акте комиссии Ростехнадзора (пункт 7. «Лица, способствующие возникновению аварии») указаны трое должностных лиц, несущих «главную вину за создание условий, способствующих возникновению аварии», в том числе руководитель РАО ЕЭС России А. Чубайс [35]. Он публично признал свою вину. Да и отчего же не признать, если не нести за это никакой ответственности? С 2008 г. Чубайс — генеральный директор государственной корпорации «РОСНАНО». За семь лет у корпорации громких финансовых скандалов было немало. А в апреле 2013 года Счётной Палатой РФ был выявлен огромный объём финансовых нарушений. Одна только программа по разработке отечественных планшетных устройств, принесла убытки более 32 миллиардов рублей [36, С. 59]. Здесь уместно вспомнить индийского философа

Бракована Шри Радгнеша (Ошо), который писал: «Вы слышали, что грешники отправляются в ад, — но это не так. Наоборот, куда бы не попал грешник, — он там создаёт ад» [37, с. 79].

У российских реформаторов понятие не только греха, но и вообще каких-либо нравственных ограничений отсутствует в их рациональном жизненном кредо. В интервью газете «The Financial Times» Чубайс признался: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски» [32, p. 8–9.]

В нашей периодике это интервью было многократно прокомментировано. Достоевский своими нравственными исканиями реформаторов особенно раздражает. Да и всё, что выходит за пределы рынка, вызывает у них недоброжелательность и агрессию, даже преподавательская деятельность. «Если ты доцент, и у тебя нет бизнеса, то на кой черт ты мне вообще нужен! — пытаясь в очередной раз объяснить особенности нового экономического курса, заявил Чубайс на заседании Правительства Иркутской области. — Преподаватель, не способный создать бизнес, ставит под вопрос свой профессионализм» [38, С. 18].

Штаб приватизации — Госкомимущество РФ — Чубайс передал своему заместителю Коху. Репутацию наиболее одиозной фигуры он приобрёл благодаря залоговым аукционам, стремительно проведённым в течение 1995–1996 гг. До сентября 1997 г. Кох работал вице-премьером, выше него были только две должности: премьер и президент. Вынужденный уход из правительства в 1997 г. связан с заведёнными прокуратурой Москвы уголовными делами о злоупотреблениях должностными полномочиями. Спасаясь от судебного решения, Кох смог эмигрировать в США, где дал своё знаменитое интервью радио WNMB, проникнутое крайней неприязнью к России, её народу, и издал книгу «Распродажа Российской империи». Уголовные дела в 1999 г. в отношении Коха были прекращены по амнистии, его назначили генеральным директором холдинга «Газпром-Медиа». В феврале 2002 г. Кох становится членом Совета Федерации от Ленинградской области, но по требованию областного прокурора был лишён мандата сенатора. Московская прокуратура возбудила против Коха новое уголовное дело, одним из эпизодов которого стал залоговый аукцион по комбинату «Норильский никель», проданный за бесценок. Так как власти США запретили Коху въезд в страну, он проживает теперь в Германии.

Для завершённости «портрета» команды Гайдара можно добавить ещё одного персонажа — Андрея Вавилова, ключевую фигуру гайдаровского правительства. Его назначение первым заместителем министра финансов РФ состоялось в конце марта 1992 года, когда определился масштаб возможностей и конкретизировались цели и задачи реформаторов. В сферу ответственности Вавилова входили разработка и реализация макроэкономической политики, решение проблем федерального бюджета, выстраивание отношений с международными финансовыми организациями, такими как МВФ и МБРР. В те годы он был ответственным секретарём различных правительственных комиссий: по вопросам кредитной политики, по государственному внешнему долгу и финансовым активам РФ и др. Везде он проявлял незаурядную активность и выдвигал различные идеи, в частности, ему принадлежит не только идея, но и организация «чёрного вторника» (катастрофического обвала курса рубля на торгах ММВБ 11 октября 1994 г.). Афера вызвала столь широкое возмущение общественности, что пришлось Вавилову объявить строгий выговор «за допущенную в октябре 1994 г. критическую ситуацию на финансовом рынке, создавшую угрозу экономической безопасности Российской Федерации» [39]. «Чёрный вторник» был знаковым событием — он чётко обозначил направление деятельности реформаторов даже для тех, у кого оставались ещё какие-то сомнения в их целях. Знакомство с биографией Вавилова вызывает ассоциации со знаменитым героем Ильфа и Петрова — подпольным миллионером Корейко. Широкой общественной известности Вавилов не имел, он никогда не был министром, только заместителем, никогда не появлялся в масс-медиа, всегда предпочитал оставаться в тени. Да и зачем известность человеку, который с августа 1995 г. визировал от имени Минфина документы по залоговым аукционам, представлявшим собой «самую масштабную и самую быструю передачу государственной собственности в частные руки» [40, С. 4].

С марта 2000 года Вавилов стал председательствовать в совете директоров нефтяной компании «Северная нефть». В 2001 году Генпрокуратура возбудила против него уголовное дело. «Сведущие люди давно знали о реальных полномочиях замминистра финансов — полномочиях, которые выходят далеко за пределы его формально очерченных функций. Преступники точно знали, кто в министерстве финансов «номер первый». Первый, конечно же, тот, кто распределяет деньги, а не тот, кто вещает с трибуны или рисует стрелочки на карте страны. С представительско-политическими функциями в Минфине прекрасно справляется его номинальный

руководитель А. Лившиц, с денежно-распорядительными — реальный глава этого ведомства А. Вавилов — самый богатый чиновник России» [41, С. 4]. По словам газеты, Вавилов прочно занимал вершину теневого рейтинга влиятельности. Неудивительно, что в 1996 г., — время президентских выборов — казначеем предвыборной кампании президента России Ельцина был назначен Вавилов. Разумеется, без каких-либо постановлений, так как это было бы грубейшим нарушением законодательства. В 2003 г. Вавилов был назван журналом «Forbes» в числе 100 самых богатых россиян. Его состояние на тот период было оценено журналом в 680 миллионов долларов. Только после кончины Ельцина, в 2007 г. суд установил, что Вавилов присвоил 231 млн. долларов. Но так как преступление было совершено в 1994 году, то за давностью срока уголовное дело было закрыто, но обвинение в хищении не было снято. Из-за этого Вавилов вынужден был эмигрировать в США.

***

Если о таких современных реформаторах, как Дэн Сяопин, Вацлав Гавел, Владимир Мечъяр, Лешек Бальцерович, Альгирдас Бразаускас существует обширная библиография, то личность Егора Гайдара и его единомышленники до сих пор остаются на периферии внимания наших обществоведов, включая социальных психологов. Это вызывает сожаление, ибо через короткое время российское общество будет отмечать 25-летие начала экономических реформ, глубокий анализ которых ещё не представлен общественности в полной мере. И прежде всего не раскрыта заслуживающая внимания роль субъективного фактора, исследования которой по сути должны быть междисциплинарными [42]. Как справедливо отмечал академик РАН Л.И. Абалкин, «если исключить психологический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «чёрном вторнике» 1994 г., и о дефолте 1998 г., да и вообще об экономической реформации России 1990-х годов». [43, С. 173].

Литература

1. Богомолов О.Т. Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
2. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
3. Журавлев А.Л. Детерминация социально-психологической динамики в изменяющемся обществе: некоторые итоги исследований // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 215–223.
4. *Журавлева Н.А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
5. Гринберг Р.С. Слово к читателю // Мир перемен. 2010. № 1.
6. Российская газета. 2011. 25 сентября.
7. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
8. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений в обществе // Труды Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 123–129.
9. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
10. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
11. *Кочеткова Н.В., Журавлев А.Л.* Динамика социально-психологических качеств современного российского предпринимателя // Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999. С. 130–132.
12. *Журавлев А.Л.* Особенности экономического сознания работников предприятий с разной формой собственности // Проблемы экономической психологии. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 167–204.
13. *Журавлева Н.А., Журавлев А.Л.* Экономические представления работников предприятий с разными формами собственности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: Юбилейная научная конференция. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 317–331.
14. *Позняков В.П., Журавлев А.Л.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
15. *Позняков В.П., Журавлев А.Л.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
16. Сиващенко Е.Н., Журавлев А.Л. Предпочтение личностных качеств руководителя работниками предприятий с разными формами собственности // Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999. С. 150–166.
17. Экономическая политика. 2009. № 6. С. 5.
18. Московский комсомолец. 2010. 25 января.
19. http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/66709-my-byli-kak-v-grazhdanskuyu-voinu-burzhuaznye-spetsialisty
20. Бурлацкий Ф.М. Политическая наука и реальная политика. М., 2008.
21. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995.

22. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997.
23. Интервью с Е. Гайдаром // Медведь, 2007. № 9 (107).
24. Прусак М.М. Реформы в провинции. М., 1999.
25. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
26. Моисеев Н.Н. Избранные труды в 2-х тт. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. М., 2003.
27. Соловьёв А. Говорит и показывает А. Чубайс // Промышленные ведомости. 2002. № 17.
28. Сэттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М., 2004.
29. Эмсден А., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. М., 1996.
30. Московский комсомолец. 2010. 9 марта.
31. Интервью с А. Чубайсом // Итоги. 2001. № 3.
32. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. 13.11.2004.
33. Московский комсомолец. 2014. 22 января.
34. Техногенное самоубийство // Эксперт. 2009. № 32.
35. htpp://www.gosnadzor.ru/news/aktSSG.dok
36. Бюллетень Счётной палаты РФ. 2013. № 5.
37. Ошо (Бхагаван Шри Раджнеш). Начало начал. М., 1992.
38. Промышленные ведомости. 2009. № 11–12.
39. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.1994 № 1706-р htpp://www.gazeta.aif.ru/online/sv/140/13-01
40. Независимая газета. 1997. 4 февраля.
41. Сегодня. 1997. 5 февраля.
42. Журавлев А.Л. Специфика междициплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
43. Абалкин Л.И. Выбор за Россией. М., 1999.

Захарова Е.А.

ВНЕДРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ КАДРОВОГО СОСТАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

INTRODUCTION OF MODERN HR TECHNOLOGIES IN THE MANAGEMENT OF PROFESSIONALIZATION OF MUNICIPAL SERVICES STAFF

Захарова Елена Александровна — доцент кафедры политологии государственной и муниципальной службы муниципального автономного учреждения высшего профессионального образования «Воронежский институт экономики и социального управления» e-mail: zea101@mail.ru
Zakharova Elena Aleksandrovna, Assistant Professor of the Political Science, State and Municipal Service Department of the Municipal Educational Institution of Higher Professional Education «Voronezh Institute of Economics and Social Management» e-mail: zea101@mail.ru

Аннотация: В статье на материалах авторского эмпирического исследования рассматриваются проблемы применения кадровых технологий в системе муниципальной службы. На основании исследования сделан вывод о том, что в настоящее время необходима технологизация процесса профессионализации при прохождении муниципальной службы, которая основывается на комплексном подходе и внедрении современных кадровых технологий.
Summary: The consideration of problems of using HR policies and procedures in the municipal services based on the works of the author's empirical researches has been presented in this article.
The conclusion based on the author's researches has been made that nowadays the technologization of the process of the professionalization during the municipal service is needed. It must be based on the complex approach and introduction of modern HR technologies.

Ключевые слова: профессионализация, кадровые технологии, систематизация кадровых технологий, муниципальное управление, муниципальная служба.
Key words: professionalization, HR technologies, Systematization of HR policies and procedures или Systematization of HR technologies, municipal management, municipal services.

Достижение результатов и эффективность деятельности муниципальных служащих зависит в современных условиях не только, а может даже не столько от объема финансовых ресурсов (что очень часто называется в качестве основной причины), сколько от способности к управлению кадров муниципального образования,

умения эффективно использовать наличные ресурсы. Именно поэтому кадровый состав органов местного самоуправления становится критическим фактором развития муниципальных образований, оптимизатором их деятельности, как в количественном, так и в функциональном направлении» [1, С. 43].

Широкий диапазон направлений деятельности муниципальных служащих по решению вопросов местного значения обусловливает необходимость непрерывного процесса их профессионализации. Традиционно с этой целью используются различные формы дополнительного образования служащих при общей недооценке в данном процессе роли кадровых технологий. Учитывая, что профессионализация — это «система преимущественно детерминированного технологического уровня включения и осуществление человеком профессиональной деятельности» [2, с. 131], на наш взгляд, внедрение и использование особого вида социальных технологий — кадровых — является одним из важнейших инструментов повышения уровня профессионализации муниципальных служащих и обеспечения эффективности работы органов местного самоуправления (МСУ).

Изменение в кадровом обеспечении муниципального управления невозможно без формирования условий и путей внедрения этих технологий, выявления «узких мест» профессионализации, нуждающихся в более технологичном решении. Возникает объективная потребность в корректировке социальных методов управления важнейшим ресурсом муниципальных образований — кадрами, наполнении применяемых технологий новым содержанием, обеспечивающим их инкорпорированность со стратегическим подходом в управлении и поиском наиболее эффективных моделей взаимодействия с социальной средой [3, с. 24] в контексте совершенствования внешнего и внутреннего имиджа органов местного самоуправления.

Анализ современной кадроведческой литературы и нормативно-правовых источников по вопросам внедрения и совершенствования применения кадровых технологий в кадровую работу органов местного самоуправления позволил автору систематизировать кадровые технологии, применяемые в системе муниципальной службы.

К первой группе относятся кадровые технологии, обеспечивающие получение всесторонней достоверной персональной информации о муниципальном служащем, включающие основные формы оценки его служебной деятельности, которые, как правило, имеют правовую основу, установленный порядок проведения

и применения полученных результатов (аттестация и квалификационный экзамен). Вторую группу составляют кадровые технологии, которые обеспечивают требуемые как текущие, так и перспективные количественные и качественные характеристики состава персонала (конкурс на замещение вакантных должностей муниципальной службы, формирование резерва кадров). В третью группу включены кадровые технологии, направленные на повышение результативности деятельности как отдельных специалистов, так и на получение синергетического эффекта от согласованных действий всего персонала. Сюда следует отнести подбор и расстановку персонала, ротацию, управление карьерой, профессионально-квалификационное развитие.

По мнению отдельных исследователей-кадроведов [4, с. 144], помимо традиционных, в состав наиболее значимых кадровых технологий в системе муниципальной службы следует также включать профессиональную социализацию и адаптацию кадров; формирование благоприятного морально-психологического климата, предотвращение и разрешение конфликтов; обеспечение социальных гарантий для муниципальных служащих и т. п.

Следует также отметить достаточно интересный и актуализированный подход к классификации кадровых технологий Абакарова Д.К., включающего в состав кадровых технологий, помимо традиционных, инновационные кадровые технологии — комплексную оценку кадрового обеспечения, в том числе общественную оценку, технологию превенции профессионально-служебных деструкций, информатизацию кадровых процедур [5, С. 22].

Как видим, создание системы профессионализации муниципальных служащих предполагает использование кадровых технологий на каждом из ее этапов.

Анализ практики применения кадровых технологий на муниципальной службе Воронежской области показывает, что в настоящее время в этой области существует ряд проблем.

Первая из них связана с недостаточным нормативным обеспечением кадровых технологий в органах МСУ, которое имеет большое значение для построения системы профессионализации муниципальных служащих, поскольку упорядочивает использование результатов кадровых технологий, играет стимулирующую роль для персонала.

В ходе проведенного автором исследования профессионализации муниципальной службы Воронежской области установлено, что на федеральном, региональном и муниципальном уровне правовыми актами регламентируются ограниченный спектр кадровых

технологий: конкурс на замещение вакантной должности муниципальной службы, конкурс на включение в кадровый резерв, квалификационный экзамен, аттестация и ряд других, в то же время как значимые для повышения профессионального уровня служащих технологии управления карьерой, ротация, стажировка, адаптация не получили нормативного закрепления. На это указывает 46% опрошенных муниципальных служащих Воронежской области, при этом 53% из них считают, что нормативное обеспечение технологий работы с кадрами будет способствовать профессионализации и повышению эффективности деятельности органов МСУ [6]. Соответственно, для кадровых служб муниципалитетов не предусмотрено и функций по применению перечисленных технологий.

Вторая проблема связана с восприятием значимости и оценкой применения кадровых технологий. Как показывают результаты исследования, на практике в муниципальных образованиях используется далеко не весь арсенал современных кадровых технологий. Это подтверждают оценки муниципальными служащими важности применения кадровых технологий на муниципальной службе и степени их практического использования (таб. 1)

Таблица 1 — Распределение мнений муниципальных служащих о важности использования кадровых технологий и степени их внедрения в практику работы с кадрами

Какие кадровые технологии наиболее важны в практике управления персоналом муниципальной службы?	Процент ответов	Какие кадровые технологии используются в органах местного самоуправления Вашего муниципального образования?	Процент ответов
Конкурсная технология замещения должностей муниципальной службы	60,7%;	Конкурсная технология замещения должностей муниципальной службы	14,0%;
Профессиональная адаптация сотрудников	38,2%;	Профессиональная адаптация сотрудников	2%
Квалификационный экзамен	71%;	Квалификационный экзамен	45,6%;
Стажировка	0,5%.	Стажировка	17%
Аттестация	85,8%;	Аттестация	62,5%;
Формирование кадрового резерва и работа с ним	47,3%;	Формирование кадрового резерва и работа с ним	16,4%;
Ротация кадров	21,3%.	Ротация кадров	0,6%;
Испытательный срок	5,2%	Испытательный срок	4,1%
Повышение квалификации и курсовая подготовка и переподготовка	66,8%	Повышение квалификации и курсовая подготовка и переподготовка	49,4%

Приведенные данные свидетельствуют, что органы местного самоуправления ориентированы на традиционные технологии работы с кадрами (аттестация, квалификационный экзамен), что, безусловно, способствует непрерывности процесса профессионализации, но в то же время указывает на недооценку иных, в том числе инновационных кадровых технологий для развития профессиональных способностей муниципальных служащих.

Третьей проблемой, которую называют муниципальные служащие (62% опрошенных) — это формальный характер использования технологий работы с кадрами. Конкурс на замещение вакантной должности муниципальной службы и конкурс в кадровый резерв отмечены как применяемые наиболее формально, а оценочные технологии — как наименее формально.

Следующая проблема связана с качеством владения технологиями работы с кадрами сотрудниками кадровых служб. Недооценивая значение кадровой работы, отдельные руководители органов МСУ отводят кадровым службам вспомогательную роль. Их статус принижен, а работники перегружены дополнительными функциями, не связанными с кадровой работой (делопроизводство, мобилизационная работа, оргработа и т. п.).

Данные проведенного исследования наводят на вывод о том, что уровень владения знаний о кадровых технологиях и их практическом применении руководящего состава органов МСУ в целом можно оценить как средний, что необходимо учитывать при проведении различного рода обучения по совершенствованию управления в конкретных органах МСУ. В таких условиях можно выдвинуть предположение о необходимости нового методического обеспечения руководители и работники их подразделений по вопросам муниципальной службы органов МСУ. Но при этом научная разработка таких методик и технологий возможна только с учетом практического опыта самих кадровых служб муниципальных органов, поэтому эта деятельность должна носить комплексный характер и поддерживаться другими мероприятиями.

Можно сколько угодно рассуждать о повышении эффективности муниципального управления путем внедрения кадровых технологий, но нельзя не принимать во внимание мотивационный аспект профессионализации муниципальной службы. К сожалению, сегодня приходится констатировать, что основными мотивационными причинами в желании занять муниципальную должность являются такие как высокая заработная плата (55,8%), наличие социальных благ и льгот (43,7%), и лишь 25,5% указали на желание приносить пользу муниципальному образованию [6]. При этом не

удовлетворены своей профессиональной деятельностью около одной трети служащих.

В числе причин неудовлетворенности наряду с несовершенством существующей системы оплаты труда, низкой оценкой муниципальной службы в обществе, служащие отмечают отсутствие перспектив продвижения по службе. На наш взгляд, неудовлетворенность части муниципальных служащих своим должностным положением может повлечь за собой негативные последствия, например, слабое использование своего профессионального потенциала, потерю интереса, снижение творческой активности в профессиональной деятельности, и в конечном итоге — отток квалифицированных муниципальных кадров. Так, только в 2012 году около 20% муниципальных служащих региона перешли на работу в другие структуры. Обращает на себя внимание и то, что почти 35% муниципальных служащих не удовлетворены своим должностным статусом из-за отсутствия перспектив повышения.

В этой связи стоит заметить, что в рамках одного муниципального образования, особенно в небольших городских и сельских поселениях, возможности для карьерного роста муниципальных служащих трудно обеспечить, т. к. они крайне ограничены. Такая узость карьерного роста приводит к целому ряду негативных последствий. Муниципальные служащие, не видя перед собой возможностей для карьерного роста, перестают самосовершенствоваться, выполняют свои должностные обязанности по шаблонам, которые не меняются годами, теряют гибкость в принятии решений, что неблагоприятно отражается на их уровне профессионализации, и, как следствие, на эффективности деятельности органов местного самоуправления. В практику работы органов местного самоуправления не проникают новые технологии, не используются прогрессивные методики, и как следствие, имеет место низкое качество предоставляемых муниципальных услуг, многие вопросы местного значения не решаются годами, что приводит к формированию негативного имиджа органов МСУ.

Исследуя механизмы управления профессионализацией муниципальной службы через призму активизации использования в этом процессе кадровых технологий, автор обращает внимание на то, что все они взаимосвязаны и требуют комплексного подхода к их внедрению. Так, например, актуализация использования технологий управления карьерой в процессе профессионализации муниципальной службы заключается в том, что она создает стимулы для профессиональной деятельности и определяет вектор развития индивидуальной профессионализации путем влия-

ния на функции, должностные статусы и роли муниципальных служащих, это помогает закрепить на муниципальной службе наиболее одаренных, творческих, неординарно мыслящих управленцев. В качестве базового элемента управления процессом профессионализации муниципальных служащих в субъекте РФ нужно рассматривать кадровые службы муниципальных образований, в каком бы виде они не существовали, которые должны изменить стиль и метод своей работы и превратиться из отделов кадров, занимающихся вопросами оформления, приема и увольнения муниципальных служащих, в действенный механизм работы с кадрами на всех этапах прохождения гражданином муниципальной службы, ее профессионализации.

Это актуализирует создание на уровне региона системы профессионализации муниципальной службы, исходя из функционального разделения субъектов управления профессионализацией — кадровых служб органов местного самоуправления различных типов муниципальных образований сельских поселений, городских поселений, муниципальных районов, городских округов, а также государственных органов исполнительной власти, которые курируют развитие муниципальной службы региона.

Анализ внедрения современных кадровых технологий в управление профессионализацией кадрового состава муниципальной службы позволил определить основные проблемы, к числу которых относятся: проблемы в нормативном обеспечении кадровых технологий в органах МСУ; формальный характер использования кадровых технологий и отсутствие системы в применении кадровых технологий; неэффективное использование технологии конкурсного отбора и формирования кадрового резерва; неопределенность перспектив карьеры кадров; недостаточный профессионализм и низкая степень владения сотрудниками кадровых служб технологий работы с кадрами и пр.

С учетом перечисленных выше проблем очевидно, что в настоящее время необходима технологизация процесса профессионализации при прохождении муниципальной службы, которая основывалась бы на комплексном подходе и использовании современных кадровых технологий, способствующих достижению максимальной отдачи и получению оптимальных результатов от выполнения должностных обязанностей каждым муниципальным служащим, заинтересованном в своем профессионально-должностном развитии, творческом отношении к труду, формированию собственного положительного имиджа во внутренней и внешней среде, а также имиджа органа местного самоуправления.

Ссылки и примечания:

1. Мельникова Р.И., Захарова Е.А. Использование мониторинговых измерений в процессе функционирования муниципальной власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 2 (121). С. 40–45.
2. Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М., 1998.
3. Макагонова Н.М. Управление кадровыми процессами в муниципальной службе: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.
4. См.: Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технология. М., 2014; Магомедов К.О. Социология государственной службы. М., 2007 и др.
5. Абакаров Д.К. Социально-инновационные основания управления развитием профессионализма государственных служащих: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2013.

Ковалева Ю.В.

СОГЛАСОВАННЫЙ И НЕСОГЛАСОВАННЫЙ ТИПЫ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ НА ЭТАПЕ СЕПАРАЦИИ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ

COORDINATED AND UNCOORDINATED TYPES OF FAMILY ENVIRONMENT IN THE STAGE OF ADULT CHILDREN SEPARATION

Ковалева Ю.В., ст. н. с. ФГБУН ИП РАН, к. п. н., julkov@inbox.ru
Kovaleva Y.V.

Аннотация: *Изучались семьи со взрослыми детьми на этапе сепарации. Эмпирическим путем выделены согласованный и несогласованный типы семейной среды как два способа организации предметной области семьи*. Показано, что эти типы соотносятся с различной координацией индивидуально-психологических характеристик членов семьи. Результаты свидетельствуют в пользу целостного характера психологического взаимодействия, неразделимости его социального и предметного сторон.
Abstract: The family with adult chldren in the stage of their separaton were studied. Coordinated and uncoordinated family environment types were apportioned empirically as two ways of the organization of family subject domain. It was shown that these types correspond to different coordination of psychological characteristics of family members. Results testify in favor of complete nature of psychological interaction, inseparability of its social and subject aspects.

Ключевые слова: социальная общность, семья, коллективный субъект, психологическое взаимодействие, сплоченность, согласованность
Key words: social community, family, collective subject, psychological interaction, cohesion, coordination

В исследованиях последних лет заметен интерес к изучению интегративных психологических феноменов, в том числе имеющих отношение к семье [12, 19, 20, 29]. Это соответствует современному методологическому тренду, отражающему ориентацию на целостный подход к изучаемому психологическому явлению [4, 6, 11, 14, 25] в отличие от элементаристского, более характерного для естественно-научных работ [15]. Так А.В. Юревич среди особенностей современной гуманитарной парадигмы отмечает необходимость изучения целостной личности, включенной в ее жизненный контекст [41]. По мнению Г.М. Андреевой, при изучении малой группы, к которой можно отнести и семью, актуальным остается

изучение «процесса превращения <…> группы в психологическую общность людей» [2, С. 85]. Представляется, что решения данного вопроса могут находиться в теоретических положениях, разработанных А.Л. Журавлевым и относящихся к психологии коллективного субъекта [5], и концепции развивающего психологического взаимодействия Я.А. Пономарева [26].

Семейные отношения подразумевают взаимозависимость членов семьи, включенных в широкую сеть социальных взаимодействий и объединенных общей историей [39], что соответствует основным *критериям коллективного субъекта* — взаимосвязанности, совместной активности и саморефлексивности [5]. Семья как коллективный субъект может отличаться определенным уровнем субъектности или в разной мере «быть активным, выступать единым целым, ответственным» [5, С. 57] субъектом, а «характеризовать коллективный субъект может та или иная совокупность качеств» [там же]. Среди свойств коллективного субъекта называются сплоченность, совместимость и согласованность [4]. Сплоченность изучается в связи с эффективностью деятельности группы и вопросами управления [7, 34]. Показана роль сплоченности и как семейной характеристики в связи с семейным самоопределением в юношеском возрасте [21] и тревожностью родителей детей-инвалидов [22]. В этих работах сплоченность определялась по индивидуальным показателям респондентов.

В серии наших исследований, выполненных в русле субъектного подхода [3, 37], изучалась сопряженность различных переменных членов семьи. Получены данные о согласовании переменных саморегуляции женщин во время беременности с различными психологическими характеристиками их супругов (локусом контроля, копинг-стратегиями, психическими состояниями), показаны сильные и слабые стороны регуляции поведения в супружеской паре и их взаимная компенсация [8]. Показано согласование переменных эмоциональной регуляции будущих родителей на поздних этапах вынашивания, которое проанализировано с учетом пренатальных потребностей плода [10]. Установлены различия в структурах связей переменных, связанных с регуляцией поведения, у супругов без детей, во время ожидания первого и второго ребенка, а также у супругов с различными уровнями семейной сплоченности [9, 10]. Предложен новый конструкт *«совместная регуляция поведения»* [10], позволяющий предположить существование психологических структур, отражающих взаимодействие субъектов на разных этапах их развития и в различных условиях. Специфика согласованности этих структур представляет интерес, поскольку может

служить *критерием* для определения *уровня развития* коллективного субъекта, а *динамика* — признаком перехода группы на очередной этап развития [4].

Эти выводы согласуются с подходом, развивающим представления о коллективном субъекте, и в котором подразумевается возможность эмпирического изучения психологических структур, носителями которых являются члены социальной общности [18]. На основании теоретическоих положений Я.А. Пономарева о развивающем психологическом взаимодействии и современных эволюционных принципов аргументируется необходимость рассмотрения в качестве одного из компонентов взаимодействия именно социальной общности, а не отдельных индивидов или их суммы. Коллективный субъект является носителем всех моделей взаимодействия общности со своей предметной областью, а индивид — части моделей, в соответствии со своей ролью во взаимодействии. Модели зафиксированы в нейронах, специализированных относительно конкретного цикла взаимодействия [26, 38], и проявляются в конкретных характеристиках индивидов. Специфика их согласования (сходство, теснота связей, зависимость, общность предмета связи) является критерием сформированности коллективного субъекта [18]. (Развитие данных положений см.: [1, 17]). Таким образом, возможно изучение семьи как целостной социальной общности на основе анализа *особенностей согласованности* характеристик ее членов.

Настоящее исследование продолжает изучение семьи на различных этапах ее жизненного цикла [10]. Этап сепарации взрослых детей позволяет увидеть конкретное наполнение предметной области семьи новыми правилами поведения, ролями и ценностями, характерными для постепенного включения детей во взрослую жизнь.

Необходимо заметить, что «социальная общность» и «предметная область» — познавательные конструкции, используемые нами для облегчения понимания результатов исследования. Взаимодействие является целостным, не сводимым к социальным или предметным его сторонам. Таким образом, индивидуально-психологические характеристики членов социальной общности и способы их согласования должны соотноситься со свойствами и структурой предметной области, поскольку взаимодействие индивидов, собственно и составляющих коллективный субъект, происходит именно через нее [18].

Гипотезой исследования является предположение о различных сочетаниях индивидуально-психологических характеристик чле-

нов семьи в соответствии с согласованностью оценок семейной среды, сделанных ее членами. Для этого в работе использовалась *Шкала семейного окружения (Family Environmental Scale)* [40], предназначенная для измерения отношений и личностного роста членов семьи, а также способов управления семьей (мы считаем, что более точный перевод названия — *Шкала семейной среды*). Каждый компонент содержит несколько шкал, которые представляются адекватным отображением некоторых характеристик предметной области семьи, например, таких, как направления совместной активности, отдыха, способы решения проблем, ориентиры развития, ценности, правила.

Шкалы методики, служившие также переменными в настоящем исследовании, следующие: 1) *шкала отношений: Сплоченность (С); Экспрессивность (Э)*; *Конфликт (К-т)*; 2) *шкала личностного роста: Независимость (Н)*; *Ориентация на достижения (ОД)*; *Интеллектуально-культурная ориентация (ИКО)*; *Ориентация на активный отдых (ОАО)*; *Морально-нравственные аспекты (МНА)*; 3) *шкала управления: Организация (О); Контроль (К-л)*.

С помощью коэффициента конкордации Кендалла была рассчитана внутрисемейная согласованность индивидуальных оценок по шкалам. Выборка из 33 триад была разделена на две группы. В группу № 1 (Гр. 1) вошли триады с согласованными оценками семейной среды (N=15), 45 человек. В группу № 2 (Гр. 2) вошли триады с несогласованными оценками (N=18), 54 человека. Подобная организация исследования через сравнение малых групп, обладающих различными характеристиками, является типичной и распространенной в современной социальной психологии [23, 24, 32, 35, 36].

Предполагается, что совпадение или несовпадение оценок свидетельствует о различных *типах семейной среды*. Для *согласованного* типа может быть характерен более комфортный психологический семейный климат, который, однако, способен препятствовать сепарации. Напротив, при *несогласованном* типе различие мнений и, как следствие, меньший комфорт могут способствовать отделению взрослых детей. Планируется найти подтверждение или опровержение этих предположений через количество и способы связей переменных в выделенных группах. В исследовании также изучались — личностная и ситуативная тревожность как показатели эмоциональной напряженности в семье, психологическое качество «жизнестойкость» для определения адаптивности и ценностные ориентации как целевые ориентиры членов семьи.

В целом, данное исследование включается в более широкое научное направление, активно разрабатываемое в Институте психо-

логии РАН и получившее название — *психологические проблемы современного российского общества* [16, 28, 30, 31, 42].

Методика

Участники исследования. В исследовании приняли участие члены семьи (семейные триады) — мать, отец и взрослые дети (11 юношей и 22 девушки) на этапе их сепарации (возраст 22 +/– 2 года). Общее число участников — 99 человек.

Для решения поставленных задач использовались следующие *методики и переменные*: Тест жизнестойкости (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой); переменные: *Вовлеченность (Вовл), Контроль (Контр), Принятие риска (Прин. р.), Общая жизнестойкость (Общ. жизн.)* [13]. Методика диагностики самооценки (Ч.Д. Спилбергер, в адаптации Ю.Л. Ханина); переменные: *Реактивная тревожность (Рт), Личностная тревожность (Лт)* [27]. Опросник терминальных ценностей; переменные*: Собственный престиж в профессиональной сфере (СПпж) и семейной жизни (СПсж), Материальное положение в профессиональной сфере (МПпж) и семейной жизни (МПсж), Креативность в профессиональной сфере (КРпж) и семейной жизни (КРсж), Социальные контакты в профессиональной сфере (СКпж) и семейной жизни (СКсж), Развитие себя в профессиональной сфере (РСпж) и семейной жизни (РСсж), Достижения в профессиональной сфере (Дпж) и семейной жизни (Дсж), Духовное удовлетворение в профессиональной сфере (ДУпж) и семейной жизни (ДУсж), Сохранение индивидуальности в профессиональной сфере (СИпж) и семейной жизни (СИсж)* [33].

Результаты исследования

Применялся корреляционный анализ, с помощью которого изучались связи между оценками параметров семейной среды, сделанными взрослыми детьми, их личностными переменными (тревожностью и жизнестойкостью), а также личностными переменными родителей, их оценками семейной среды и ценностными ориентациями. Оценки взрослых детей как отправная точка анализа, уровень интеграции и дифференциации структур связей, которые они образуют, могут свидетельствовать о согласованных и конфликтных сферах взаимодействия, обозначить сферы напряжения отношений или разграничения интересов в семье на этом этапе жизненного цикла. Данные представлены в *таблицах 1–4*.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции (R Spearman) оценок семейной среды, сделанных родителями и взрослыми детьми в группах 1 и 2

Переменные ШСО (дети)	Группа № 1 (N=15)	Группа № 2 (N=18)
	Переменные оценок семейной среды (родители)	Переменные оценок семейной среды (родители)
Сплоченность	***Мать:*** *К 0,67**, МН 0,62*** ***Отец:*** *К 0,61**	***Отец:*** *МН 0,48**
Экспрессивность	***Отец:*** *МН 0,60*, К 0,56**	***Мать:*** *Н –0,50**
Конфликт	***Отец:*** *Э –0,60**	***Мать:*** *ОД –0,46** ***Отец:*** *МН 0,59**, К 0,54**
Независимость	***Отец:*** *К 0,58**	***Отец:*** *ОД 0,47**
Ориент. на достиж.		***Отец:*** *МН 0,51**
Интел.-культ. ориент.	***Мать:*** *МН 0,53*, ОАО 0,52**	–
Ориент. на активный отдых	***Мать:*** *ОАО 0,69**, О –0,60** ***Отец:*** *К-т –0,64*, ОАО 0,52**	–
Мор.-нравств. аспект	***Мать:*** *МН 0,53** ***Отец:*** *К 0,54**	***Мать:*** *ОД 0,57**, К 0,53**
Контроль	***Мать:*** *К 0,55**	
Организация	***Мать:*** *К 0,59*, О 0,54** ***Отец:*** *ОД 0,78***, С 0,75***, О 0,61*, К 0,58**	***Отец:*** *Н –0,48**

*Условные обозначения: * — p≤0,05, ** — p≤0,01, *** — p≤0,001.*

Связи оценок, сделанных детьми и родителями, наглядно демонстрируют точки согласования мнений членов семьи относительно семейной среды (таб. 1). В половине корреляций со стороны родителей задействованы переменные, связанные с управлением — *Контроль* и *Организация.* Эти же переменные у детей задействованы в трети всех связей. Таким образом, для всех членов семьи в группе 1 имеют большое значение семейные правила, иерархия, морально-нравственные нормы, активный отдых и спорт. В группе 2 нет таких совпадений и нет преобладания в связях тех или иных переменных, а некоторые корреляции даже могут свидетельствовать о конфликте. Так, переменная у детей *Организация* отрицательно связана с переменной у отцов *Независи-*

Таблица 2. Коэффициенты корреляции (R Spearman) оценок семейной среды, сделанных взрослыми детьми, и ценностных ориентаций родителей в группах 1 и 2

Переменные ШСО (дети)	Группа № 1 (N=15)	Группа № 2 (N=18)
	Переменные ценностных ориентаций (родители)	Переменные ценностных ориентаций (родители)
Сплоченность	***Мать:*** *СИсж –0,74*** ***Отец:*** *СПсж 0,55*,* *СИсж 0,55**	***Отец:*** *ДУсж 0,46**
Экспрессивность	***Мать:*** *МПпс 0,72**,* *СПсж 0,60*,* *ДУсж 0,59** ***Отец:*** *СПсж 0,66**,* *СИсж 0,53**	***Отец:*** *ДУсж 0,49**
Независимость	***Отец:*** *СПсж 0,75**,* *МПпс 0,69**,* *СКсж 0,67**,* *СИсж 0,54**	***Мать:*** *СКсж –0,47**
Ориент. на дост.	–	***Отец:*** *ДУсж 0,54**
Интел.-культ. ориент.	–	
Ориент. на активный отдых	***Мать:*** *КРпс 0,58*,* *СПсж 0,53** ***Отец:*** *КРсж 0,54*,* *РСсж 0,53**	***Отец****: Дсж –0,57***
Мор.-нравств. аспект	***Мать:*** *Дпж 0,68***	***Мать:*** *СПсж 0,63***
Контроль	***Мать:*** *СПпс 0,69**,* *ДУсж 0,68**,* *ДУпс 0,61*,* *СКпс 0,53** ***Отец:*** *ДУсж 0.60*,* *СПпс 0,56*,* *МПпс 0,55**	***Мать:*** *МПсж –0,56*,* *СПпс –0,52** ***Отец:*** *СКсж 0,68***
Организация	–	***Мать:*** *СИсж –0,50**

*Условные обозначения: * — p≤0,05, ** — p≤0,01.*

мость, то есть для детей правила и обязанности — это порядок, а для отцов — зависимость.

В группе 1 получены связи как с семейными, так и профессиональными ценностями родителей: за исключением одной, все связи положительные. В группе 2 при общем низком числе связей минимально представлены корреляции с профессиональными ценностями, а с семейными — наполовину отрицательные (таб. 2).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции (R Spearman) тревожности и жизнестойкости взрослых детей и их оценок семейной среды в группах 1 и 2

Переменные ШСО (дети)	Группа № 1 (N=15)	Группа № 2 (N=18)
	Переменные тревожности и жизнестойкости (дети)	Переменные тревожности и жизнестойкости (дети)
Сплоченность	*Рт –0,58*, Лт –0,51* Общ. жизн. 0,56*, Вовл. 0,60 **	–
Конфликт	*Лт –0,57**	–
Независимость	–	*Общ. жизн. 0,56 ** Контр. 0,51*, Вовл. 0,48**
Интел.-культ. ориент.	*Лт –0,54*, Прин. р. 0,81***, Общ. жизн. 0,77**, Вовл. 0,73**, Контр. 0,66***	*Лт 0,56*, Вовл. –0,49**
Ориент. на активный отдых	*Прин. р. 0,74 **, Общ. жизн. 0,61 **, Вовл. 0,60 **	–
Мор.-нравств. аспект	*Вовл. 0,54**	–

*Условные обозначения: * — p≤0,05, ** — p≤0,01, *** — p≤0,001.*

Можно предположить, что этапу сепарации взрослых детей больше соответствует картина связей в группе 2, где наблюдается дифференциация оценок семейной среды детьми и ценностей родителей.

В группах различаются связи оценок семейной среды, сделанных детьми, с одной стороны, и их собственной тревожности и жизнестойкости (таб. 3). В группе 1 получены отрицательные корреляции с тревожностью и положительные — со всеми переменными жизнестойкости (этих связей в два раза больше, чем в группе 2, и они только положительные). В группе 2 наблюдается другая картина. У взрослых детей, считающих, что у семьи высокая степень активности в интеллектуальной и культурной сферах (переменная *ИКО*), отмечается высокий уровень личностной тревожности и низкий уровень такой переменной жизнестойкости, как *Вовлеченность.* В это же время, в группе 1 именно переменная *ИКО* образует положительные связи не только с *Вовлеченностью*, но и со всеми остальными переменными жизнестойкости. Если причиной этих различий считать согласованность семьи, то можно предположить, что совместная активность детей и родителей в интел-

Таблица 4. Коэффициенты корреляции (R Spearman) тревожности и жизнестойкости родителей и оценок семейной среды, сделанными взрослыми детьми в группах 1 и 2

Переменные ШСО (дети)	Группа № 1 (N=15)	Группа № 2 (N=18)
	Переменные тревожности и жизнестойкости (родители)	Переменные тревожности и жизнестойкости (родители)
Сплоченность	–	***Мать:*** *Лт –0,54**, Общ. жизн. 0,67**, Вовл. 0,57**, Контр. 0,51***
Независимость	–	***Мать:*** *Вовл. 0,48**
Ориент. на достиж.	***Мать:*** *Рт 0,57*, Лт 0,51**	***Мать:*** *Лт –0,56*, Контр. 0,74***, Общ. жизн. 0,59***
Ориент. на акт. отдых	***Отец:*** *Контр. 0,59**	-
Мор.-нравств. аспект	–	***Отец:*** *Рт 0,48*, Прин. р.–0,78****
Организация	***Мать:*** *Рт 0,53**	–

*Условные обозначения: * — p≤0,05, ** — p≤0,01, *** — p≤0,001.*

лектуальной сфере, являясь чрезвычайно важной в молодом возрасте, создает основу для уверенности молодых людей в себе, в том числе, в стрессовых обстоятельствах, к которым можно отнести сепарацию. Если семья несогласованна, в том числе, по ориентации на образование и культурные ценности, то это может являться основой тревожности детей и их нежелания проявлять активность, в частности, при сепарации.

В группе 1 получены связи оценок семейной среды, сделанных детьми, и высокого уровня тревожности матерей и всего одна корреляция — с переменной жизнестойкости отца. Напротив, в группе 2 получены отрицательные связи с личностной тревожностью матери и положительные — с реактивной тревожностью отца. В этой же группе получены положительные корреляции почти со всеми переменными жизнестойкости матерей (таб. 4).

Представляется, что в таких корреляциях отражается «обратная сторона» семейной согласованности и несогласованности. В согласованных семьях активная позиция детей (переменная *Ориентация на достижение*) сопровождается эмоциональным дискомфортом матерей, которые, возможно, видят в этом угро-

зу семейной целостности. Напротив, для несогласованных семей характерна большая эмоциональная устойчивость при проявлении различий во мнениях или поведении. В этой же группе низкая тревожность матерей соотносится с высоким уровнем чувства принадлежности детей семье (переменная *Сплоченность*). По-видимому, сплоченность с более уравновешенным человеком достигается легче и охотнее даже при общей несогласованности оценок. Высокий уровень адаптивности матерей (по переменным жизнестойкости) является, по всей видимости, еще одним ресурсом, на который опираются дети, дающие высокие оценки семейной среде. В этой группе отцы не вносят такой же позитивный вклад, как матери. Для объяснения этого факта требуется дальнейшее изучение *источников* несогласованности в таких семьях.

У данного исследования есть существенное *ограничение*, заключающееся в отсутствии информации о реальном положении дел с сепарацией взрослых детей — участников исследования. Поэтому выводы по результатам работы могут иметь лишь предварительный характер и отражать некоторые тенденции.

Итоги исследования свидетельствуют в пользу целостного характера психологического взаимодействия, неразделимости его социального и предметного сторон. Результаты позволяют описать два типа семейной среды на этапе сепарации взрослых детей. Первый тип — организованная семья, ориентированная на социальные нормы, второй — семья с менее артикулированными правилами, возможно, с более разнообразным поведением. Согласованный и несогласованный типы семейной среды соотносятся с разным сочетанием индивидуально-психологических характеристик членов семьи, в которых проявляются положительные и отрицательные стороны организации предметной области семьи.

Литература

1. *Александров И.О., Максимова Н.Е.* Дифференциация институализированных предметных областей и коммуникация // Известия Иркутского гос. университета, серия «Психология». 2014. Т. 8. № 4. С. 4–11.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001.
3. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
4. *Журавлев А.Л.* Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 6. С. 53–64.
5. *Журавлев А.Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–82.

6. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №6. С. 5–18.
7. Климов А.А. Взаимосвязь целостности группы и эффективности групповой деятельности // Психологические исследования. 2013. Т. 6. №31. [Электронный ресурс] URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 20.05.2015).
8. *Ковалева Ю.В.* Изучение субъектной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 466–482.
9. Ковалева Ю.В. Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях// Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
10. *Ковалева Ю.В.* Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №5. С. 50–70.
11. *Купрейченко А.Б.*, *Журавлев А.Л.* Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы // Парадигмы в психологии: науковедческий подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 217–239.
12. *Куфтяк Е.В.* Психология семейного совладания. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011.
13. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
14. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
15. *Мазилов В.А., Азов А.В., Вавилов Ю.П.* Психология в XXI столетии: Перспективы парадигмального синтеза // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. С. 20–27.
16. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
17. *Максимова Н.Е., Александров И.О.* Компоненты психологического взаимодействия и возможность их операционализации // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Междунар. конференции. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 161–164.
18. *Максимова Н.Е., Александров И.О., Тихомирова И.В., Филиппова Е.В., Фомичева Л.Ф.* Структура и актуалгенез субъекта с позиций системно-эволюционного подхода // Психол. журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 17–40.
19. *Махнач А.В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №6. С. 84–98.
20. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В.* Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 71–85.
21. *Мерзлякова С.В*. Сплоченность семьи как условие формирования семейного самоопределения юношей и девушек // Вестник Челябинского гос. педагогического университета. 2014. №9–1. С. 170–179.
22. *Молчанова Л.Н., Сердюкова Н.С.* Особенности функционирования микросоциальной системы «семья, пережившая воздействие кризисной ситуации, связанной с инвалидностью ребенка» // Перспективы науки и образования. 2014. №6 (12).
23. Методики социально-психологической диагностики личности и группы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Хащенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.

24. Методики социально-психологического исследования личности и малых групп / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 1995.
25. Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
26. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
27. *Практическая психодиагностика:* Методики и тесты: Учебное пособие / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998.
28. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
29. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.И. Ляшенко, В.Е. Иноземцева, Д.В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
30. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
31. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
32. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
33. *Сенин И.Г.* Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ). Ярославль, 1991.
34. Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т.П. Емельянова, А.Л. Журавлев, Г.В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
35. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
36. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
37. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
38. *Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
39. *Шутценбергер А.А.* Синдром предков. М.: Психотерапия, 2009.
40. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2006.
41. *Юревич А.В.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.В. Корниловой, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
42. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

О ВЫХОДЕ В СВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «ФИЛОСОФЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

В июне с. г. совместными усилиями издательств «Максимум» (Москва) и «Міръ» (СПб) издан энциклопедический словарь «Философы современной России» (Составление, вступительная статья, приложение — М.В. Бахтин)[1].

Нужно констатировать, что сообщество философов является, наверное, наиболее разобщённым из всех научных сообществ России, и на это есть объективные причины, прежде всего — особенности организационных форм существования философского знания. По существу, нет никакого единого центра, который реально объединял бы философов и создавал плодотворную среду общения. В других науках степень организационного единства безусловно выше, хотя в этом смысле нам сейчас далеко до советских традиций, когда существовали не только общественные объединения ученых, но и государственные центры управления наукой (такие, например, как министерство геологии). Соответственно, личная и профессиональная мобильность внутри научного сообщества философов весьма слабая.

Спорадическим является взаимодействие даже между наиболее значительными философскими учреждениями, такими как Институт философии РАН и философские факультеты известнейших вузов. Хотя в последние годы по инициативе деканата философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова возникли структуры, отчасти координирующие учебную работу философских факультетов классических университетов[2].

В наиболее зависимом положении от обстоятельств места и времени находятся сотрудники философских кафедр, разбросанных по вузам всей страны. Повсеместность присутствия философов не подкрепляется их единством. Это порождает заметные трудности в научной работе: при выборе тематики исследований, подаче заявок на граны, организации научных мероприятий (семинаров, конференций) и т. п. По-настоящему эффективной формой взаимодействия и информационного обмена для философов является, пожалуй, только участие в мероприятиях Российского философского общества, в частности — в Российских философских

[1] Философы современной России. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Сост., вст. ст., прил. М.В. Бахтина. М.: Издательский дом «Максимум» — СПб.: Издательский дом «Міръ», 2015. — 816 с.

[2] УМО вузов России по специальностям «Философия», «Теология», «Религиоведение» и другие.

конгрессах. Следствием слабости коммуникативных связей внутри философского сообщества и отсутствие информации о содержании научной деятельности коллег из многочисленных научных и учебных заведений являются дублирование и ненужная конкуренция в исследованиях, которые в более благоприятных условиях могли бы перейти в плодотворное сотрудничество.

В связи со всем сказанным обеспечение здорового информационного обмена среди философов — задача абсолютно насущная в нынешних условиях. Этой важной и практически значимой цели и служит изданный словарь. В нем содержатся биобиблиографические справки о ныне живущих в России профессиональных философах, включенных в активную научную деятельность. Он предназначен к тому, чтобы способствовать самоорганизации нашего философского сообщества, ознакомить философов с идеями и результатами коллег, дать информацию о научных работах, которыми они могут воспользоваться. Для интенсификации научного общения в статьях приводятся электронные адреса авторов. Большая часть статей сопровождается фотопортретами.

Перед создателями словаря стояла чрезвычайно сложная проблема — достаточно полно представить на его страницах информацию обо всех активно работающих исследователях (минимальным критерием отбора было наличие докторской степени и опубликованных монографий). Поскольку не существует никаких открытых баз данных о работающих в нашей стране исследователях, которые идентифицируют себя как философы, единственным возможным способом составления такого рода справочника был опрос самого научного и учебного сообщества. Обратиться непосредственно к каждому заинтересованному лицу не представлялось возможным, поэтому составитель словаря был вынужден использовать обращение к руководителям научных и учебных организаций (к директорам, ректорам, проректорам, деканам). Именно от их отношения к предложению довести до своих сотрудников информацию о возможности стать «героем» словаря и зависела полнота охвата тех или иных регионов в предлагаемом издании.

Основой настоящего словаря явилась информация, присланная самими его персонажами, их набралось 860 человек. В ряде случаев, для обеспечения большей объёмности картины философского процесса в современной России привлекалась также биобиблиографическая информация из тех открытых источников, которые не связаны с ограничениями авторским правом. Отличительной особенностью настоящего издания является очень полная представленность многочисленных регионов России, СНГ, ряда

зарубежных стран (США и др.). Другим новшеством является понижения возрастного «ценза» для включаемых в словарь персон. В результате, средний возраст представленного здесь философского сообщества оказался существенно меньше, в сравнении со всеми предыдущими аналогичными справочниками. Средний возраст российского философа, участника этого собрания, — 48 лет.

Составитель и издатели словаря предполагают, что его обновленный печатный вариант будет выходить ежегодно. В силу очевидных трудностей по сбору информации о всех представителях философского сообщества первый вариант не может претендовать на всеохватность, однако он важен как первый этап самоорганизации, откликаясь на который, как мы надеемся, все, кто активно работает в философской сфере и хочет быть представлен в последующих выпусках, пришлет нам информацию о себе и своей работе. Опережая неизбежную критику нынешнего первого издания, мы выражаем уверенность в том, что последующие издания дадут по-настоящему полную и адекватную картину современной российской философии.

Надеемся, что предлагаемый словарь будет способствовать новым исследования и станет заметным актом саморефлексии русской философии, а также послужит дальнейшему развитию коммуникации среди философов России, для чего оставляю свой электронный адрес: *midk2008@yandex.ru*.

Составитель словаря,
доктор философских наук М. Бахтин

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»
зарегистрирован
в СМИ ПИ
Свидетельство о регистрации №ФС77-37675
от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук
Российская Академия социальных наук
Российский государственный университет нефти и газа
им. И.М. Губкина

Главный редактор:
В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а
Тел./факс: (495) 938 58 43
e-mail: sigarevae@mail.ru
Материалы журнала размещены на сайтах:
WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 05.11.2015
Формат 62 × 94 $^{1}/_{16}$
Гарнитура «Pragmatica»
Тираж 1000 экз.
11,625 усл. п.л.